

Луговская Е.Т.

Языковая среда
полиязычного региона:
теоретические основания
описания

ТИРАСПОЛЬ
2023

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Луговская Е.Г.

**Языковая среда
полиязычного региона:
теоретические основания описания**

монография

Тираспол
2023

УДК 81`1: 81`27:316.7:122/129
ББК 1+81+87

Рецензенты:

Теркулов В.И., д.филол.н., профессор, зав.кафедрой русского языка
Донецкого национального университета

Погорелая Е.А., д.филол.н., профессор, зав.кафедрой русского
языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государ-
ственного университета им.Т.Г.Шевченко

Олейников С.В., д.полит.н., профессор кафедры журналистики При-
днестровского государственного университета им.Т.Г.Шевченко

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții din Republica Moldova

Луговская, Е. Г.

Языковая среда полиязычного региона: теоретические основания описания : монография
/ Е. Г. Луговская ; Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
Филологический факультет. – Тираспол : [Б. и.], 2023 ([Теслайн]). – 144 р.

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Referințe bibliogr.: p. 126-144.

ISBN 978-9975-3403-5-9 (PDF).

80/81

Л834

В монографии в русле современных процессов трансформации общекультурной и научно-философской парадигмы с постмодернисткой и неклассической к постпостмодернисткой (метамодернистской) и постнеклассической представлены основные понятия терминосистемы социолингвокультурной и психодидактической аспектации изучения языковой среды. Представлены концепты культура, коммуникация, поликультурность и транскulturность, лингвокультурный социоэмерджент; описаны понятия языковая среда, языковое пространство, языковая социализация, коммуникативная среда и языковой ареал, коммуникативная общность, речевой коллектив, реализована модель социально коммуникативной системы полиязычного региона.

УДК 81`1: 81`27:316.7:122/129
ББК 1+81+87

ISBN 978-9975-3403-5-9 (PDF)

© Луговская Е.Г.

Содержание

<i>От автора</i>	4
<i>Предисловие</i>	6
<i>Часть I. Языковая среда</i>	12
<i>Глава I. Операционализация понятия языковая среда</i>	14
<i>Языковая среда: лингводидактический аспект</i>	14
<i>Языковая среда: социолингвистический аспект</i>	20
<i>Языковая среда: психоллингвистический аспект</i>	24
<i>Глава II. Языковая среда как вид коммуникативного пространства</i>	29
<i>Языковая среда и языковая социализация</i>	31
<i>Языковая среда и языковое пространство</i>	37
<i>Виртуальная языковая среда</i>	44
<i>Глава III. Коммуникативная среда и языковой ареал</i>	55
<i>Коммуникативная среда и речевой коллектив</i>	56
<i>Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия</i>	62
<i>Коммуникативное пространство формирования личности</i>	68
<i>Часть II. Социально-коммуникативная система</i>	
<i>Приднестровья</i>	74
<i>Глава IV. Языковая ситуация как компонент социально-коммуникативной системы</i>	75

<i>Языковая ситуация и языковое сознание би- (поли-) лингва</i>	76
<i>Языковая ситуация и речевая способность (когнитивный аспект).....</i>	78
<i>Языковая ситуация и транслингвальность.....</i>	89
<i>Глава V. Моделирование социально-коммуникативной системы полиязычного региона .....</i>	95
<i>Социально-коммуникативная система как модель .....</i>	96
<i>Комплексное моделирование социально-коммуникативной системы.....</i>	98
<i>Человек как компонент социально-коммуникативной системы в концептологической аспектации .....</i>	103
<i>Глава VI. Социально-коммуникативная система Приднестровья.....</i>	106
<i>Особенности моделирования социально-коммуникативной системы.....</i>	108
<i>Дескриптивная модель социально-коммуникативной системы.....</i>	112
<i>Приднестровская художественная литература в структуре социально-коммуникативной системы.....</i>	115
<i>Литература .....</i>	126
<i>Публикации автора .....</i>	137

От автора

Монография о специфике языковой среды приднестровского региона как яркого примера исторически сложившегося в условиях поликультурности и полиязычия объединения людей должна была появиться давно. Исследования влияния современных процессов глобализации и глокализации на самоидентификацию личности поликультурного региона и сохранение ее самобытности, особенности формирования новой системы социальных идентичностей приднестровцев и роли русского мира как фактора сохранения и оптимизации толерантного межэтнического взаимодействия народов приднестровского региона и т.п. ведутся научным сообществом почти с начала формирования особого лингвокультурного социоэмерджента, который представляет собой Приднестровье.

Изучая культурно-семантическое пространство региона (НИЛ «Лингва» до 2020 года) и историко-культурный процесс Приднестровья (НИЛ «Литера» с 2020 г. по настоящее время) научные сотрудники Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко наработали интереснейшую теоретическую базу изучения лингвистической и литературоведческой специфики поликультурного региона; практикоориентированные исследования учительской общественности, оригинальные проектные работы студентов профессиональных учебных заведений и учащихся общеобразовательных учреждений как примеры реализации прагматического содержания научных текстов – весь объем изучения и описания приднестровского лингвосоциокультурного социоэмерджента формирует особое коммуникативное пространство научных текстов о культуре и языке региона, о приднестровской языковой, речевой и коммуникативной личности.

Актуальное состояние этой сферы исследования требует некоторого упорядочения как базовых теоретических оснований описания поликультурного и полиязычного региона, так и методологических установок лингвокультурного, по сути, и социально-исторического по функциям научного поиска.

Настоящая монография представляет собой собрание уже опубликованных в научной литературе авторской разработки причин,

условий и следствий формирования в Приднестровье особого социомерджента, его структуры и системности, его гносеологического потенциала и аксиологии (список работ автора приведен в завершение списка литературы).

Вместе с тем, необходимость собрать значимый научный материал воедино обусловила значимость переосмысления некоторых утверждений с учетом результатов текущего научного поиска по тематике «Языковая среда и ее влияние на формирование языковых особенностей приднестровцев» как лингвистического направления исследований по описанию историко-литературного процесса в Приднестровье.

Изучение природы и сущности историко-литературного процесса в Приднестровье невозможно без описания социального и художественного портрета приднестровца как личности, ценностный дискурс которой воплощается на трех языках в разностилевых и разножанровых текстах приднестровской литературы.

Однако так же, как интерпретация текста невозможна без описания текущего состояния системы языка, который питает автора-творца, лингвистических и нелингвистических следствий языковой специфики региона, так и понимание динамики социолингвокультурных трансформаций в постсоветских полиэтнических регионах, одним из которых является Приднестровье, немислимо без указания на обусловившую их глобальную смену парадигм и, что важно, без обращения к транснаучности как новому этапу в развитии методологии науки. Вторая половина XX века обозначила переход глобализационных процессов на качественно новый уровень – глобализация как процесс всемирной интеграции и унификации проникла во все сферы человеческой деятельности и это витальное условие сохранения человека как вида из абстрактного понятия превратилось в практическое руководство для каждого и, в первую очередь, для тех, кто работает в научной сфере, и направлением своего научного поиска задает вектор развития научного познания на десятилетия вперед.

Е.Т.Луговская

Предисловие

Процессы рубежа XX-XXI веков протекают в рамках научного дискурса и оказываются обусловленными глобальной сменой постмодернистской парадигмы на постпостмодернистскую. Упомянутая эпоха обозначена преодолением социальной организации, характерной для предшествующего периода модернизма как общей направленности на рациональное познание мира через преодоление старого, отжившего, расцениваемого как нежизнеспособное, и, прежде всего, традиций, - через стремление к новизне во всех сферах жизнедеятельности. Когда на смену модернистскому пониманию мира пришел постмодерн – классический тип мышления сменился неклассическим, а затем и постнеклассическим, и в рамках новой философской парадигмы обозначился постмодернизм как отрицание любого тотального дискурса.

Неизбежность ценностного кризиса в условиях постмодернистской парадигмы со временем стала очевидной, что заставило весь мыслящий, творческий мир задуматься над вопросом: чем же ответит человечество на новые вызовы эпохи? Постмодернизм сегодня уже осмысливается в целом как вполне законченный дискурс, функционирование которого вызвало необратимые изменения во всех сферах человеческой жизни, что, в конечном итоге, привело к его неизбежной трансформации – на смену постмодернизму пришел постпостмодернизм. Но что оставила нам методология постмодернизма?

Постмодернизм заставил весь мыслящий мир усомниться в самой науке, критерии научной рациональности были признаны относительными и исторически изменяемыми, сама наука история чуть не потеряла право на то, чтобы претендовать на научное знание и почти перешла в сферу художественного вымысла. Бесконечное число альтернативных видений, теорий, гипотез, граничащих с абсурдом, - все это слилось в единый метафизический дискурс, в котором строгая научность легко оказывалась заблуждением, а невероятные предположения – новейшими достижениями.

В эпоху, когда научное знание перестало быть замкнутым только в сферах одной науки, когда истинность знания перестала зависеть от строго соблюдения правил и норм только одной всеми принятой

концепции, когда понятие транснаучности и транснауки перестало обозначать область научных проблем, выходящих за границы современного научного знания, и стало пониматься как новый этап в развитии методологии науки, а сама наука стала открытой не только искусству, но и мировой политике и мировой экономике, в национальных научных кругах стали возникать опасения по поводу сохранения идентичности научного дискурса как особого типа дискурса вообще и национального научного дискурса, в частности.

Наука, как и все сферы активности человека во времена постмодернизма теряла свою цельнооформленность. Структура научного знания в рамках транснаучности менялась – возникали новые и новые научные дисциплины на стыках гуманитарных и математических, естественных и социальных, исторических и экономических, и т.п. наук.

Менялся дискурс науки и менялся язык его описания. Изменение языка научного описания в эпоху глобализации и транснаучности в условиях постмодернистской традиции проявилось прежде всего в экспансии окказиональной терминологии. Размытость границ научного дискурса, неопределённость предмета научного поиска новых дисциплин, прикладной характер многих исследований привели к тому, что некоторые исследователи слишком увлеклись престижджитаторством.

Другой стороной этого явления (размытости границ научного дискурса) явилась тенденция к попыткам сближения научного и публичного (а зачастую и художественного) дискурсов на поле научно-популярного представления достижений науки – безусловно это очень важный, но сложный процесс, который представляется нам двунаправленным.

С одной стороны, своеобразная гибридизация научного и политического и экономического дискурсов в некоторых направлениях научного поиска обязывает исследователей не только открывать новое научное знание, но и представлять его в таком виде, в каком оно будет понятно тем, от чьего одобрения зависит продолжение или закрытие научной темы. С другой стороны, интер- и междисциплинарность предполагают терминологическую нестрогость и неоднозначность, что зачастую приводит к сосуществованию взаимоотрицающих концепций одного и того же явления (что, кстати, характеризует и сам феномен постмодернизма). Попытки приспособить язык науки к языку публичного дискурса хороши тогда, когда это происходит в

дидактических или пропедевтических целях, точно, но не в качестве общей тенденции представления научного знания. Нельзя допускать опoшления научного знания. Наука может быть простой, понятной, но она ни в коем случае не должна быть пошлой. То, что уместно в научно-популярной передаче, не может быть проекцией научного знания, но только новым текстом, пресуппозитивность которого будет ограничена знаниями эпистемическими.

Второе десятилетие XXI века предложило новую концепцию, отражающую изменения, произошедшие со времени оформления постмодернистского дискурса как целостного концепта. Критика определенных аспектов постмодернистской парадигмы, появление в рамках ее существования новых направлений гуманитарных исследований когнитивно-коммуникативного толка привели к тому, что информационное пространство научного и всех других дискурсов оказалось переполненным симулякрами. Доступность практически любой информации обесценила ее содержание, сделав значимым и ценным только знание способа или пути ее нахождения – так даже научное знание превращается в симулякр, подделку, если оно существует само по себе вне носителя или транслятора этого знания.

Метамодернистское понимание мира состоит в том, что объект считается условно существующим до тех пор, пока известен путь к его отражению. Если я знаю, как и где найти информацию (текст, фото, др.) о чем бы то ни было, значит это “что бы то ни было” существует. Как только теряется путь – исчезает объект, даже если его отражение по-прежнему существует – в этом случае оно обретает сущность и становится самостоятельным объектом, к отражению которого (памяти о том, что оно было и есть) все еще известен путь. Полное забвение возникает в том случае, если нет пути и знания о нем. Информационное пространство сегодня переполняется такими сущностями - они уже не могут считаться объектами, потому что нет пути к их отражениям, и не рассматриваются как отражения, потому что нет памяти о том, зачем они были. Ссылка на авторитет, естественная для постмодернизма, больше не может считаться истинностной до тех пор, пока она не подтверждена реальным лицом или реальным знанием.

Таким образом, там, где постмодернизм провозглашает случайность и антинарратив, новая концепция метамодернизма устанавливает целостность и структурность, внутри которой есть место и случайности. В таком понимании научное знание приобретает не только

истинность, но упорядоченность и целостность, которой оно было лишено в постмодернистской размытости. Метафизическое понимание мира дополняется холистическим взглядом на мир, и такой подход, возможно, позволит преодолеть те проблемы, которые были отмечены учеными в начале XX века.

Субъективность как все, что относится к субъекту и обуславливает его уникальность (особенности мировоззрения, ценностные и морально-нравственные установки) репрезентирована в лингвистике субъективностью языка, выражающейся, в том, что именно субъект или фигура говорящего¹ (согласно Ю.Д. Апресян) является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства.

Такой субъективный антропоцентризм, выступающий базовым свойством языка как средства коммуникации, рассматривается в качестве проявления еще более фундаментального с точки зрения антропоцентрической парадигмы свойства человека как активного познающего субъекта - интенциональности.

Однако интенциональность как направленность субъективности на выделяемую субъектом восприятия фигуру объективного фона реальности, как состояние, относительно которого возникает намерение, манифестирована в речевой коммуникации не только такими лингвистическими средствами, которые субъект отбирает для максимально адекватного выражения своей субъективности, но и такими, которые необходимо будут распознаны адресатом. В силу этого требования онтологический статус интенционального объекта предопределяет необходимость различения самого объекта реальной действительности (предмета, на который обращено внимание субъекта), и его смысла, когда интенциональные отношения представлены как взаимосвязанность и взаимозависимость акта, в котором конституируется объект, и объекта, в свою очередь, выступающего коррелятом конститутивного акта сознания.

Этот подход делает и провозглашенную постмодернистской философией смерть субъекта, и его воскрешение (поздний постмодернизм), не просто фактами разрушения монолитности представлений о субъекте как носителе чистой когнитивной рациональности и размывания границ обоих понятий (и субъекта, и объекта), но и

---

¹ Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. научн. статей. – М.: Наука, 1986. Вып.28.

указанием на невозможность моделирования субъект-субъектных отношений речевой коммуникации на основании субъект-объектных отношений коммуникации вообще без переопределения всех значимых составляющих этих взаимодействий.

Другими словами, стремление постмодернистской философии разрушить субъект, расщепляя его на или сводя только к проявлению интенциональности в виде абсолютной иронии, приобретающей в постмодернизме некоторую объективность, в конечном итоге, приводит к переосмыслению проблемы феномена индивидуальности как такового.

Постмодернизм как распад объективной картины мира на множество субъективных, так же расщепленных постмодернистским сознанием, постмодернистская гиперрефлексия, представляющая собой проекцию субъективного, и, одновременно, некоторую объективную интенциональность, внеположенную субъектности, вывели понятие субъективности к его краевому состоянию, в котором субъект сливается с объектом, но не отождествляется с ним. Размытость границ, некритичная при наличии четко очерченного ядра понимания субъекта как носителя рациональности, в краевом состоянии превращается в новое ядерное пространство интер- или даже транс-субъективности, благодаря чему на передний план выходит не интенциональность сама по себе, и даже не ее реализация в коммуникативных процессах, а собственно коммуникация, выступающая как деятельностный субъект; на периферии же можно обнаружить субъективность, понимаемую как респонзивность объекта коммуникации.

Указанная размытость границ ни в коем случае не является показателем аструктурности как нарушения равновесия системы, что характеризовало постмодернистскую парадигму восприятия мира, - напротив, отсутствие четких рамок восприятия и интерпретации как своеобразная хаосность новой парадигмы возвращает культурное сознание индивида к изначальной холистичности.

Метамодернистский дискурс не может быть рассмотрен ни как субъектный, ни как объектный, он ни синтагматичен, ни производим, он больше не находится во власти говорящего, - сам говорящий теперь всего лишь элемент коммуникации, функционирующей как субъект. Метамодернистский дискурс не может быть более охарактеризован в терминах субъектно-субъектных или субъектно-объектных отношений, его целостность не равняется сумме его элементов, она распределена, но это распределение постоянно мерцает,

осциллирует, что позволяет характеризовать метамодернистский дискурс как транс-субъектный.

При таком понимании язык сам становится субъектом коммуникации, и его сущностной характеристикой становится интенциональность, обуславливающая способность языка направлять говорящего, когда отбор и синтагматическая организация языковых средств теряют субъективность и оказываются парадигматической совокупностью языковых средств, характеризующих объект (или его вариант, часть, сторону, аспект), способный принять и реализовать данный вариант коммуникации с этим набором средств. Одновременно, язык не перестает оставаться фоном (контекстом), на котором происходят взаимодействия, и в которых реализуется его интенциональность.

Органичность единства языка и сознания, диалектичность мышления как субъективной способности объективного отражения действительности, в том числе и с помощью языка, позволяют утверждать, что трансформация понимания субъективности как обязательного признака индивида, рассмотренная шире, как характеристика любой деятельности, субъектность которой формируется как результат последовательных изменений ее состояния, тесно связана с понятием холистичности языковой картины мира.

Наблюдение за субъектными характеристиками языка как деятельностного субъекта позволяют делать вывод о характере его интенциональности и на этом основании моделировать саму деятельность (в частности, речевую коммуникацию) с точки зрения составляющих ее элементов, и прогнозировать возможность реализации ее вариантов в соотносимых модельных условиях.

Такой подход к языку, коммуникации невозможен изнутри самой системы языка или изнутри классической модели коммуникации. Необходимо не просто привлекать для изучения этих феноменов данные других наук (это делалось и раньше), но превратить сами эти феномены в деятельностные и самопознающие субъекты, вывести человека как деформирующий познавание фактор за рамки изучаемых явлений, но не диссоциироваться от них или от самого себя, а увидеть себя составным элементом языка или коммуникации, и, одновременно, каждый из этих феноменов (и другие - так же) увидеть своей неотделимой частью, оказавшись вне рамок традиционных научных дисциплин как продукта специализации. Таким образом трансформация субъективности в метамодернистском дискурсе выступает основанием трансдисциплинарности современной лингвистики.

Часть I.

Языковая среда

Изучение и описание языковой среды как научного понятия, моделирование структуры этого концепта всегда базируется на эмпирических данных; наблюдение жизни языка в его социолингвокультурной, историко-политической, этногеографической специфике дает необходимый материал для построения схемы и системной реализации всего объема значений термина языковая среда. Однако только индуктивное движение мысли от единичного, частного к общему ограничивает развертывание научной мысли, без обратного движения; без дедуктивного выведения и восхождения от абстрактного к конкретному исследовательская мысль не оформится в целостную систему. Этим, отчасти, объясняется некоторое мерцание объекта обсуждения данного исследования при неизменности предмета – языковой среды. Рассматривая понятие языковой среды, мы реализуем его описание на конкретном материале Приднестровья, при этом предлагаем модели, которые вполне накладываются и на другие поликультурные регионы: объект будто мерцает – от общенаучного понимания к конкретному, от специфики к обобщению, от теории к практике и обратно.

Специфика сформированного в Приднестровье лингвокультурного социоэмерджента, характеризующегося преобладанием особого типа полубилингвизма, тяготеющего к семилингвизму (не в традиционном понимании термина, а в значении вызываемого им эффекта культуральной недостаточности, при котором принимающая культура не в состоянии принять проекцию смыслов интерферирующей культуры в силу несоответствия наборов значимых структурных компонентов и систем связей между ними) предопределяет необходимость выхода за рамки межкультурной парадигмы в сторону транскультурности и транслингвизма.

Нерегулярные, спорадические попытки переноса элементов одной лингвокультуры в другую при семилингвизме в качестве способа исправления неизбежных для семилингвизма деформаций тезауруса можно рассматривать как потенцию транслингвальности, которая, напротив, способна вызвать эффект культуральной избыточности. Трансформируя языковые коды в соответствии с целями коммуникации (в зависимости от сферы коммуникации) двуязычный или мультязычный языковой субъект формируется в рамках смешанного дискурса как объект разных лингвокультур, сохраняя при этом свою лингвокультурную идентичность. Таким образом, транслингвальный субъект характеризуется способностью к осмыслению инокультурного элемента с учетом места переносимого элемента в другой лингвокультурной системе и его фонетических, грамматических, семантических связей и ассоциаций.

Формирующаяся на поликультурной и полилингвальной территории языковая личность, вбирая в себя яркие и социально подтвержденные лингвокультурные и коммуникативно-прагматические элементы, при недостаточности национально-культурного воспитания становится личностью нового типа. Поликультурные элементы такой языковой личности оказываются практически не вычленимыми из ее сложной структуры. Языковое сознание такого индивида искажено смешением языковых и концептуальных картин мира, которое происходит в условиях формирования транскультурной личности в ситуации неполного и неглубокого погружения в лингвокультурную специфику соответствующих языков.

Глава I. Операционализация понятия языковая среда

Термин *языковая среда* относится к числу тех элементов научного дискурса, которые имеют широкое хождение и при этом, практически, не теряют своей однозначности ни в узком, ни в специальном употреблении. Языковая среда – это всегда то, что окружает человека говорящего, и говорит вместе с ним; как и всякая среда – социальная, психологическая, образовательная, виртуальная, окружающая, др. - это не просто окружение системы, а то из этого окружения, что жизненно важно для системы. В случае понимания языковой среды как вида коммуникативного пространства, в котором реализуется общение, - это специфическая структура стереотипов речевого поведения, речевых норм и особого набора элементов языка, принятых в тот или ином обществе.

Языковая среда складывается исторически, она формируется проживающими на определенной территории носителями определенного языка и культуры, общего для них, и, наоборот, формирует условия успешной социализации, обеспечивая интеграцию индивида в социальную систему через овладение, прежде всего, языком, а посредством него - и знаниями, навыками, ценностями и правилами, значимыми для успешного функционирования индивида в этом обществе.

Языковая социализация обеспечивает социальное взаимодействие как важный фактор формирования коммуникативной компетенции. Таким образом, языковая среда может рассматриваться как исторически сложившееся объединение людей на основе общего языка и культуры, проживающих на определенной территории².

Языковая среда: лингводидактический аспект

С лингводидактической точки зрения можно определять языковую среду как окружение, в котором происходит изучение языка. С этой

---

² Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам).- М.: Издательство ИКАР. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. 2009.

стороны, в условиях, когда обучение тому или иному языку организуется в условиях соответствующей культурно-языковой среды, говорят о естественной языковой среде, если же условия и средства обучения лишь имитируют культурно-языковые особенности, пытаюсь воссоздать языковую среду изучаемого языка в определенной точке пространства и времени – в аудитории на занятиях, тогда речь идет об искусственной языковой среде.

Неравнозначность условий изучения языка, реализуемых в ситуации вне объективных факторов, воздействующих на личность в иноязычной среде, таких как непосредственное зрительное восприятие окружающего мира, аудиоинформация, воспринимаемая и как фоновая (национально маркированные фоновые знания), и как ситуативно значимая, а также сами речевые ситуации и обуславливающие их стереотипы социального общения, но с помощью видео и аудио контента на изучаемом языке (как суррогата межкультурного языкового контакта), по сравнению с условиями внутри обучающей стихии языка актуализирует понятие транскультурной компетентности.

Транскультурная компетентность, отраженная (в том числе!) в степени владения языковой, речевой и коммуникативной культурой, представляет собой комплексный феномен, реализация которого в рамках образовательной деятельности имеет пропедевтическое значение.

В педагогической науке накоплен немалый опыт в сфере формирования межкультурной (но еще не транскультурной) компетентности как совокупности личностных качеств (порядочность, познавательная активность, нацеленность на эффективность межкультурного общения, умение слушать и критически оценивать услышанное), знаний системы ценностей и отношений (знания о культурных ценностях и особенностях коммуникации с представителями других культур), способствующих созданию ценностно-смысловых, когнитивных, эмоционально-волевых и поведенческих результатов. И все это может быть достигнуто как в естественной, так и искусственной обучающей языковой среде, когда коммуницирующие культуры (межкультурной коммуникации) определены, поименованы и каким-либо образом маркированы (вербальными и невербальными знаками, специфическими сценариями поведения, культурными артефактами, др.).

Оговоримся, что это не так в виртуальной языковой среде, где языки и культуры представлены в таком разнообразии, которое зачастую не предполагает равенства между языком коммуникации и

культурной идентичностью говорящего, когда многообразие транслируемого опыта и вариаций универсальных ценностей заставляет говорить о глобальной культуре как сущностном основании взаимодействующих объектов, которые в рамках определенной языковой среды идентичностно означены. Вместе с тем, понятия глобальной культуры и ее значимой части информационной культуры масс-медиа, реализованной, в частности, средствами сети Интернет, тесно связаны с транскультурностью как таким состоянием, которое предполагает некоторый выход за рамки своей идентичности, но не потеря ее.

Транскультурность - это своеобразный вектор формирования особой идентичности – идентичности не национальной, не этнической, но культурно специфической, уникальность и одновременно универсальность которой реализована в сложном взаимодействии разных личностных аспектаций (когнитивной, психологической, социальной), и базовое, определяющее значение здесь может играть именно языковая ситуация, в рамках которой формируется личность.

Когнитивный стиль познавательной активности человека тесно связан с семантикой, синтактикой и прагматикой родного (первого) языка, но с другой стороны, специфика формирующейся знаковой системы, посредством которой личность означает окружающую его действительность, диктуется психотипическими предпочтениями, которые, в свою очередь, разрешены как допустимые или недопустимые (в любом случае, их реализация возможна) соответствующей лингвокультурой и позволяют реализовать себя в том или ином социальном окружении (и как представителя той или иной социальной группы, и как индивидуальность, выделяющуюся на общем социальном фоне). И если язык и культура, то есть основания языковой среды как среды формирования личности, уже диффузны, то и сама языковая ситуация оценивается как располагающая к формированию транскультурности.

Так, например, приднестровский лингвокультурный социоэмерджент отмечен внутренней противоречивостью, связанной с тем, что, с одной стороны, диглоссно-билингвальная сущность неравновесного национально-русского билингвизма и диффузный характер языковых процессов в регионе делают проблемной лингвокультурную идентификацию – это, в частности, подтверждается тем, что несмотря на то, что этническая идентичность индивида, как правило, осознается в этнолингвокультурной целостности, и предполагает соотносимость этнической и языковой самоидентификации, интересным фактом

результатов переписи населения Приднестровья 2015 года стала информация о том, что 0,2% населения Приднестровья в качестве своей национальности указали «приднестровец». А с другой стороны, существует развитая система образования, обеспечивающая возможность продуктивной национально-культурной самоидентификации личности в учебной среде национального языка.

Вместе с тем, особый характер языковых процессов в регионе не последнюю роль играет в становлении общего вектора развития социолингвокультурной ситуации как ситуации, прежде всего, транскультурной. Языковая ситуация во многом предопределяет специфику языкового сознания проживающих в поликультурном регионе – несмотря на то, что в качестве родного языка индивид укажет русский, украинский и др. язык, языковое сознание так или иначе будет отражать те особенности и реалии соответствующей национальной культуры, которые актуальны именно на этой территории; причем некоторые культурные аспекты могут быть в той или иной степени деформированы под влиянием соседствующих языков и культур, и именно они обуславливают неповторимость лингвокультурного своеобразия региона.

Транскультурность, таким образом, настолько глубоко вшита в структуру личности, что закономерен вывод о невозможности ее намеренного формирования, но верно и обратное – сущностная транскультурность сознания, если можно так выразиться, есть активная потенция личности к поликультурности и полиязычию, что позволяет формировать, прежде всего, эмотивную компетенцию транскультурной личности как сложный комплекс знаний о себе и Другом, способности к эмпатии, умения эмоциональной саморегуляции и навыка реализации эмоционального речевого воздействия в ситуации межкультурного диалога в широком контексте.

Как видно, понятия поликультурности и транскультурности одновременно взаимообуславливают и взаимоотрицают друг друга.

Поликультурность как совокупность опытного и теоретического знания об особенностях культурных проявлений, оцениваемых личностью как странных, необъяснимых и неприемлемых, но имеющих место, и потому с оговорками принимаемых, по этому признаку противопоставлена транскультурности как интуитивному пониманию и принятию культурных оснований странного, необъяснимого или неприемлемого поведения другого.

И в этом утверждении нет противоречия – если модель поликультурности может быть представлена как сумма культурных сходств и различий разных культур, то модель транскulturности не реализуется как простая совокупность. Модель транскulturности сущностно неаддитивна и даже, если предположить, что две сопоставимые по общему набору составляющих модели – поликультурная и транскulturная – могут быть спроецированы друг на друга – разница будет как в степени значимости, так и в системе связей тех культурных узлов, которые представляют схемы этих моделей.

Научить поликультурности, в принципе можно – это как особая философия принятия Другого, который, тем не менее, все равно остается Иным, уже не чужим, уже знакомым в рамках системы рационализации его лингвокультурного поведения, но все равно Иным. Приняв подобного рода философию, индивид способен в необходимых ситуациях межкультурного взаимодействия даже надевать на себя личину этого самого Иного, реализовывать Иные сценарные структуры и даже верно интерпретировать результат как положительный (продуктивная коммуникация) или нет (непродуктивная коммуникация). Вместе с тем, глубинного понимания сути происходящего в таком межкультурном диалоге Иного с Иным все равно не будет, хотя при удачной реализации сценариев, соблюдения правил и норм этого поликультурного кода, взаимодействие признается состоявшимся и результативным.

Научить транскulturности – практически невозможно, как крайне сложно научить человеческому общению ребенка-маугли. Транскulturность – это особая потенция личности, которая реализуется как способность, идентифицируя способы взаимодействия с миром, как относящиеся к той или иной лингвокультуре, тем не менее, принимать и использовать их как свои, тесно слитые с когнитивными и психологическими особенностями своей личности, допускаемые ее структурой, а не только диктуемые социально-ситуативными установками момента коммуникации.

Межкультурная компетенция как способность эффективно общаться с представителями разных культур из своей культуры является главным итогом образования и воспитания личности на основе диалога культур, и это очень важный аспект образования особенно в полиязычном и поликультурном обществе. Вместе с тем, современный глобализующийся мир заставляет научное и педагогическое сообщество по-другому смотреть на проблемы сферы

межкультурного общения и иначе оценивать результаты работы, которая должна проводиться с обучающимися в этом направлении. Формирование межкультурной компетенции сегодня, когда происходит переосмысление самого феномена межкультурности в сторону транскультурности, становится едва ли не самой важной педагогической задачей для регионов, подобных приднестровскому, где исторически складывается такая модель взаимодействия языков и культур, которая не может быть определена в терминах межкультурности.

Представление модели национальной личности через систему концептов или коммуникативных элементов, специфику категориального членения мира или типологических особенностей языка может считаться вполне успешным именно на уровне модели, то есть в рамках обобщенно-инвариантного представления. Однако в условиях широкого разнообразия вариантов такой модели и степеней ее сложности зачастую возникают трудности с определением лингвокультурной модели языковой личности (особенно с учетом возможной транскультурности личности). В этом случае при построении модели языковой личности возникает необходимость выхода на глобальный уровень обобщения и построения региональной модели языковой личности. Такая необходимость ощущается при попытках описания языковых личностей полиязычных и поликультурных регионов, а особенно – регионов, которые представляют собой арену столкновения и взаимодействия противоречивых или противоборствующих социокультурных предпочтений Востока и Запада, Европы и Азии и т. п.

Так, например, рассматривая языковую личность приднестровца, мы так или иначе отдаем предпочтение той модели национальной языковой личности, язык которой выступает для такой языковой личности родным, но не можем не учитывать интерферирующего воздействия значимых узлов и другой (второй, третьей и т.д.) модели национальной языковой личности.

Если выделять в структуре модели национально языковой личности некий центр, в условиях которого вариантность элементов минимальна, а по мере отдаленности от центра вариативность и вариативность узловых элементов модели увеличивается, то в этом аспекте наибольший интерес приобретает анализ самих узлов модели, то есть базовых элементов взаимодействующих картин мира, приобретающих некую трансграничность, и в силу этого, трансформирующихся иногда до полного самоотрицания и таким образом

оказывающих интерферирующее влияние даже на ядерные компоненты базовой модели языковой личности.

Для Приднестровья как поликультурного и многоязычного региона с достаточно древней культурно-исторической традицией межэтнического взаимодействия верно утверждение о формировании своеобразного этносообщества, основными признаками принадлежности к которому является русскость его членов, их самоидентификация с Россией, владение русским языком, осознание своей сопричастности русской культуре и принадлежности особому типу менталитета. И это как раз то, что может претендовать на звание ядерной структуры в модели языковой личности, и то, что однозначно реализуется в результатах ее коммуникативной деятельности. С этой точки зрения отдельного внимания заслуживает региональный художественный текст приднестровских авторов. В ситуации соположения нескольких языков и культур в их взаимодействии речевая деятельность приднестровских авторов может быть определена как литературно-художественный билингвизм, обусловленный взаимодействием родного языка автора с другими языками региона.

Возможность эффективного использования нескольких языков в речевом репертуаре автора и креативного приспособления разных языковых кодов к специфическому контексту обеспечивает проницаемость языков и, следовательно, возникновение особого качества лингвокультуры – транслингвальности, которая характеризуется не только интерференционными явлениями, но и процессами окказионального заимствования и семантической неопределенности (амбигуации), что обуславливает специфику репертуара речевых средств полиязычной языковой личности на территории взаимодействия языков и способствует узнаваемости языка региона его носителями.

Языковая среда: социолингвистический аспект

В основе любого социального взаимодействия лежит процесс идентификации как формальное и(или) содержательное слияние индивида с группой, и сам результат действия механизма идентификации - то есть идентичность - как состояние самоотождествления. Вопрос самоидентификации для индивида наиболее остро встает в ситуации социально-экономических и политических изменений в мире и регионе. Феномен идентичности по своей природе социокультурен и может быть представлен как актуальный результат некоторых, уже

произшедших, социокультурных и социоментальных трансформационных процессов, локализованных на определенной территории.

Языковая среда в этом смысле может выступать и базовым основанием для указанных процессов, когда определённые точки социолингвокультурной нестабильности в структуре языковой ситуации либо задают вектор упомянутых трансформаций, либо просто обозначают место и момент формирования бифуркационных процессов; и неизменяемым (до определенной степени) базовым основанием стабильности языковой среды, нормативность и традиционность которой обеспечивает естественность изменений (при отсутствии революционного институционального вмешательства); и в какой-то степени сдерживающим фактором, тормозящим неизбежные трансформации социолингвокультурной системы того или иного сообщества под влиянием глобализации. Так, например, закрепление трилингвизма в Приднестровье обусловлено требованием соответствующей времени и месту трансформации языковой ситуации, что имело историко-культурные основания и задавало вектор дальнейшего развития языковой среды. Вместе с тем, потенция более широкой, чем трилингвально реализованная, поликультурности, значимой для нашего региона, сегодня материализуется, в частности, в увеличении объема представленности иных (помимо русского, украинского и др.) языков и соответствующих культур в структуре языковой ситуации региона: например, увеличилась доля гагаузского, румынского компонентов структуры, для некоторых сфер социально-коммуникативной системы стал значимым компонент кавказской культуры (еда, торговля), компонент европейской потребительской культуры в ее весьма среднем социальном измерении (торговля невостребованными европейцами товарами, сети магазинов, рассчитанных на потребителя с ограниченным бюджетом, и т.п.).

Языковое внедрение этих инокультурных элементов в сбалансированную языковую среду реализуется достаточно мягко – новые слова закрепляются вместе с пониманием сущности и функционала нового предмета, стереотипные ситуации, которые обеспечивают реализацию этого функционала, принимаются как свои и встраиваются в региональную культуру. Больше всего подобного рода принятию подвержены представители молодого поколения, для которых становление и развитие личности – актуальное состояние, а проблемы самоидентичности пока ставятся на уровне «узкоспециализированных» социальных групп (авторитет и место в компании одноклассников,

среди игроков в компьютерную игру, в спортивной команде, дворовой компании, др.).

В плане речевого общения и языковой компетентности молодое поколение нередко представлено языковой личностью с деформированным тезаурусом – с одной стороны, в силу его гипертрофированности в сторону увеличения количества известных им иноязычных слов с минимально необходимым для их использования понятийным объемом; с другой стороны, именно из-за понятийной недостаточности – в силу скудности средств родного языка для описания как новых элементов мира, обозначенных иноязычной лексикой, так и мира вообще (как мира, отличающегося от транслируемого для них взрослым поколением, и в первую очередь, отличающегося наличием и значимостью этих новых элементов).

В таком понимании образование на родном языке, изучение родного языка и литературы, прежде всего классической, но и современной, региональной приобретает решающее значение. В данном случае определяющей выступает именно сфера академического общения как неотъемлемая часть бытования внутри родной языковой среды. Родная языковая среда, гармонично и естественно обеспечивающая возможности для реализации нормативных образцов межличностного и межкультурного общения, обеспечивает в таком случае, необходимый и достаточный лингвокультурный фон, на котором иноязычные и инокультурные элементы выступают не более чем узор, особое оформление базовой языковой (речевой, коммуникативной) компетенции носителя языка.

Полилингвальность и мультикультурность современного мира выдвигает транскультурную компетентность на передний план проблематики воспитания подрастающего поколения, делает ее неотъемлемым условием социализации. Для формирования транскультурной компетентности важно научить детей узнавать самих себя в представителях другой культуры. Так, в рамках преподавания литературы или иностранных языков педагогу иногда приходится помогать учащимся не только понимать иную культуру и традицию, принимать чужую ценностную парадигму, но и уметь интерпретировать феномены своей культуры, объяснять использованные национально-культурные изобразительно-выразительные средства, обнаруживать и описывать национальные концепты и архетипы, определять контекст создания произведения, выделять национальную и общечеловеческую тематику текста, сопоставлять героев между собой и с героями других национальных

литератур в близких сюжетах. Важным результатом обучения неродному или иностранному языку выступает сформированная межкультурная (транскультурная) компетенция, которая будет реализовываться в процессе межкультурной коммуникации в единое с собеседником из другой культуры понимание происходящего благодаря знаниям о различиях культур, умении обсуждать эти различия, быть посредником между культурами и уметь изменить свое отношение к ним.

Рассматривая актуальную для современного образования вообще и для сферы филологических наук, в частности, проблему резкого уменьшения объемов практики чтения обучающихся, что закономерно влечет за собой снижение уровня языковой, речевой и коммуникативной компетентности даже в отношении родного языка, особо подчеркнем значимость комплексного изучения регионального художественного текста как важного условия формирования целостной картины мира личности и оснований социализации.

Приднестровский регион можно считать языковым сообществом, условно состоящим из билингвов (в самом широком смысле), владеющих как минимум двумя разными языковыми системами в такой мере, чтобы национально-культурная специфика каждой из этих сторон языковой личности была очевидна. Такое положение вещей возможно в силу длительного совместного проживания разных национально-культурных сообществ, представители которых, являясь носителями национальных языков и соответствующих национально-культурных особенностей, находятся в постоянном взаимодействии, что способствует формированию особого типа менталитета. На основании трансформации региональной языковой личности как личности, в первую очередь, поликультурной и при этом не всегда полиязычной можно выделять псевдомонолингвизм как явление, при котором индивиды, активно использующие в своей когнитивной и коммуникативной деятельности один язык, тем не менее оказываются потенциально готовыми при необходимости к интенсивному освоению другого (других) языков, составляющими специфику их локальной идентичности.

Наиболее ярко специфика такой личности раскрывается в речетворчестве, во многом, потому что базовые для ее лингвокультурной идентичности культурные аспекты в условиях поликультурности уже освоены в процессе формирования языковой картины мира монолингвальной языковой личности, а творческий акт лишь активизирует способность объединять в сознании и, переосмысляя, вербализовать

достижения нескольких национальных культур. То есть правомерно говорить о феномене транскультурной личности, для определения идентичности которой ни концептуальная, ни языковая картина мира не может считаться определяющей в силу интуитивного использования ею целой совокупности национально неспецифичных для монолингва элементов.

Так, современный русскоязычный приднестровский писатель, поэт, нативный носитель русского языка, может быть рассмотрен как русская языковая личность, специфика которой обусловлена лингвокультурными особенностями регионального варианта русского национального языка в Приднестровье, что в достаточной мере выявляется с помощью анализа текста. Несомненно, для филологического анализа художественного текста традиционно важен учет специфики жанра, направления, особенностей идиостиля, т.п. Однако все эти сведения особым образом преломляются в анализе текста регионального, написанного на русском языке, но реализованного в особой речевой манере, отражающей поликультурную и полиязычную специфику региона, содержащую маркеры транскультурности языковой личности автора. Последняя, в свою очередь, может проявляться в *остранении языка* – особой формально-речевой транспозиции, основанной на нарушении литературной нормы на фоне достаточно высокого уровня языковой компетентности и рассматриваемой как *анормативность*, обусловленная региональной спецификой полилингвокультурного социоэмерджента с базовым компонентом русскости.

Псевдомонolingвальность одноязычной языковой личности полиязычного региона реализуется, таким образом, в регулярных деформациях языковой системы родного языка, в результате чего формируется особый региональный вариант национального языка как родного языка монолингва, реализуемый не только в художественной и обиходно-разговорной сфере, но и в публицистической, академической и фрагментарно в официально-деловой.

Языковая среда: психолингвистический аспект

Региональный текст как знаково-символический комплекс, в котором зафиксирован ценностный образ региональной культуры, выступает необходимым материалом, освоение которого

обучающимся способствует его успешной социализации в рамках конкретного сообщества. Такой, по сути, транслингвальный и транскультурный культурно-символический код обеспечивает понимаемость регионального текста, а узнаваемость знаков этого кода обеспечивает поддержание интереса к контексту их использования, то есть тексту в целом. Анализ регионального текста позволяет работать не только с интеллектуальной, но и с эмоционально-волевой сферой личности, корректируя качество и динамику эмоций и чувств формирующейся личности с учетом конкретных условий социализации, значимых для региона. Особое значение данное утверждение приобретает в контексте рассмотрения вопроса изучения литературы и публицистики родного края в школе и вузе.

Воспитательное воздействие художественной литературы во многом основано на эффекте заражения (как психологического феномена), и задача педагога помочь обучающимся верно определить вектор такого заражения, задать аксиологические параметры эффективного воздействия художественных образов на формирующуюся личность.

Для решения этой глобальной задачи региональный художественный текст подходит как нельзя лучше: язык произведения, в котором не только можно встретить регионализмы в качестве средств создания художественной образности, но и в целом принять язык произведения как узнаваемый, предельно понятный (особенно если речь идет об авторах-современниках) в силу его особой региональной специфики; система образов, круг забот персонажей, культурно-нравственная проблематика узнаваемы и не затрудняют интерпретации текста; другие знаково-символические приметы региона, используемые писателями литературы родного края, соотносящиеся с контекстом реальности, затекстовой и интертекстуальной информацией, которую обучающиеся способны узнать, – все это вызывает яркий эмоциональный отклик и может быть использовано в качестве отправной точки обсуждения, изучения и анализа текста как целостности.

Системное рассмотрение поэтики художественных текстов – важный элемент познавательной деятельности обучающихся, позволяющий структурировать картину мира личности посредством аспектации ценностных смыслов и способов их речевого представления.

Обучение анализу текста позволяет решать задачи развития коммуникативной, лингвистической, языковой и культуроведческой компетентности, но сама постановка этих задач возможна только при

условии достаточно развитой читательской компетенции, что представляет собой отдельную дидактическую задачу с учетом такой когнитивно-стилевой особенности познавательной деятельности современных студентов и школьников как клиповое мышление.

Такие когнитивные особенности обучающихся как преобладание кратковременной памяти и, как следствие, сложности в оперировании аналитическими, логическими, причинно-следственными конструктами, несформированность умения выделять ключевые для понимания объемных информационных фрагментов элементы, то есть общее ослабление рационально-логического начала при восприятии информации в противовес усилению эмоционально-чувственного, обуславливают необходимость пересмотра традиционных способов работы с текстом, с одной стороны, и дополнительного внимания к эмотивной сфере обучающихся, с другой. Художественный текст, в этом смысле, является благодатной почвой для педагогического эксперимента, так как позволяет апеллировать к эмоциональному компоненту личности, и, работая с эмотивно-оценочным дискурсом, предлагать обучающемуся дескриптивные и прескриптивные модели, которые он будет способен самостоятельно использовать для анализа текста.

Анализ художественного произведения, поэтического текста - занятие неоднозначное: с одной стороны, если художественный текст затронул струны души читателя, то есть достиг основной цели – зачем его препарировать и пытаться объяснить необъяснимое; с другой, если этого не произошло, то какая разница – насколько этот текст качественно и продумано организован?

Однако случается, что современные художественные тексты вызывают противоречивые чувства – первое «клиповое» восприятие позволяет запечатлеть яркий красочный образ, а уже на уровне формирования представления о тексте возникает вторичное ощущение неадекватности; метаязыковая рефлексия, особенно при достаточно развитом навыке глубокого чтения, переносит акцент с содержания на форму и заставляет фиксировать внимание на элементах, вызывающих некоторое языковое беспокойство. Подобного рода возвращение к смыслу, как правило, разрушает чудо поэтического текста, но анализ текста способен обеспечить единство рационального и эмоционального, позволить, даже подходя к членению текста с сугубо формальной точки зрения, не потерять целостности поэтического образа. Учитывая фрагментарность клипового мышления, можно

начинать работу с прозаическим текстом с составления развернутого плана или конспективного пересказа текста, но превратить этот вид деятельности в соревнование, игру – распределить части произведения (если оно достаточно объемное) между группами обучающихся и предложить им озаглавить свой фрагмент, назвать основные образы и/или действия, пересказать свой фрагмент для остальных в аудитории. В работе с повествованиями интересно бывает построение схем фрагментов текста по типу *кто? где? когда? что делает? зачем? кому?* – а затем последовательное сопряжение таких схем с выходом на краткий пересказ всего текста.

Игровые задания на распределение по порядку следования событий или сюжетного появления персонажей могут быть даны обучающимся даже еще до прочтения текста – только с опорой на их умение быстро находить в тексте ключевые слова (глагольные действия, например, или имена собственные); используя электронный текст, можно использовать элементы статистического подхода к анализу словоупотреблений. Как правило, подобные виды деятельности ставят обучающегося перед необходимостью прочитать весь текст последовательно и более или менее вдумчиво – текст теперь для обучающегося полон легко узнаваемых фрагментов, с которыми он уже работал, поэтому больше внимания уделяется дополняющей схематический образ текста содержательной информации.

Интересно бывает предложить обучающимся высказать свои предположения о содержании текста по заглавию или о характере персонажа по его имени. Можно предлагать вопросы, основанные на синестезийной специфике клипового мышления и связанные с описанием внешнего вида персонажа, его одежды, окружающей обстановки (в этом случае именно региональный характер текста обеспечивает достоверность догадок обучающихся).

Одним из наиболее продуктивных приемов, на наш взгляд, при работе не только с прозаическими, но и поэтическими текстами, является метод дискуссии, который не только учит говорить и слушать, но стимулирует логические процессы благодаря необходимости отстаивать свою точку зрения или пытаться понять собеседника.

В такой дискуссии важно не навязывать сразу обучающимся «верной» точки зрения на тему и идею произведения – к этим элементам анализа их можно подвести намного позже.

На начальном этапе знакомства с произведением можно организовать дискуссию, инициированную текстом, то есть позволить

обучающимся обменяться «новостями» - вопрос может быть поставлен следующим образом: *Что нового вы узнали из текста, о чем? Какие слова были непонятны, интересны, удивительны для вас? Может, понравились какие-то высказывания, обороты? Что вы думаете об именах, которые использовал автор? Какие места, ситуации, образы показались вам знакомыми?*

Для разных возрастных групп обучающихся можно варьировать это задание и предлагать придумать соотносимый мем, выбрать фразу для статуса, представить ситуацию, представить ассоциации в виде картинки или составить таблицу, схему, отражающую особенности мировоззрения персонажа, рассказчика – и таким образом выходить в зону оценочности и аксиологичности.

Фрагментарность клипового мышления в этом смысле не помеха, а напротив подспорье филологическому анализу текста: многоканальность восприятия и потенциальная готовность к обработке больших массивов разнородной информации позволяют работать с пунктами схемы анализа не последовательно, а одновременно, трансформируя алгоритм анализа не линейно, а вглубь – от простых замечаний и утверждений к сложным и комплексным, от художественной детали к образу, от языка и его нормативности (литературности) к самобытности, от самобытности к способам выражения языковых средств и понятию идиостиля.

Необходимость гармоничного развития таких компонентов эмоционального интеллекта личности как эмпатия, выразительность, креативность, эмоциональная саморегуляция и рефлексия, фиксируемых в процессе работы с региональным текстом, обусловлена требованиями эффективной социализации языковой личности и формирования региональной идентичности. Последняя, в свою очередь, становится базовым основанием структурирования мира (свое – чужое, понятное – непонятное, известное – неизвестное, приемлемое – неприемлемое, т.п.), а так как основной характеристикой региона выступает поликультурность, то региональная идентичность представляется в виде аксиологической системы самоидентификаций, которые характеризуют собственно культурную, религиозную, национальную, политическую, региональную, гражданскую идентичности, реализуемым в транслингвальности и транскulturности.

Глава II. Языковая среда как вид коммуникативного пространства

Для лингвистики значимым направлением последнего времени стало развитие когнитивного направления с проблематикой соотношения языка и сознания. Рассматривая связь определенных когнитивных способностей человека с естественным языком, когнитивная лингвистика выходит далеко за рамки структурной или сравнительно-исторической парадигм языкознания, но неизбежно использует все достижения научной мысли, полученные в рамках этих парадигм.

Попытка определить роль языка в процессах концептуализации и категоризации мира в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания также возвращает исследователя к синтезу сравнительно-исторического подхода и анализу структурного взгляда на язык. Однако операций анализа и синтеза оказывается не просто недостаточно – сумма знаний, которая может быть получена сложением результатов этих операций, нецелостна по сути, потому что субъективность, которая уже в постмодернистском дискурсе лишилась своей телесности, своей формы, но осталась в нем содержательно, сегодня, в эпоху постпостмодерна, требует либо переозначивания (то есть обретения новой формы), либо полной диссипации.

Язык теперь в большей степени интересует исследователя как инструментальный человеческое познания, ключевой элемент сознания и манипуляций с ним.

Разнообразие определений термина *сознание* обусловлено спецификой сфер научного поиска, их основными предметами и текущими задачами, в рамках которых исследователей интересует когнитивная проблематика.

Вместе с тем, если рассматривать сознание как (высшую) форму отражения действительности, то закономерно необходимы выступают такие направления исследований, которые связаны с изучением инструмента (мозг), способа (мышление) и результата (знание) отражения действительности. Но какая бы наука не бралась за изучение феномена сознания, будь то нейронаука, когнитивная наука или эпистемология, из какой сферы научного знания не

привлекалась бы методология поиска, неизбежно обращение к транснаучным феноменам – человек, язык, коммуникация.

В лингвистическом постижении данные феномены представляют собой взаимосвязанные, взаимодействующие и взаимообусловленные сущности – невозможно исследовать человека в языке и речи без перехода на сущностные характеристики естественного вербального кода или структуру коммуникационных моделей, как невозможно исследовать язык вне его существования и способов материализации, вариантность которых обеспечивается разнообразием субъективного (индивидуального, реализованного в человеке), объективного (социального, реализованного в коммуникативном взаимодействии как таковом) и идентичностного (культурноспецифичного, которое мыслится для каждого из указанных феноменов условием его вариантности).

В таком контексте проблема коммуникации может быть представлена в предельно широкой интерпретации как всеобщая проблема человеческого существования, в социально-философском смысле сформулированная как одновременное условие общественного и индивидуального бытия и их универсальная характеристика.

Данное понимание коммуникации реализует теснейшую связь понятия *коммуникации* с понятием *информации*, актуализуя внимание на функциональности коммуникации как процесса передачи информации и направленности этого процесса. Информация же рассматривается как некоторый объем сведений, необходимый субъекту для осуществления коммуникации.

Вместе с тем, зачастую понимание *коммуникации* так или иначе сводится к рассмотрению преимущественно вербального (вербализуемого) взаимодействия в разной аспектации – социальной (по преимуществу), психологической, культурологической, лингвистической. Во многом подобный подход оправдан всепроникающим характером языка, реализующего свои функции посредством человека (эмоциональная, модальная, поэтическая, метаязыковая), сквозь человека (коммуникативная, фатическая, конативная, волюнтативная, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа) и в человеке (когнитивная (номинативная, аксиологическая, познавательная, гносеологическая, экспрессивная функции).

Языковая культура оказывается представленной во всех культурных сферах, что, собственно, и реализуется пониманием единства языка и культуры как явлений глобальных.

Языковая среда и языковая социализация

Языковая среда как лингвокультурная данность, обеспечивающая наиболее достоверное представление о действительности, реализованное в единстве смыслов языка и культуры, вместе с тем неоднородна по составу. Неоднородность может быть обусловлена факторами экстралингвистического свойства – географическими, историческими особенностями функционирования того или иного языка, а может быть реализована социолингвистической стратификацией языкового сообщества.

Приобретая в процессе общения статус речевой среды, языковая среда обеспечивает разнообразие видов коммуникативных пространств, внутри каждого из которых говорящий может формировать своеобразный социальный запрос и претендовать на определенный социальный статус. Речевая среда, погружая говорящего в коммуникативное пространство реального взаимодействия с представителями разных социальных групп, позволяет не только расширить границы опыта речевого поведения говорящего, но и оказать на него как положительное, так и отрицательное влияние.

В любом случае языковая среда обладает огромным воспитательным потенциалом, аккумулируя и интегрируя культурную информацию этнонационального и социально-ритуального характера.

Несмотря на то, что, говоря о процессах овладения языком как средством коммуникации для взаимодействия с обществом, мы в большей степени акцентируем внимание на речевых стереотипах, нормах и традициях, на правильности усвоения элементов структуры языка, нельзя полностью абстрагироваться от культурного фона, на котором происходит языковая социализация.

Понятия *глобальной культуры*, *коммуникативной культуры* и *медиакультуры* как феномена информационной эпохи оказываются максимально значимыми для адекватного понимания особенностей языковой социализации эпохи постпостмодерна.

Глобальность как свойство культуры реализуется ее сущностным стремлением к распространению и трансформации, что, в общем-

то, входит в мнимое противоречие с таким ее системным качеством как устойчивость. Вместе с тем, культура, как и язык, явление сбалансированное в том смысле, что сочетает в себе изменчивость и устойчивость до тех пор, пока одно из этих качеств реализуется набором факторов социального, психологического и мифологического характера, пока модальность традиционной культуры и мифология культурной самобытности остаются противопоставленными друг другу и их развитие разнонаправлено, но имеет общие базовые основания. Как только совокупность факторов, обеспечивающих воспроизводимость культуры, переосмысливается ее носителями как нечто неизблемое и неизменяемое (сакрализуется) или как априорное и не фиксируемое, системность культуры начинает разрушаться, структурные связи ослабевают и рвутся – культура теряет свою целостность.

Сакрализация и десакрализация как процессы, в той или иной степени протекающие в разных культурных сферах, неизбежны и необходимы, потому что, во многом, они обеспечивают те инновации, которые поддерживают культуру изнутри, и реновацию тех элементов культуры, которые уже не обеспечивают развития, хотя и представляют собой узловые структурные компоненты. Вместе с тем, зачастую именно эти процессы лежат в основании унификации всех сфер культуры (в том или ином направлении), что приводит к потере ею своей сущностной динамичности – такая культура гибнет либо под тяжестью своей закрытости, либо из-за неспособности удерживать значимые структурные позиции. И в том, и в другом случае культура теряет свое лицо, свою уникальность, которая может быть реализована только в сравнении ее с другими культурами, только в диалоге, когда паритет сторон соблюден.

С этой точки зрения интересно рассмотреть феномен глобальной культуры как культуры, прежде всего, интернациональной. Интернациональность глобальной культуры предполагает сочетание в ней элементов самых разных национальных культур, когда они (или какие-то их компоненты) не противодействуют, но взаимно обогащают друг друга. Такая интернациональность, как правило, обеспечивается доступностью тех культурных элементов, которые функционируют одновременно и как элементы национальных культур, и как элементы глобальной культуры.

Конечно, количество и качество реализации данных компонентов внутри культуры и вне ее в рамках глобальной культуры может различаться, однако до тех пор, пока это количество значимо для

глобальной культуры, а качество узнаваемо внутри национальной (локальной) культуры – мы говорим о компонентах культуры глобальной.

Именно такая соотнесенность компонентов глобальной культуры с компонентами локальных культур делает ее транссоциальным и транснациональным феноменом, а ее носителей – адептами транскультурности как абсолютной открытости к принятию разных культур.

Что же произойдет, когда подобная соотнесенность перестанет осознаваться носителями национальных культур, а носителями глобальной культуры маркироваться как национально специфичное, или, другими словами, когда качество реализации культурного компонента в системе глобальной культуры перестанет отвечать характеристикам соотносимого с ним национально специфического компонента? Если так произойдет с большинством узловых компонентов глобальной культуры, она трансформируется в один из локальных видов культуры, с той только разницей, что называть национальной ее будет неверно. Но она станет самоценной и включится в диалог культур наряду с другими локальными культурами, - и в этом случае важно, чтобы во всех ее сферах был единообразно реализован такой специфический вид культуры как культура языковая.

На этом этапе рассуждений мы снова вернулись к базовым основаниям социальности и культуры, реализуемым языком, к языковой культуре. Понятийное ядро термина *языковая культура* реализовано объемом понятия *культура речи, речевая культура*, неразрывно связанным с периферийными компонентами, среди которых важное место занимают компоненты понятия *коммуникативной культуры*.

Коммуникативная культура включает в себя культуру речи наряду с культурой мышления и культурой чувств, и как часть базовой культуры личности, обеспечивающая ее готовность к жизненному самоопределению, установлению гармоничных отношений с окружающей действительностью и внутри себя, она есть средство создания внутреннего мира личности, богатства ее содержания, средство решения возникающих проблем³.

В современном мире важное значение приобретает медиакультура, для определения которой важны все предшествующие рассуждения. Понимая медиакультуру максимально широко, как систему *информационно-коммуникационных средств, выработанных*

---

³ Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога).- Екатеринбург. В.С. Безрукова. 2000.

человечеством в процессе культурно-исторического развития, и способствующих формированию общественного сознания и социализации личности», включающей в себя культуру передачи информации и культуру её восприятия⁴, подчеркнем, в первую очередь, ее сущностную мифологизованность.

Медиакультура возникает там, где рождается миф, она живет этим мифом, внедряя его в общественное сознание, трансформирует миф, развенчивает и предаёт забвению миф и его вариации, выдвигая на его место совсем новые или давно забытые старые мифы, предлагая человеку различные варианты отражения мифологизованной действительности.

По большому счету, такая мифологизованная действительность, в современном мире представленная информационной культурой масс-медиа, уже давно выступает основанием освоения действительности реальной, причиной и одновременно следствием ее трансформации.

Эпоха постмодерна продемонстрировала торжество мифа над реальностью не только потому, что каждый новый миф постмодерна строился на отсылках к устойчивым и потому узнаваемым культурным мифам прошлых эпох, не только потому что трансформировал и видоизменял их формально и содержательно, но, в большей степени потому, что сформировал целые культуры, основанные на опосредованном восприятии реальности, опосредованном цинизмом и цитацией, аллюзиями и фантасмагорией.

Не одно поколение смотрело на мир сквозь призму постмодернистского восприятия – и мир стал таким, каким его видело общество: в мифе постмодерна мир неравномерен и негармоничен, а живая действительность мира не жива.

Информационная эпоха не оживила мифологизованный мир, но с помощью цифровых технологий заставила двигаться все его элементы – так, внутри мифа поместился другой миф – миф о том, как живет миф. Миф замкнулся внутри себя, и пришедший на смену постмодерну постпостмодерн стал этой метафигурой мифа в мифе и о мифе. Удивительно, но такая трижды мифологичность, опосредованная в том числе и медиакультурой, обеспечила поколению метамодерна возможность выхода в реальность, или точнее будет сказать, взглядывания в реальность – в культуре метамодерна нет

---

⁴ Кириллова Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Культура, 2008. 496 с.

противопоставления реальности и мифа, в ней все реально и все мифологично – можно легко оказаться в реальности, не покидая мифа, выйти из мифа и легко вернуться в него – такое мерцание симулирует движение мифологической картинки (как в технике рисованного мультфильма) и обеспечивает жизнь реальной действительности. Но разделить теперь миф и реальность, правду и вымысел, природу и культуру совершенно невозможно, да и не нужно – информационная эпоха позволяет целым сообществам, и отдельным индивидам существовать одновременно и в мифологизованной, и в реальной действительности, которые настолько тесно сплелись, что один и тот же квант условной реальности может быть одновременно мифом и фактом действительности.

В таких условиях для языка как средства коммуникации внутри общества, внутри культуры, первостепенной становится не коммуникативная функция, а функция метаязыковая, специфика которой позволяет языку реализовать практику мерцания⁵.

Метаязыковая функция языка, материализующаяся как языковая рефлексия, проявляющаяся в виде языкового чутья или, по выражению В. фон Гумбольдта, «инстинктообразного предчувствия всей системы языка», сохраняет за всей нашей речевой деятельностью неустанные колебания между бессознательностью и сознанием⁶.

С этой точки зрения факты своеобразной языковой глухоты и слепоты, когда носитель языка не способен выделять речевые нарушения, если в целом фраза или текст остаются интерпретируемыми, могут расцениваться как проспективное предчувствие изменений в системе языка, принимаемых бессознательно.

Тогда определенного рода ошибки в речи можно рассматривать не как нарушение нормативности, а как аномальность. *Аномальность речевого представления*, по нашему мнению, характеризуется дефектностью формально-структурного и/или грамматического выражения мысли при общей логико-содержательной интерпретируемости, понятности и своеобразной красоте речи, понимаемой более как реализация функции экономии языковых средств при увеличении ассоциативно-содержательного объема называемых ими понятий.

Следует оговориться, что аномальность речевого представления в определённом смысле связана с лингвокреативностью, потому

---

⁵ См. напр. Р. ван ден Аккер, Т. Вермюлен. Заметки о метамодернизме.

⁶ Якобсон Р. О. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное: Природа. Функционирование. Методы исследования. Т. 3. Тбилиси, 1978. С. 156—167.

что результирующий языковой «продукт» «оптимально подходит для решения наличной коммуникативной задачи, максимально полно выражая искомый смысл, раскрывает заложенный в языке потенциал и способствует его дальнейшему развитию и... может способствовать перестройке языковой системы⁷.

Особый вектор такой перестройки может быть интерпретирован как маркер уникальности языковой среды, в которой формируется языковая личность, а при благоприятных условиях со стороны речевой среды (положительный коммуникативный отклик) рассматриваться и как социально статусный.

Так, например, нами отмечена аномальность синтагматического представления языковых явлений национального русского языка в региональном приднестровском художественном тексте. Такая аномальность выступает приметой поэтического стиля и может быть рассмотрена как так называемое *языковое остранение*. Если остранение как художественный прием представляется способом *создания особого восприятия предмета* (Шкловский В.Б.), не нацеленное на узнавание образа, что может быть достигнуто в том числе и средствами «речевого очуждения», то остранение языка рассматривается как процесс обратный направленному и художественному остранению, и речевому очуждению, и в этом смысле выступающий инструментом постнеклассического способа освоения действительности.

Постнеклассическое сознание, организуя реальность, выдвигает на передний план не образ в его целостности, который должен вызвать соответствующий эмоциональный отклик, а некоторые содержательные компоненты эмоционального состояния, которое транслирует субъект (автор текста), реализованные в непривычных речевых конструкциях. При этом в отличие от приема очуждения, речевые конструкции не должны быть неожиданными, не должны привлекать внимания, отвлекать субъекта от со-творчества, но помогать ему принять транслируемый чувство-образ, собирая его как мозаику эмоций, заключенных в содержательно-смысловом наполнении аномативных речевых конструкций.

Воспринимающему остраненность языка художественного произведения не нужно преодолевать собственную субъективность, «выводя вещи из автоматизма восприятия» (Шкловский В.Б.), как то

---

⁷ Нагорная, А.В. Грани и границы лингвокреативности: Языковые эксперименты Стивена Кинга. М.: ЛЕНАНД, 2019.

предлагалось в модернистском дискурсе. Остраненность формы представления речевого образа реализована в нарушении языковой нормы, которое, напротив, возвращает читателя к устойчивым поэтическим образам и привычным речевым паттернам, знание которых и обеспечивает понимание текста; и только с позиций нормативного представления читатель (слушатель) становится в состоянии принять такой текст как образно-поэтический. Сам текст для воспринимающего превращается в некое подобие череды мыслеобразов, которые так и не были реализованы в речи, но только обозначены с помощью некоторого набора языковых средств.

Но почему такой, по сути, деформированный текст понятен читателю (слушателю)? Ответ прост – единая языковая среда обеспечивает интерпретируемость такого текста, а социальный статус писателя (поэта) затуманивает критическое восприятие и обеспечивает с точки зрения языковой социализации своеобразный речевой конформизм.

Аномальность речевого представления развивается в языковой среде, характеризующейся условиями поликультурности и неравновесного полилингвизма, особенно в ситуациях, когда состав и количество языков, составляющих мультилингвальность как значимую характеристику того или иного сообщества, непостоянен. Языковая социализация в этом случае выражается в большей степени в усвоении особых лингвокультурных коммуникативных стратегий и стереотипов речевого поведения, которые могут быть распространены на широкий спектр стандартных ситуаций общения с представителем любого этноса или, иными словами, на формирование транскультурной компетентности.

Языковая среда и языковое пространство

В основание выделения того или иного языкового пространства могут быть положены критерии географические, этнические, социальные, персональные, коммуникативные, дидактические и т.д. В русскоязычной научной традиции термин *языковое пространство* часто используется в значении, близком термину *языковой ареал*.

Однако, если при определении языкового ареала сами границы этого ареала обуславливают содержание и структуру исследуемого феномена, то для анализа того или иного языкового пространства

важны, прежде всего, функциональные характеристики языка, реализация которых и ограничивает пространственные рамки явления.

Это может быть рассмотрено как социальная группа, характеризующаяся качеством социального взаимодействия, частотой и насыщенностью контактов всех ее членов в рамках решения задачи (например, задачи творческого продуцирования текстов на том или ином языке – *языковое пространство художественного текста, языковое пространство русской прозы*), достижения цели (формирование определенной компетенции – *языковое образовательное пространство*) или реализации функции (коммуникативной – *языковое пространство города, языковое пространство учащихся какого-либо учебного заведения, языковое пространство интернет-коммуникации*). Это может быть рассмотрено и как языковая ситуация, когда рассмотрению подлежат совокупности языковых кодов, используемых в административных и национальных образованиях.

Языковое пространство как понятие, обозначающее географический объем распространенности того или иного языка или близкородственных языков одной языковой семьи, концепт во многом искусственный и в высшей степени абстрактный. Если не уточнять его дефиницию квалифицирующим требованием неофициальной (автохтонности) или официальной территориальной закреплённости и требованием к количеству носителей (*ядро носителей*), актуализирующих социальную сущность понятия, то языковое пространство можно понимать и предельно конкретно как языковой ареал, и максимально размыто как коммуникативный универсум.

Вместе с тем, в паре *языковая среда – языковое пространство* для рассматриваемого феномена значимыми выступают термины *государственный язык, официальный язык, родной язык, региональный язык, язык межэтнического общения* как отражающие не столько общественную, сколько коммуникативную (по основной функции языка) сущность понятия *языковое пространство*.

Разница между терминами *государственный язык* (термин, отвечающий критериям официальной территориальной (ограниченной границами государства как политического образования) закреплённости), и *официальный язык* (термин, отвечающий критериям официальной территориальной (выделенной части государства, региона, т.п.) и/или институциональной ограниченности (например, *официальный язык международной организации*)) обусловлена условностью определяющих в этих терминологических сочетаниях.

Определение *государственный* мотивирует значение терминологического сочетания объемом понятия государства как юридического образования и акцентирует внимание на таких нелингвистических основаниях номинации как суверенитет и признанность, в то время как *официальный* отражает институциональную привязанность определяемого понятия. Теоретически, оба термина могут быть абсолютно не свободны от социальной, территориальной или этнонациональной обусловленности.

Например, если некоторое сообщество, проживающее на определенной территории, провозгласит себя государством, а в нем основным языком представления этого государства в мировом сообществе провозгласит клингонский, то официальным (и государственным с точки зрения институциональности данного образования) языком этого сообщества будет клингонский, однако такое положение вещей не обусловлено ни историческими, ни географическими, ни даже социолингвистическими причинами.

Вместе с тем, современный глобализующийся мир выводит на передний план именно понятие *официального языка* как своеобразного результата социального договора, некоторой институционально закрепленной условности. При этом, понимание того, какой из национальных языков принят на той или иной территории как официальный или государственный, не способствует конкретизации содержательной стороны соотносимых понятий языкового сообщества, языковой среды, языкового пространства, в лучшем случае, указывая на традиционные или конъюнктурно обусловленные системные компоненты языкового свойства.

Национальный язык в современных условиях представляет собой некий идеализованный конструкт, нормированный и кодифицированный, но в полной мере не реализуемый в речи – жизнь языка сложно и с большим опозданием отражается на трансформациях его системности. Безусловно, это одно из преимуществ кодифицированности как требования сохранения структурной устойчивости знаковой системы языка как информационно-коммуникативного средства.

Однако, живая жизнь языка (речи) требует внимания к региональным вариантам языка (не смешивать с региональным языком) или диалектам, представляющим собой национальные варианты, для которых функцию конечного инварианта выполняет язык метрополии⁸.

---

⁸ Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. - Казань, 2012. - № 2(28). - С. 117-120

Региональный язык в многонациональном государстве реализуется языком достаточно крупного этнического образования (вплоть до нации) в его литературной или условно литературной (если язык бесписьменный) форме, но в любом случае наименование регионального языка не распространяется на диалект основного языка и на язык мигрантов⁹.

Налицо парадокс – функционирование языка метрополии в качестве региолекта как своего варианта обозначено, прежде всего, культурной спецификой региона его бытования, с другой стороны, собственно языковые трансформации, реализованные в региолекте, так или иначе разрешены или даже предопределены потенциями языкового инварианта, актуальными в синхронии. Таким образом, изучение региолектов национального языка может дать богатый материал для понимания тенденций изменения структурно-системных связей языка как информационно-коммуникативной системы.

Вместе с тем, нельзя недооценивать глобальные тенденции изменения социально-политической и культурной ситуаций в мире, которые выступают отражением внутренних психических трансформаций человека говорящего, спроецированных на цивилизационный уровень, и одновременно – результатом его рефлексии.

Ровно в тот момент, когда романтический человек вдруг обнаружил себя стоящим посреди вселенной и постигающим эту вселенную посредством ее отражения в его внутреннем мире, он впустил реальность в себя и отражение стало самой реальностью.

Субъект романтизма наблюдал объект реального мира через его отражение внутри себя, субъект реализма наблюдал реальность и считал ее тем отражением, которое помещено внутри него. Впустив реальность внутрь себя, отождествив саму реальность с ее отражением, утратив способность творить иную, отличающуюся от объективной, реальность, человек реализма стал пустым, - субъект слился с объектом и потерял способность к отражению и интерпретации.

Реальность оказалась внутри субъекта, но он не был ее творцом, он просто был наполнен ею и она разрывала его, она была больше, сильнее, она подавляла его, изничтожала. Когда человек почти потерял себя и уже растворялся в реальности, которая разъедала его

---

⁹ Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во "Пилигрим". Т.В. Жеребило. 2010.

изнутри, он смог осознать себя отражением реальности и принял реальность в ее отражении.

Модерн вернул субъекта к жизни, перевернув восприятие - теперь субъект мыслил себя объектом и постигал себя как реальность, а реальность как себя. Человек модерна поставил знак равенства между реальностью и ее отражением, допустив возвращение реальности вовне и одновременно вторжение реальности в свой внутренний мир. И это вторжение было настоящим - внешний мир разрывал человека на части - субъект не был цельным, потому что реальность вторглась в его внутренний мир одновременно с ее отражением. Человек модерна помог человеку реализма выжить, не превратившись в пустоту, но сам метался от крайности внутреннего к крайности внешнего, не имея возможности соединить обе части реальности и вырвать их из себя, оставшись цельным.

На помощь пришла ирония и самоирония! Объект как часть внутреннего мира субъекта стал проецировать свое отражение и стал самим отражением. Реальность стала такой, какой она сама себя мыслила внутри субъекта, а сам субъект оказался всего лишь наблюдателем этой реальности, он перестал быть творцом. Субъект оказался внутри отражения объекта, и это отражение затмило ему реальность. Реальности теперь не было – Человек постмодерна жил в выдуманном мире, но выдуманном не им, а самой реальностью посредством погружения в его субъектность.

Метамодерн приоткрывает завесу отражения и показывает человеку реальность такой, какая она есть, реальность больше не вторгается во внутренний мир, а человеку, для того чтобы видеть ее, не надо пропускать ее через внутреннее отражение. Человек метамодерна перестает быть и субъектом, и объектом реальности, как и сама реальность перестает быть объектом отражения или наблюдения, теперь человек и есть сама реальность¹⁰. И как сама реальность не может быть определен однозначно в терминах этнонациональной или лингвокультурной традиции.

Понятие национально-культурной идентичности как формы осознания своей принадлежности к той или иной нации (этносу) и переживания сопричастности ее устоям и традициям оказывается

---

¹⁰ Луговская Е.Г. Нет ни рек, ни пути в том, кто растворился в других. Один, но рядом с кем-то: сборник номинантов на Премию имени Сергея Довлатова. Выпуск 1/ составитель О. Якк. Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. 440 с. (Отражение. XXI век). С.327-331

достаточно размытым в силу существования разных подходов к определению основных концептов, составляющих указанный термин. Понятия нации и этноса в научной литературе могут быть использованы как синонимы в силу общих базовых лингвокультурных, социо-экономических, историко-политических особенностей формирования определенного территориально ограниченного сообщества. Однако эти же понятия могут противопоставляться друг другу по признаку, к примеру, наличия/отсутствия национальной идеи, необходимой для становления нации, но возникающей еще в недрах этноса, хоть и не проявленной на этом протонациональном этапе. В этом смысле можно как увеличивать разницу между пониманием этих феноменов, детализируя концептуальные идеи, сложным взаимодействием вышеперечисленных особенностей территориально ограниченного сообщества формирующие основания феномена этноса, с одной стороны, и формируемые его представителями в политических целях для осознания себя как нации, с другой, так и пытаться сблизить их по признаку существования определенной территориальной, языковой, культурной общности и использовать как взаимозаменяемые понятия.

Современный мир изобилует примерами, когда оба подхода, каждый по отдельности, вполне адекватно способны описать складывающуюся ситуацию формирования определенного национально-культурного социоэмерджента. Вместе с тем, для некоторых регионов мира современной глобальной парадигмой обеспечены такие условия, при описании которых необходима не только коррекция толкования понятия *национальной принадлежности*, но и расширение его объема.

Стоит отметить подобный, несколько свободный, подход к толкованию концепта *нация*, когда складывающийся при определенных политических условиях и историко-географических потенциях новый социоэмерджент в силу поликультурности и полиэтничности членов его сообщества не могущий быть названным этносом, тем не менее показывает признаки национального строительства.

Этнос как социокультурный феномен и некоторая надличностная структура, приобретаемая индивидом по месту рождения и начальной социализации, в таком случае теряет свою значимость как базовый протонациональный социоэмерджент.

Так, например, в рамках формирования приднестровского социоэмерджента базовым аспектом выступает своеобразная

русскоориентированность, русскость региона, представленная его историко-культурной и социально-экономической спецификой.

Эта особенность выводит на передний план такой важный дифференцирующий признак нации, как язык, в приднестровском варианте обусловивший направление процесса складывания особого лингвокультурного социоэмерджента, характеризуемого транскультурностью и глокальностью.

Язык как объединяющий признак нации не может быть рассмотрен вне его связи с культурой, отражением которой он является, поэтому правомерно описывать именно лингвокультурный социоэмерджент – такое состояние данной территориальной общности, в рамках которой исторически зарождаются базовые концепты регионального дискурса, являющиеся узловыми компонентами его транскультурной модели.

Исторические причины, обусловившие этническое разнообразие приднестровского региона, в свою очередь, тесно связаны с его географическими особенностями, во многом предопределившими характер развития экономики региона. Вышеупомянутое этническое разнообразие, представленное носителями родственных (русская, украинская, польская, болгарская как славянские) и неродственных (гагаузская, например) лингвокультур, представляет особый набор занятий населения этой территории и обуславливает специфику экономического портрета региона. Культурное переосмысление традиционных видов деятельности в исторической перспективе способствует организации специфики социальной организации данного территориального сообщества, а ценностный компонент указывает на то, какой политический образ может принимать данный социоэмерджент.

Исторические факторы формирования некоторого сообщества на данной территории актуализуют те культурные концепты, которые, оставаясь в общем постоянными вне зависимости от изменений территориального даже политического характера, в конечном итоге оказываются культурным инвариантом, обеспечивающим гомогенность и витальность социоэмерджента с точки зрения национально-культурной идентичности представителей его сообщества.

Вместе с тем, любая лингвокультура имеет свою собственную языковую картину мира, согласно которой носитель языка организует содержание своего высказывания, что является основой для организации содержания речи носителя языка, – таким образом

осуществляется специфическая человеческая оценка мира, зафиксированная в этом языке.

Определить наиболее универсальные ритуалы и особенности общения для выявления культурной идентичности можно посредством лингвистических и культурных исследований, в том числе и в области сетевого общения. Как видим, сложность и многокомпонентность понятия языкового пространства заставляет использовать для его описания прагматический подход, когда исследуется определенный набор характеристик, определяющий локальный вариант его реализации.

Виртуальная языковая среда

Появление нового вида социальной коммуникации – виртуальной, ставит перед современной наукой новые задачи, решение которых возможно только в рамках новых общетеоретических концепций, ориентированных на антропоцентричный принцип организации знания, особенно в том случае, если речь идет о знаниях, аккумулируемых языком.

Сегодня мы не можем представить мир без интенсификации информационных потоков – существенное воздействие информационной составляющей на общество в целом и на личность в частности стало возможным только с момента его качественного изменения. Особо значимым в этом смысле выступает появление возможности для пользователей информации активно участвовать в информационных потоках. Широкое распространение Интернета привело к появлению совершенно нового информационного сообщества, когда, находясь перед компьютером, пользователь не только погружается в особое коммуникативное пространство (то е может происходить при чтении книги или просмотра фильма), но и может активно проявлять себя в нём, формировать, изменять его.

Современный человек, используя компьютер, погружаясь в мир Интернета, создаёт новую среду своего Бытия, новую форму социального взаимодействия с другими людьми, со всем миром. При этом, изменяя пространство, в котором он реализует тот или иной свой коммуникативный образ, репрезентирует соответствующую часть своей идентичности, он испытывает значительное влияние пространства на себя.

Виртуальная коммуникация, возникнув как психолингвистический и социокультурный феномен значительно недавно, вызывает неподдельный интерес к исследованиям этого типа коммуникации, речевой культуры ее участников и языковых особенностей их речи. Отличительной особенностью исследований в этой сфере можно считать их неполноту, обусловленную непрекращающимся развитием самого феномена, трансформацией его значимых элементов.

Так, определяя виртуальную коммуникацию как моделируемый процесс обмена информацией между людьми с помощью компьютеров или Интернета Dr. Jacqueline M. Layng, как и многие англоязычные авторы, рассматривает, прежде всего, вопросы продуктивности использования виртуального общения (в том числе на рабочем месте) как альтернативы общению, не опосредованному техническими средствами связи (face-to-face). Автор отмечает, что исследования традиционных коммуникационных технологий последних лет, таких как электронная почта, текстовые сообщения, чат и телефонные звонки, обнажили перечень проблем, специфических для перечисленных видов коммуникации. Есть проблемы, связанные с необходимостью выстраивания доверительных отношений между собеседниками, необходимостью поддержания постоянной вовлеченности в общение, вопросами преодоления культурных и временных различий, проблемами согласования делового распорядка и учета последствий технических сбоев.

Думаем, что перечисленные вопросы, затрагивающие и психологические, и социокультурные, и даже чисто технические аспекты виртуальной коммуникации, как и их решение, так или иначе отражены в тексте и дискурсе виртуальной коммуникации. Поэтому проблема эффективности виртуальной коммуникации, в конечном счете, оказывается проблемой воплощения (реализации) текста виртуальной коммуникации ее участниками.

Язык виртуального общения интересен исследователям, прежде всего, своей ориентированностью на технологические возможности онлайн среды, которая во многом обуславливает его специфику и в структурном, и дискурсивном аспектах. Со структурной точки зрения язык виртуального общения интересен своей специфической лексикой, особым синтаксисом, оригинальным формо- и словообразованием, а также разнообразием и нетрадиционностью способов графического отображения. В целом, исследователи отмечают

широкое варьирование разнообразных стилистических средств на всех уровнях структуры текста, особенно на графическом.

Однако, при анализе дискурса виртуальной коммуникации важно не ограничиваться анализом речевого события как такового, а выходить за рамки фиксированного речевого события и обращать внимание на развитие дискурса во времени, что позволит не только верно интерпретировать отдельные речевые события, но и фиксировать возникающие в них закономерности как сущностные.

Виртуальная коммуникация рассматривается как фрагмент дискурса, представляющий собой вариант реализации определенной коммуникации для данных участников и канала связи. Однако всегда надо помнить, что под термином участники коммуникации мы подразумеваем не конкретных индивидов, а только те их образы, которые актуальны для данного фрагмента дискурса. Константой, определяющей сопоставимость вариантов реализации этих образов, выступает коммуникативная стратегия; то есть все способы дискурсивной реализации стратегии, например, оскорбления – от бранных и ругательных до изощренно эвфемистических, могут считаться вариантами такого коммуникативного взаимодействия, которое может быть воплощено разными способами для разных образов коммуникантов с использованием разнообразных каналов связи.

В эпоху глобальных коммуникаций и интернета, виртуальное общение является одним из самых популярных, в связи с чем высказывалось мнение, что можно говорить о особой функциональной разновидности языка – языке для общения с электронными средствами коммуникации, к которым, прежде всего относятся Интернет-ресурсы и другие глобальные сети. Однако форма представления виртуального текста не менее важна, чем жанрово-тематическое разнообразие текстов интернет-дискурса.

Устно-письменная форма реализации виртуальной коммуникации речи специфична тем, что на этапе вербализации высказывания, когда оно уже включено в виртуальный дискурс, но еще не стало предметом интерпретации собеседника (сообщение набрано и автор может оценить степень его органичности в структуре всего обсуждения), адресант имеет возможность корректировать способ речевого представления с учетом всей коммуникации, ее формы и содержания.

И именно на этом этапе начинает реализовываться лингвокультурная специфика национальной интернет-коммуникации.

Так, при анализе русскоязычной коммуникации замечено, что зачастую участники чата обращаются не к автору инициальной реплики (текста), не к последнему прокомментировавшему, но оценивают эффективность своего высказывания как фрагмента общего текста коммуникации – это касается как содержательной стороны сообщения, так и стороны оформления. Например, если в чате появляется собеседник (или группа), более внимательно или наоборот намеренно небрежно относящийся к пунктуационному или другому специфическому оформлению, то другие участники тоже начинают использовать соотносимый с этим способ формального или языкового представления. То же касается и общей смысловой или эмоциональной картины складывающегося текста.

Аудитория виртуальной коммуникации растет каждый день, в ней формируются свои законы и правила, знания которых важны для успешной коммуникации. Формируемая в виртуальной коммуникации языковая личность обусловлена в первую очередь условиями, в которых она реализуется. В интернете есть возможность создать свой образ с помощью формальных (никнейма, аватара), и содержательных (разножанровых текстов) средств. Особое место в виртуальном дискурсе занимает языковая игра – можно говорить о том, что определяющим аспектом Интернет-коммуникации является игровой аспект. Коммуниканты «играют» с формой слов и способов их реализации в речи, словообразованием и заимствованием – так языковая игра реализует гедонистическую, прагматическую, выразительную, изобразительную и гностическую функции.

Вместе с тем, виртуальная коммуникация как общение в специфических условиях новой информационно-коммуникационной среды представляет собой сложный феномен, для которого, в общем и целом, применимы способы и методы анализа традиционной речевой коммуникации. Возможности цифрового пространства обуславливают реализацию иного речевого поведения и конструирование особой идентичности коммуниканта, которая может представлять собой и вариант базовой идентичности коммуниканта, и крайнюю (периферийную) ее репрезентацию, воплощенную в особом языке.

При анализе дискурса виртуальной коммуникации важно не ограничиваться анализом речевого события как такового, а выходить за рамки фиксированного речевого события и обращать внимание на развитие дискурса в его темпоральной динамике. С этой точки

зрения интерес представляет образ коммуниканта, языковая личность говорящего.

Человек говорящий для современной культурной парадигмы максимально ценен даже тогда, когда он молчит. В актуальном для XXI века антропоцентризме коммуникация как действие оказывается важнее не только любого другого действия, но и самого результата коммуникации, который есть текст.

Текст, в традиционном понимании этого феномена мыслящийся как нечто застывшее и формально косное, уже не интересен, интересна его жизнь – как текст задумывался, складывался, формализовался, интерпретировался и переосмыслялся; как текст живет – вот что актуально. Дискурсивный подход позволяет предположить в каждом реальном тексте такое количество смысловых структур, которое обусловлено разнообразием воплощения всех возможных иллокутивных конструкторов вариантами образов обоих коммуникантов, результат общения которых и рассматривается как текст. В силу этого дискурс предстает многомерной и динамичной системой актуализованных и потенциальных смыслов, взаимообусловленность которых навязана коммуникативно-интенциональным содержанием акта общения, как его понимает адресант.

Такой подход позволяет рассматривать индивидуальный дискурс в виде совокупности всех возможных текстов как результатов коммуникации различных образов индивида с допускаемыми им к существованию образами собеседника. Разнообразие образов собеседника будет зависеть не только от количества реально существующих в коммуникативном пространстве индивида потенциальных адресатов, но и от специфичных для него способов когнитивно-концептуального представления образа адресата коммуникации.

Реально существующему индивиду, как правило, не удастся реализовать даже половину таких сочетаний, так как структура индивидуального дискурса во многом является отражением социокультурной среды, в которой существует индивид. Трансляция всех аспектов своего ценностно-смыслового отношения к миру в этом случае оказывается невозможной, потому что набор социолектов, характеризующих общественную речевую практику индивида, ограничивает его индивидуальный дискурс через принятую в данной социальной группе систему речевых практик. Затрудненность или невозможность реализации всех возможных коммуникативных образов в разных видах и типах коммуникации в конечном итоге приводит к снижению уровня

общей коммуникативной компетенции, уменьшению коммуникативных потребностей, частичной личностной деградации или к внешне немотивированным вспышкам аффективного коммуникативного и речевого поведения индивида.

Каждая реальная коммуникация как правило требует от индивида полного отождествления с ней согласно цели, ситуации общения и особенностям образа собеседника. Невозможно, находясь в одной и той же точке пространства-времени, реализовать более двух несоотносимых друг с другом реальных коммуникативных образов. Можно представить себе ситуацию, когда ситуация общения и специфика связей между участниками общения заставляет одного из них вести себя по-разному в отношении каждого из адресатов: образ такого коммуниканта будет осознаваться остальными участниками коммуникации комплексно, с выделением определенного поведенческого аспекта, актуализованного для каждого собеседника отдельно.

Кроме того, необходимо отметить и такую особенность реальной коммуникации как зависимость полноты и детализации образа коммуниканта от частоты и разнообразия общения с носителем коммуникативных образов.

Известно, что в зависимости от того, насколько часто приходится общаться с тем или иным человеком, и от того, насколько разнообразны сферы этого общения, образ коммуниканта как совокупный образ всех коммуникативных и социальных ролей, исполнение которых согласуется с представлением о данном индивиде, оказывается более или менее полным. И чем противоречивее этот образ, тем больше вероятности в его соотносимости с внутренним образом самого себя.

Совокупность реальных коммуникативных взаимодействий, в которые вступает конкретный индивид, как правило, ограничена его социальным статусом, социальным положением, возрастными и гендерными требованиями, традициями (от национальных до семейных), – большинство коммуникативных взаимодействий человека обусловлены его социальной природой и могут быть рассмотрены как вынужденные и привычные. Индивидуально-психологические, когнитивно-мировоззренческие и аффективно-личностные аспекты в этом смысле подстраиваются под требования социума, мимикрируют или прячутся, не находя реализации в обычной коммуникации. Реальная коммуникация так или иначе ограничивает индивида одновременным

существованием не более чем в одном коммуникативном образе для своего адресата (индивида или группы индивидов, коммуникативное взаимодействие с которыми происходит в сходных условиях).

Более широкие возможности предлагает виртуальная коммуникация. Возможность существовать в нескольких местах одновременно, а также последовательно структурировать свой образ, накапливая и редактируя коммуникативную информацию о себе в виде речевых и символических фактов, позволяет индивиду не только скорректировать свой образ в глазах его визави по фактам реальной коммуникации, но и создать абсолютно новый, независимый образ в рамках другой сферы общения, коммуникация в которой ограничена для индивида реалиями его социального статуса; в рамках другого коллектива, для которых его образ в реальной коммуникации не сформирован, или даже в рамках того же коллектива и сферы общения, но в качестве образа другого человека (в этом случае на помощь приходит такая сущностная черта виртуальной коммуникации как потенциальная анонимность).

В этом смысле виртуальная коммуникация представляет широкое поле возможностей для самореализации индивида, в том числе и реализации парадоксальных интенций, достижение которых в реальной коммуникации невозможно либо в силу неготовности индивида к их успешной реализации, низкого уровня его эпистемологической компетентности, либо в силу затрудненности эмпирического воплощения соответствующей коммуникативной ситуации.

В каком-то смысле виртуальный дискурс для реализации такого рода интенций в картине мира индивида представлен областью воображаемого – мифология и устное народное творчество, произведения искусства и игровая деятельность во все времена позволяли индивиду, отождествившись с тем или иным персонажем, получить разнообразный опыт коммуникативных взаимодействий. Однако при таком взаимодействии коммуникативная активность индивида оказывалась ограниченной не только рамками сюжета и спецификой воображаемого образа, но и неизбежностью коммуникативной реализации этого образа рамками коммуникации со своим альтер-эго. То есть коммуникация оставалась замкнутой внутри представлений индивида о себе как об образе вымышленного коммуниканта и об адресате как об образе другого-себя (потому что понимание образа Другого в любом случае может содержать только те сущностные характеристики, которые способен себе представить индивид).

Таким образом, возможности коррекции вымышленного образа остаются ограниченными когнитивными, логическими и деятельностьюными предпочтениями самого творца.

Виртуальная коммуникация, позволяя не только создать новый образ, но и проверить адекватность интерпретации такого образа другими индивидами, способствует расширению коммуникативных возможностей создаваемого образа, не ограниченных мировоззренческими установками и эмпирическим опытом реального индивида.

Еще одной сущностной чертой реального образа коммуниканта в отличие от образа виртуального является его целостность – реальный человек вне зависимости от ситуации коммуникации (сферы общения, установок общения и т.д.) так или иначе транслирует весь свой мировоззренческий опыт на адресата, что может проявляться как в поведенческих аспектах (трансляция статуса или роли), так и в избранном способе речевого представления (речевая, коммуникативная компетентность).

Виртуальный образ коммуниканта дискретен – в зависимости от того, какая именно ситуация виртуальной коммуникации обусловила выбор образа, можно говорить не просто об образах разных сторон личности, но и о параллельном и часто несоотносимом существовании образов разных личностей в виртуальном дискурсе, как их себе представляет сам индивид.

Безусловно, пристальный анализ особенностей представления таких образов личности все равно позволит найти узловые (инвариантные) элементы указанных структур (что уже, надо сказать, умеют делать нейронные сети), однако в рамках ключевой интенции – реализовать ту или иную особенность своей реальной личности без ущерба социальному образу в бесчисленном многообразии ресурсов и профилей – возникающий минимальный риск быть разоблаченным все же оправдан.

Реализуемая в этом случае парадоксальная интенция представляет собой необязательно желание быть хуже или лучше, но всегда потребность побыть другим, иным, не собой.

Структурируя свой реальный образ и проецируя его на виртуальную реальность, индивид так или иначе старается выделить в проекции те особенности образа, которые кажутся ему социально предпочтительными, что обуславливает появление виртуального варианта его социального образа, который сам, в свою очередь, начинает влиять на реальный образ. Такая особенность позволяет в рамках

виртуального дискурса создавать коммуникативные образы, когнитивные, логические и поведенческие характеристики которых диссоциируют с реальным образом коммуниканта – его возрастом, полом, профессией, сферой предпочтительного общения, преимущественным способом речевого поведения, внешним видом, привычками и т. п.

Отождествляясь с образом иного себя, коммуникант имеет возможность не только получить новый опыт коммуникативного взаимодействия в рамках определенной ситуации общения или области воображаемого, но и самостоятельно структурировать ход коммуникации.

Так, вводные условия области воображаемого обуславливают специфичность поведения – индивид, отождествляясь с персонажем, может давать оценку действиям персонажа, однако изменить то или иное слово, действие не имеет возможности. При этом критическая оценка поведения персонажа самим индивидом и сюжетная оценка могут не совпадать.

В виртуальной коммуникации происходит обратное – сам персонаж, сам образ диктует сюжет, а оценка его слов и поступков опосредована адресатом – тем сообществом, в котором происходит коммуникация, теми виртуальными коммуникантами, которые вступили в нее.

Разнообразие оценочных суждений участников коммуникации провоцирует амбивалентность оценочных отношений виртуального коммуниканта к своему поступку (речевому, коммуникативному, др.) и образу в целом, в результате чего критическая оценка может теряться. Однако вдумчивое и последовательное осознание переживаемого в качестве виртуального образа коммуникантом, напротив, создает иллюзию непосредственного восприятия, и позволяет принять новый опыт и интегрировать полученную информацию в реальный образ коммуниканта.

Если для воображаемой ситуации индивид волен выбирать ситуацию и свою роль в ней, но ограничен рамками образа и сюжета, то в виртуальной коммуникации индивид свободен в выборе образа и хода самой коммуникации настолько, насколько ему позволяет ситуация коммуникации. Виртуальный коммуникант уже не учится (по типу «делай как персонаж») – он экспериментирует, что позволяет методом проб и ошибок одну и ту же ситуацию прожить несколькими разными способами, одну и ту же коммуникацию представить разными

результатирующими и одной и той же коммуникативной цели добиться применением разных стратегий и тактик в рамках одной рекурсивной коммуникации. Воображаемый образ коммуниканта, таким образом, более реален, содержателен, естественен и искренен, чем виртуальный.

Виртуальный образ коммуниканта представлен не фактически, а описательно, его образ презентационен и многопланов, что дает богатую почву для манипуляций. Фикциональность коммуникативного поведения виртуального коммуниканта делает эту дискурсивную личность несамостоятельной, а его коммуникацию фатической, когда речевые поступки виртуального образа коммуниканта слабо соотнесены с действиями и фрагментами поведения самого индивида, а обусловлены складывающейся коммуникативной ситуацией – именно это позволяет индивиду реализовать в виртуальной коммуникации свои парадоксальные интенции.

Парадоксальные интенции отличаются от других потенциальных коммуникативных интенций, прежде всего, своей модальностью, предполагающей контрадикторность стереотипных представлений о тех или иных фрагментах окружающей действительности (в том числе и о самом коммуниканте) и соответствующих аффективных представлений. Зачастую такие представления аффективны лишь в той мере, в какой не совпадают с представлениями о реальном образе коммуниканта, однако это могут быть и дистанцированные от здравого смысла представления о себе и мире.

В любом случае, проживая в виртуальной коммуникации те ситуации, которые в реальной жизни вызывают смущение (инициировать коммуникацию – задать очень личный или интимный вопрос – или прокомментировать ее), страх (обвинить обидчика, обругать неугодного; признаться в чем-либо; представить на суд общественности свое творчество), или просто совершая коммуникативные поступки, не позволительные или невозможные в рамках реального коммуникативного образа (авторитетный ученый участвует в коммуникации о городских скопках, брутальный мужчина интересуется вышивкой крестиком, взрослый человек реализует потенцию наивной реакции «мимишно», «шикарно», «обалдеть»), молодой человек выступает в роли эксперта в каких-то вопросах, неспециалист консультирует профессионалов, т.п.) индивид деперсонализируется в этом новом образе. По большому счету, во всех этих случаях коммуникант боится не разоблачения – он боится непонимания и неуспешности коммуникации

только потому, что его стереотипное представление о коммуникантах, подобных ему самому, не содержит образцов (сценариев, фреймов, др.) такого аффективного поведения – у индивида просто нет возможности научиться (как в случае с воображаемым образом коммуниканта) – в условиях виртуальной коммуникации индивид имеет простор для эксперимента, доводя свою неуверенность до абсурда.

Таким образом, воображаемая коммуникация, ограниченная рамками сюжета, может быть рассмотрена как элемент перформативного дискурса, когда высказывание превращается в действие, а виртуальная коммуникация, в целом, приобретает черты императива, содержанием которого оказывается не действие, а состояние, в котором возможности для самореализации индивида, в том числе и реализации парадоксальных интенций, не ограничены.

Глава III. Коммуникативная среда и языковой ареал

Вопрос о взаимосвязи и взаимозависимости языка и культуры актуален во все времена; попытки осмысления объективно существующей корреляции этих двух феноменов – от платоновского эйдоса как умопостигаемой формы, в которой отражается связь между ментальным актом в процессе постижения объекта реальной действительности и самим объектом, развитое и переосмысленное Аристотелем и другими мыслителями древности, а затем и в наше время – Гуссерлем уже в качестве *наивысшей мыслительной абстракции, данной нам конкретно, наглядно и вполне самостоятельно*¹¹, продолжают предприниматься в рамках новейших междисциплинарных исследований этно-, психо-, нейролингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвострановедения и др.

Традиционно в лингвистической науке взаимосвязь языка и культуры эксплицируется посредством анализа основной функции языка – коммуникативной и функционирующей только совместно с ней функцией репрезентативной (или другими словами этнокультурной, так как последняя рассматривается в качестве субъектной конструкции языковой картины мира).

Однако эйдетическая суть связи между языком и мышлением требует не столько комплексного подхода, который в обязательном порядке предполагает рассмотрение и прагматической (в тесной связи с коммуникативной), и когнитивной (в первую очередь связанной с репрезентативной) функций, сколько подхода холистического, в рамках которого исследования когнитивного аспекта взаимодействия языка и культуры выходят на передний план, хотя и не исчерпывают проблему.

Основная сложность описания проблемы в любом случае оказывается в том, что оперировать приходится, по терминологии Гуссерля, *чистыми сущностями, представляющими собой объекты интеллектуальной интуиции*¹². Вероятно поэтому, исследуя абстрактные

---

¹¹ Философская Энциклопедия. В 5-х т. - М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960-1970

¹² Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии, т. 1. - М., 1930

феномены двух знаковых систем – языка и культуры, мы так или иначе обращаемся к необходимости переопределить каждый из феноменов не только по отношению друг к другу, но и по отношению к индивиду, личности как носителю одновременно и языка и культуры, продуценту и интерпретатору культурных и языковых знаков.

Глобалистские основания современной научной парадигмы с ее культурфилософским антропоцентризмом и тяготением к философскому натурализму (особенно в рамках западной научной парадигмы) закономерно подводят к такому пониманию взаимоотношений между языком и культурой, между человеком как носителем языка и культурой как его творением, при котором значимыми становятся два разнонаправленных подхода – функционалистский и интенционалистский. В рамках этих подходов антропоцентрическая парадигма современности демонстрирует внутреннюю противоречивость в своем стремлении к деонтологизации личности и одновременной ее онтологизации в общем контексте развития философской антропологии.

Попытка переосмыслить работу человеческого мозга и шире – функционирование личности – посредством компьютерной метафоры или, к примеру, свести все своеобразие культуры только к биологическим аспектам человеческого существования и, в частности к особенностям его языковой картины мира, может дать интересные результаты в рамках отдельных наук – лингвистики, философии, антропологии, этнографии или культурологии, но для формулирования общей концепции взаимоотношений языка и культуры в условиях современного антропоцентризма необходим холистический подход.

Коммуникативная среда и речевой коллектив (к вопросу о сущности коммуникации)

В настоящее время широко разрабатываемыми направлениями изучения поднятого выше вопроса в лингвистической науке выступают проблемы соотношения языковой и культурной глобализации и этнокультурной идентичности, межязыковой и межкультурной коммуникации в условиях многоязычного и поликультурного общества.

В связи с тем, что в вопросах взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры, языка и мышления, языка и социума в рамках антропоцентрической парадигмы современности максимально

актуализован именно компонент «взаимности» – исследователей в меньшей степени интересуют механизмы протекания однонаправленных процессов внутри каждого из исследуемых феноменов. Необходимо возникает третий член указанных взаимодействий – а именно, личность – элемент, роль которого и раньше была обусловлена значимостью носителя (части) для каждого из исследуемых взаимодействий, но не осознавалась как полноправная. Смещая акцент с сущностных характеристик каждого из взаимодействующих феноменов на их объективные результирующие, исследователи вынуждены дополнять линию взаимодействия, и этот компонент – «личность» – становится одновременно и условием, и результатом такого взаимодействия.

Так, исследуя важный культурный компонент – познание – в рамках антропоцентрической парадигмы, мы неизбежно переходим к описанию взаимопонимания как единственной цели и условия бытия человека в мире.

Кроме того, при рассмотрении взаимодействия языка и культуры традиционно именно язык фигурировал в начале этой диады – рассматривался ли этот вопрос в концепции языка как зеркала культуры (С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин, Э.С. Маркарян), где язык представлен несамостоятельным элементом – инструментом культуры; или культура и язык осознавались как симбиоз, при котором язык «прорастает» в культуру, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития всей культуры в целом; рассматривалась ли активная роль языка в процессе мышления, влияние его на культуру. (Э. Сепир и Б. Уорф), когда языку отводится главенствующая, определяющая роль; или даже в том случае, если обсуждалась третья точка зрения на вопрос о взаимосвязи языка и культуры, в рамках которой язык предстает одновременно и ее продуктом, и составной частью, и условием ее существования, когда язык рассматривается как специфический способ существования культуры¹³.

Неважно как соотносят исследователи язык и культуру по отношению друг к другу – как часть и целое или как автономные элементы, традиционная диада должна быть переозначена и на первое место стоит поместить понятие культура.

Культура и язык как проблема взаимодействия этих феноменов не может быть ограничена представлениями о функционировании

---

¹³ Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с

знаковых систем, в которых индивид как носитель языка, вместе с тем, оказывается и носителем культуры, благодаря чему правомерно говорить о том, что знаки языка становятся способными выполнять функцию культурных знаков и таким образом выступать в роли значимых установок культуры. Таким образом вопрос о соотношении языка и культуры не только сущностно переосмысливается, но и переформулируется в виде триады культура – язык – личность.

При таком понимании условие необходимости комплексного описания коммуникативной, репрезентативной, когнитивной и прагматической функций языка в его взаимодействии с культурой становится не просто необходимым, но уже недостаточным, так как подобное описание взаимодействия между тремя полноправными компонентами триады не исчерпывается интерпретацией их функциональности. И тогда коммуникативная среда как совокупность всех, в том числе потенциальных, коммуникативных сигналов, которые способен принять и отправить человек говорящий и слушающий, пишущий и читающий, сознательно и бессознательно, непосредственно или опосредованно (что приобретает особую важность в условиях протекания коммуникации в рамках интернет-пространства) начинает осознаваться не просто как мир общения человека, но как способ его воплощения, самореализации и самоидентификации.

Если коммуникацию понимать как взаимодействие, связь, общение между живыми существами (общее представление), или уже, с психолингвистической точки зрения как обмен информацией между живыми организмами (общение), или еще уже и структурнее – с точки зрения теории коммуникации – как эффективное синхронное и диахронное взаимодействие, цель которого состоит в передаче информации от одного субъекта к другому, то языковая способность выступает одной из основополагающих составных частей человеческой природы. Человек говорящий есть личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность, реализуемая в рамках социальной системности.

Так, по Никласу Луману, под коммуникацией следует понимать *некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие» как совокупность действий, характерных только для социальных систем, при осуществлении которых происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача*

информации, или перенос «семантических» содержаний от одной обладающей ими психической системы к другой¹⁴.

Основная ошибка при анализе коммуникации – это попытка ограничить анализ коммуникации каналом связи, каналом передачи информации, здесь как раз важен дискурсивный подход – то, что инициировало начало воплощения коммуникации – смс, устная реплика, письменное сообщение и т.д. (пресуппозиция), точно также и в дальнейшем развертывании может быть реализовано разными каналами связи. В этом смысле, кстати говоря, виртуальная коммуникация – даже не фрагмент дискурсивной реализации того или иного взаимодействия, ограничиваемого тематически, а совокупность фрагментов различных вариантов коммуникации.

Безусловно, образ коммуниканта динамичен и неустойчив – он постоянно корректируется, но в то же время он статичен и трудно поддается изменению, потому что обусловлен совокупностью представлений о мире – тем его фрагментом, в который включен образ собеседника. Готовность коммуникантов к общению проявляется в настроенности на собеседника: при анализе коммуникации принято говорить об успешной коммуникации, однако успешность взаимодействия может быть оценена только с точки зрения объектов – адресата и адресанта, и то, что окажется успешно реализованным фрагментом дискурса для одного, может быть расценено как неуспешное для другого.

Имеет место обратная зависимость: чем меньше усилий затрачивает один из коммуникантов на продуцирование речевого сообщения, тем больше усилий придется затратить его собеседнику при декодировании сообщения. Вместе с тем, коммуниканты, как правило, настроены на облегчение интерпретации своих речевых высказываний и стараются не создавать дополнительных коммуникативных барьеров.

Репертуар вербальных средств и их отбор, организация, ситуативность использования индивидом, во многом предопределяются когнитивными факторами: когнитивными пространствами и когнитивной базой, пресуппозицией (как зоной пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, которая формирует когнитивный аспект коммуникативного акта) и контекстом. Все это позволяет отдельно рассматривать личность языковую как личность,

---

¹⁴ Луман Н. Общество как социальная система. – М: Издательство "Логос". 2004. – 232 с.

обладающую определенной совокупностью знаний и представлений и проявляющую себя в речевой деятельности, и личность речевую как личность, выбирающую и осуществляющую ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающую и использующую тот или иной репертуар средств, как собственно лингвистических, так и экстралингвистических и таким образом реализующую себя в коммуникации. Тогда как коммуникативная личность выступает как конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной (даже если она виртуальная) коммуникации.

Подобные представления, реализованные в рамках современной антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания как попытка рассмотрения человека говорящего в качестве субъекта коммуникации, который при этом оказывается одновременно и субъектом языка и культуры, приводят к однобокости в понимании самой коммуникации.

Ведь являясь субъектом коммуникативного процесса, человек представляется своеобразным творцом коммуникации, и в любом диалогическом взаимодействии оказывается ответственным и за процесс протекания коммуникации и за ее результат. В этом случае особое внимание уделяется правильности отбора и организации собственно языковых средств с учетом всех экстралингвистических факторов (функционально-стилистический аспект), национально-культурных особенностей (этнокультурный аспект), личностных особенностей собеседника (когнитивный аспект) и т.п.

Но не человек говорящий обуславливает выбор момента для воплощения коммуникации, а сама коммуникация, в своем моменте воплощения обуславливает определенный набор уникальных характеристик всех ее составляющих, в том числе и самих коммуникантов.

Такое понимание выводит человека говорящего из разряда субъектов коммуникации; в таком понимании момента коммуникации человек говорящий уподобляется самой речи как способу воплощения и самому языку как его механизму.

Невозможно анализировать собственно-лингвистический аспект коммуникации как таковой, не обращая внимания на когнитивные феномены, потому что в центре внимания всегда, прежде всего, текст, дискурс, (вербальная) коммуникация в целом. Все попытки объяснения успешности коммуникации высоким уровнем коммуникативной и иных компетенций говорящих в конечном счете сводятся к перечислению условий, количество которых экспоненциально растет с

каждым новым научным открытием в сферах лингвистики, когнитивистики, психологии, социологии, нейробиологии, культурологии и т.д. И такая постановка вопроса наводит на мысль о том, что сам подход – обращения человека говорящего в субъекта коммуникации – невелик.

В традиционной структуре коммуникативного акта коммуникативная ситуация, как один из его компонентов, описывается экстралингвистическими факторами и потому оказывается вне языкового инструментария. Внешне все выглядит так, будто коммуникативная ситуация, влияя на языковой инструментарий, оказывается внешней по отношению к самой коммуникации. Коммуникант в коммуникации не реализован как полнотное явление – он представлен только один из своих образов, то есть идеален по сути.

Коммуникативная ситуация в моменте общения также существенно идеальна, потому что является отражением наших представлений о ней, благодаря которым человек говорящий и делает выбор в сторону того или иного своего коммуникативного образа.

И только сам процесс взаимодействия между коммуникантами в большей или меньшей степени материализован, хотя та его ипостась, которая реализуется представлениями о нем его участниками также идеальна.

Таким образом, реален только результат коммуникации, и только в тот момент, когда становится объектом внимания человека говорящего и интерпретирующего. Но как только началась интерпретация, результат одной коммуникации становится участником процесса другой коммуникации и теряет свою материальность, потому что реализуется как участник, как коммуникант.

Собственно речевой акт предполагает большую подготовительную работу – задействование когнитивных, психических, физических механизмов, участвующих в речепорождении; его произносительная часть оказывается воплощенной только потому, что именно для такого его содержания, качества, типа, вида и т. п. в данной точке пространства и времени все сложилось.

Процесс коммуникации начал результатиться, потому что для этого настал момент. Код – естественный человеческий язык – начал работать и реальность, в которой все это имеет место, начала трансформироваться. Человек не в состоянии полностью перейти на другую систему кодирования – но он владеет уникальным инструментарием естественного языка, средствами которого может описать

любую знаковую систему и таким образом реализовать соответствующий аспект коммуникации.

Традиционная схема коммуникации рекурсивна и конечна (коммуниканты замкнуты друг на друга). Дискурсивная схема коммуникации линейна и бесконечна: на оси воплощения дискурсивной схемы коммуникации может быть бесчисленное количество коммуникантов, ситуаций общения и процессов протекания коммуникации, объединенных в рамках коммуникативной ситуации общей интенцией воплощения результата коммуникации.

Замыкаясь в рамках антропоцентрического подхода на человеке как субъекте, рассматривая его характеристики и пытаясь обусловить их особенностями результаты коммуникации, мы упускаем возможность разглядеть метафизическую сущность коммуникации, для которой способ реализации не замыкается в рамках естественного языка, но с помощью которого эта сущность может быть описана и познана, то есть воплощена.

Напротив, рассматривая саму коммуникацию как субъект, и осознавая человека говорящего объектом коммуникации и частью коммуникативной ситуации – своеобразного фона бытия, на котором разворачивается коммуникация, нельзя замыкаться в рамках естественного языка как универсального кода, система и структура которого является сущностной особенностью человека.

Разделение на субъект и объект в рамках традиционного понимания коммуникации противоречит пониманию самой коммуникации как перцепции, представленной в символическом виде. Коммуникация и есть само восприятие, и только коммуникативная ситуация, то есть те условия, при которых она реализуется, в которую входит человек говорящий как носитель механизма воплощения коммуникации и реализатор способа ее воплощения, предлагающая свои системы кодирования информации, позволяет коммуникации результативаться в отдельных текстах.

Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия (к вопросу о национально-культурной идентичности)

Коммуникативная среда, определяемая как исторически и локально обусловленная этносоциоязыковая общность, складывающаяся как результат функционирования языковых образований в

совокупности их внутренних коммуникативных связей как явление соотносима с понятием языковой общности в большей степени, нежели с понятиями общности этнической или даже этноязыковой, потому что в основание дефинирования этого понятия положены критерии поликультурности и полиязычия. Вместе с тем, границы распространности языка (языков) также не ограничивают локализацию коммуникативной среды, важна лишь степень интенсивности внутрикоммуникативных связей, что в некотором смысле возвращает нас к необходимости остановиться на дополнительном обсуждении понятия *речевой коллектив*.

Если выше мы в основном оперировали в рассуждениях понятием элементарного отрезка реальной коммуникации, который реализуют диалоговую сущность человеческого общения, то теперь нам необходимо увидеть весь комплекс переплетающихся, разрывающих и обрывающихся под воздействием друг друга комплексных по сути коммуникативных взаимодействий. В этом смысле при определении речевого (языкового) коллектива важно не ограничиться указанием на носителей (отправителей и получателей) этих коммуникативных взаимодействий, и акцентируя внимание на социально-коммуникативных связях, скрепляющих речевой коллектив в определяемую совокупность, понимать речевой коллектив как особую область коммуникации, потенциально готовую принимать определенные варианты ее реализации.

То есть рассматривая, например, приднестровцев как речевой коллектив, мы в первую очередь обращаем внимание на социальные условия общения и коммуникативные потенции всех и каждого из этой совокупности людей.

Понимание этих базовых оснований характеристики речевого коллектива делает возможным идеализированное представление типичного представителя такого коллектива (или его более мелкой группировки) и его речевое портретирование как языковой личности, воплощаемой в речи. При описании коммуникативной среды бытования такого представителя актуализируется значимость степени коммуникативной спаянности исследуемой языковой общности, обусловленные, в большей степени, национально-культурными и традиционно-историческими, нежели социально-общественными связями, даже при моделировании ее как совокупности более мелких социальных групп.

То есть, распространяя вышеприведенный пример, можно говорить о том, что если номинация *речевой коллектив приднестровцев* акцентирует значимость гражданской принадлежности каждого представителя этого речевого коллектива и в определенной мере обуславливает потенциальный набор тем, реализуемых участниками такого социального взаимодействия, то номинация *приднестровская коммуникативная среда* подчеркивает системность коммуникативных отношений внутри этой среды, обусловленных лингвокультурной спецификой ее компонентов.

Так, к примеру, лингвокультурная ситуация в Приднестровье в научной литературе часто характеризуется неравновесным национально-русским билингвизмом, основной особенностью которого выступает его диглоссно-билингвальная сущность, обусловленная преимущественным использованием русского языка как языка официально-делового и академического общения, а также языка межкультурной коммуникации.

Сочетание национального разговорного языка (а то и вовсе языковой подсистемы просторечия) с русским литературным языком предопределяет уже отмеченный нами диффузный характер языковых процессов в регионе, в результате чего индивид все чаще предстает как языковая личность с проблемной лингвокультурной идентификацией. В этих условиях би-(поли-)лингвизм и регулярный языковой контакт выступают как неизбежные и необходимые условия интерференции. Структурные расхождения языковых систем контактирующих языков провоцируют нарушения речевых норм одного языка под влиянием другого практически на всех уровнях языковой системы: фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом, что может проявляться как в устной, так и в письменной речи.

Проявления языковой интерференции обусловлены структурным вмешательством одной языковой системы в другую в языковом сознании билингва – нарушая нормы и правила соотношения двух контактирующих языков, билингв таким образом компенсирует элементы или функции одной языковой системы соответствующими явлениями другой, что может привести как к усилению, так и к ослаблению взаимодействия.

Акцент, буквализм или искажение смысла, неверное формо- и словообразование, обусловленное неправомерным проецированием правил родного языка на грамматическую систему второго и последующих языков, искажение общего смысла из-за деформации

синтаксических конструкций и другое – все это формальные показатели отрицательного воздействия лингвистической интерференции. Позитивное воздействие проявляется в обогащающей речевую и коммуникативную компетентность билингва переносе существующих навыков на систему изучаемого языка, который обусловлен совпадением фонетико-фонологических, лексических, грамматических явлений родного и официального как неродного языков. И если интерференция репрезентируется в виде речевых коммуникативно значимых и коммуникативно незначимых ошибок, то трансференция может указывать на дефектность или несформированность единой коммуникативной компетенции.

Однако необходимо отметить, что подобное соотношение последствий языкового контактирования и уровня сформированности языковой, речевой и коммуникативной компетенций в пределах региона может выступать как допустимое, социально нормативное и не осознаваться как дефектное. В этом случае система образования призвана вскрыть последствия межъязыковой и внутриязыковой интерференции, закрепившиеся в узуальном использовании, которые могут проявляться, например, в намеренном или неосознаваемом избегании употребления определенных форм или конструкций неродного языка, не имеющих прямого соответствия в родном языке индивида. Такая косвенная интерференция может приводить к обеднению речи, также как и регулярные нарушения системы и норм изучаемого языка, что, в свою очередь, также не способствует взаимопониманию между носителями национальных языков и соответствующих национально-культурных особенностей, которые находятся в постоянном взаимодействии.

Языком делопроизводства и документации принят в приднестровском регионе русский язык, что требует достаточных навыков устного и письменного общения в сфере официально-деловой коммуникации, выступающих важным фактором успешной социализации. Можно утверждать, что уровень владения русским языком национально-русских билингвов Приднестровья достаточно высок: уровень владения грамматикой можно соотнести со средним уровнем владения грамматикой русского языка нативными носителями (в рамках курса средней школы), уровень способности понимать речь при чтении и на слух также соотносим с соответствующим уровнем русскоязычных монолингвов в тех случаях, когда речь не идет о сложных научных и специальных текстах. Такое положение вещей обеспечено

функционированием системы образовательных институтов региона, в рамках которых поддерживается специфичность речевого портрета языковой личности Приднестровья, как обобщённого типа транскультурной языковой личности.

В условиях взаимодействия и взаимопроникновения языков и культур осуществляется перенос некоторых стереотипов поведения, отдельных норм, идеологических представлений, а также языковых средств общения, свойственных основной, базовой культуре – для региона Приднестровья это, в первую очередь, русская культура (в силу преобладания форм взаимодействия, обслуживаемых русским языком), а другие национальные культуры – в силу длительной истории контактирования языков и народов на данной территории в силу совпадения территории с ареалом бытования языка.

Социализующаяся языковая личность, вбирая в себя яркие и социально подтвержденные лингвокультурные и коммуникативно-прагматические элементы, в условиях размытости этнической картины региона и формирования особой региональной национально-культурной идентичности в рамках воспитательной и образовательной работы становится личностью нового типа.

Поликультурные элементы такой языковой личности оказываются практически не вычленимыми из ее сложной структуры, что отличает не только би- и полилингвов полиязычных и поликультурных регионов, но и монолингвальную личность, формирование которой происходило в условиях многоязычия и поликультурности (псевдомонolingва). Индивид, для которого основным и единственным языком остается родной язык, формируясь в поликультурной и многоязычной среде, так или иначе впитывает лингвокультурную специфику соседствующих языков и культур. В этих условиях возникает транскультурный вариант языковой личности, в структуре которой смешение различных лингвокультурных элементов настолько органично, что попытка искусственного разведения компонентов языковой личности по разным национальным традициям приведет к разрушению самой структуры.

Возможность такого смешения изначально может быть обусловлена недосформированностью отдельных систем в составе поликультурной личности, которая проявляется в языковой сфере – речевые навыки и коммуникативная компетентность будут весьма своеобразными как для восприятия носителей той идентичности, с которой ассоциирует себя индивид (базовой), так и для носителей иных

лингвокультурных традиций, к которым другие представители базовой идентичности отнесут такую языковую личность.

Именно эта своеобразная деформированность (смещенность) национально-культурного компонента в структуре формирующейся личности в какой-то мере и до определенного предела позволяет ей гибко реагировать на проявления изменчивости мира, но лишает такую личность возможности отнести себя к какой-либо национальной или даже социальной группе. Искаженное языковое сознание такого индивида реализовано смещением языковых и концептуальных картин мира, которое происходит в условиях формирования и социализации псевдо- или билингвальной и поликультурной личности в ситуации неполного и неглубокого погружения в лингвокультурную специфику соответствующих языков. Фрагментарное знакомство языковой личности с базовым русским или др. языком с элементами структуры второго и последующих языков, контактирование с которыми неизбежно приводит к размыванию национально-культурной идентичности и складыванию особого типа русскоязычной (в основном) языковой личности Приднестровья.

Национально-культурная идентичность в таком случае выступает показателем особого переходного состояния сообщества, когда исторически закрепленная за данной территорией этническая картина становится достаточно размытой для того, чтобы можно было говорить не о культурных особенностях конкретных этносов, проживающих на данной территории, а о культурных параметрах нового лингвокультурного социоэмерджента, в рамках которого обеспечивается взаимодействие и взаимопроникновение значимых культурных компонентов этих этносов и культур.

Подобного рода переходное состояние характеризуется транскультурностью репрезентации каждой (или, по крайней мере, большинства) языковой личности данного коммуникативного сообщества, при этом самоидентификация личности остается национально или религиозно, политически, др. ориентированной.

Вместе с тем, как было указано ранее, транскультурность никогда не будет выступать осознаваемой идентичностью, потому что, будучи только знаком особого характера действия, процесса или субъекта, сущностно реализована не столько формой или содержанием, сколько связью между ними в структуре этого знака.

Коммуникативное пространство формирования личности (к вопросу о межкультурной компетенции)

Однако не стоит думать, что подобное состояние, имеющее важные социокультурные и территориально-исторические предпосылки, может быть достаточно устойчивым без политической воли и своеобразного национального проектирования. И хотя в текущем контексте понятие нации используется как указание на совокупность индивидов, проживающих на указанной территории и представляющих собой социально-политическое объединение, для определения которого этнические характеристики индивидов не важны, сами по себе этнокультурный и национально-политический портреты сообщества имеют огромное значение.

Налицо парадокс – для того, чтобы в рамках регионального дискурса глобализации обеспечить совпадение политического и национального как основания формирования особого социоэмерджента со своей особой комплексной национально-культурной идентичностью, необходимо обеспечить развитие каждой из составляющих формируемую идентичность лингвокультур.

Различение понятий *локальная* и *региональная идентичность* как социокультурных феноменов разной целостности базируется на дискретности единого ментального и социокультурного пространства.

Региональная идентичность как часть социальной идентичности рассматривается как объективное состояние, характеризующее самоотождествленность носителя такой идентичности, и имеет иерархическую структуру (например, страна, район, город; гуманитарий, филолог...).

Локальная идентичность, в свою очередь, рассматривается как результат трансграничных изменений, возникающих на периферии региональной идентичности. Эти проявления вызваны воздействием на систему региональной идентичности, и носят точечный характер.

Устойчивость и хронотопическая непрерывность социоэмерджента региональной идентичности оказывается противопоставленной дискретности и изменчивости во времени и пространстве социоэмерджента локальной идентичности как социокультурных феноменов разной целостности. Локальная идентичность дискретна, неустойчива и открыта изменениям, что и обеспечило в свое время стойкий интерес к такому феномену как национальная языковая личность.

Воспитание особой национально-культурной идентичности как персонифицированного представления складывающейся региональной ментальности происходит в системе образования и культуры, функционирование которой обеспечено социально и политически. Показательно, что стержневая для региональной модели Приднестровья русскость, подкрепляется именно образовательным компонентом, и в нем же происходит формирование транскультурности, обеспеченной изучением истории, культуры и языка народов, проживающих на территории Приднестровья.

Образование в Приднестровье формализовано по российскому образцу, региональный компонент представлен не только обязательным изучением национальных языков региона языков как родных (при этом сегмент национальных классов и воспитательно-образовательных учреждений предполагает изучение русского языка в статусе официального языка межкультурного общения), но и приднестровской литературы – произведений, написанных современными поэтами и писателями Приднестровья. Каждое литературное произведение – это не только интересный рассказ об истории, современности региона, его героях и обывателях или переосмысление вымышленной реальности в привычных образах и пейзажах, но и яркое образное представление картины мира автора, которая обусловлена национально-культурной спецификой этого поликультурного и мультиязычного региона. И если, изучая неродной язык, обучающийся в большей степени ориентирован на нормативный его вариант, то знакомясь с творчеством приднестровских авторов, герои и рассказчики которых говорят также как все вокруг, индивид подтверждает разговорно-бытовую языковую, речевую и коммуникативную компетентность, вариантную по отношению к нормативной национальной.

Эта компетентность могла бы быть названной мультикультурной, если бы обозначала комплексный компетентностный феномен владения разными языками и культурами. Однако некоторая размытость этнической картины, характеризующей приднестровское территориальное сообщество, как говорилось ранее, и формирование особого национально-культурного феномена «приднестровец» позволяет утверждать, что приднестровский лингвокультурный социоэмерджент, обеспечивающий взаимодействие и взаимопроникновение значимых культурных компонентов разных этносов и культур, транскультурен по сути. Транскультурность представляется неизбежной (в силу социально-политических установок) билингвальностью (в

широком понимании этого феномена) индивида и особенностями его национально-культурной идентичности как психического свойства его личности, приспособляющейся к условиям бытования внутри мультикультурного региона.

Знакомство с любым языком неразрывно связано с изучением культурных особенностей народа, говорящего на этом языке: страноведение, изучение традиций, обычаев народа всегда было важной частью формирования языковой и речевой компетентности при изучении неродного языка. В таком понимании в российской научной школе представлено направление РКИ – когда русский язык преподается представителям других этносов. Огромное количество литературы по проблемам изучения русского языка как иностранного в различных лингвокультурных сообществах, а также преподавание русского языка как неродного (русский язык в национальной школе) опирается, как правило на этнокультурный подход к образованию и социализации учащихся общеобразовательных учреждений. Такая педагогическая стратегия, обеспечивает становление обучающегося как гражданина своей страны, представителя соответствующего этноса и, шире, мира, готового к успешной деятельности в этнокультурной и поликультурной среде. Данная стратегия представляет собой совокупность принципов этнокультурности, природосообразности, культуротворчества, диалога культур, толерантности, реализующихся в образовательном процессе¹⁵.

Однако соответствующие этому подходу методики формирования межкультурной компетентности не всегда необходимы и достаточны в условиях поликультурности и неравновесного полилингвизма, особенно в ситуациях, когда состав и количество языков, составляющих мультилингвальность как значимую характеристику того или иного сообщества, непостоянен. Кроме того, современное состояние глобализованного мира заставляет в большей степени обращать внимание не на отработку коммуникативных тактик при межкультурном общении, которые базируются на страноведческих и этнокультурных знаниях об изучаемом языке, а на формирование набора лингвокультурных коммуникативных стратегий в стандартных ситуациях общения с представителем любого этноса.

---

¹⁵ Карпушина Л. П. Этнокультурный подход как фактор социализации учащихся в процессе музыкального образования // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8798> (дата обращения: 06.01.2021).

Формирование транскультурной компетентности, таким образом, не просто требование времени, но и неизбежное следствие реализации транскультурной модели глобализации, представленной в нашем регионе.

Исторические, географические, социально-культурные, политико-экономические и др. аспекты языковой ситуации в Приднестровье позволяют говорить об уникальности социально-коммуникативной системы региона и ее базовым элементом определять русскоязычность и русскость как культурологическую и лингвоэтническую доминанту. Закрепление русского как языка ведения делопроизводства, а также использование его в качестве языка межкультурного общения указывают на необходимость выработки особого подхода к преподаванию русского языка. Русский язык в нашей региональной модели не может быть рассмотрен ни в рамках подхода РКИ (русский как иностранный), ни в рамках подхода РКН (русский как неродной), это должен быть новый взгляд на преподавание русского языка как официального языка межнационального общения в условиях базовой русскости и нормативной русскоязычности.

Кратко охарактеризуем межкультурную коммуникацию как общение, взаимодействие и взаимопонимание участников коммуникации или культурных сообществ, которые являются носителями различных культур, реализуемые в форме межличностной коммуникации, межкультурной коммуникации малых групп (как элементов коммуникативной среды) и межкультурной коммуникации большой группы (реализуемая на этническом и национальном подуровнях).

Участники межличностной коммуникации взаимодействуют в рамках определенной системы правил, которые обусловлены социокультурной принадлежностью. В этом аспекте важно, что участники межкультурной коммуникации должны преодолевать не только языковые барьеры, но трансформировать в процессе общения культурные коды, отражающие этническую, национальную, социальную и культурную специфику восприятия окружающего мира.

Важным в межкультурной коммуникации малых групп является стремление всех участников общения к адаптации привычных средств общения под конкретные условия группы, что в условиях межкультурного общения в рамках тех или иных социальных групп приобретает особое значение – на передний план выходят не столько лингвокультурные, сколько социопрагматические установки, влияющие и на выбор кода, и на ведущие стратегии и тактики коммуникации,

трансформирующие линвокультурную идентичность коммуникантов с учетом ведущей (например, лидера малой группы).

Межкультурная коммуникация большой группы реализуется на двух подуровнях: этническом (между локальными этносами или общностями) и национальном (между представителями национального единства). В контексте взаимодействия культур необходимо не только владение языком другой культуры, но и знание традиций, норм, механизмов процесса общения, психологии, истории и правил поведения партнеров по общению.

Значимым оказывается вопрос культурных различий, умение понимать и учитывать их, ведь главной целью любого взаимодействия является умение донести до партнера коммуникации свою позицию и получить адекватный своему запросу ответ. Другими словами, раз эффективность общения зависит от взаимопонимания между собеседниками, то для его достижения необходим набор определенных знаний, умений и навыков, который будет объединять собеседников.

Межкультурная коммуникация на этническом уровне реализуется как трансляция базовой идентичности, влияющей на представителя локального этноса (то, что реализовано на уровне межличностной коммуникации и принимается как данность), а на национальном уровне – как социально значимая гражданская идентичность (например, идентичность «приднестровец»), в формировании которой участвуют и семья, и школа, и СМИ, и интернет, причем, зачастую навязывая разнонаправленные стратегии поддержания (или отторжения) такой идентичности.

С учетом того, что уже было сказано об особом транскультурном социоэмердженте, сложившемся в приднестровском регионе, яркой особенностью которого является наличие развитой системы образования, обеспечивающей возможность продуктивной национально-культурной самоидентификации личности, важно подчеркнуть необходимость направленного формирования национально-культурной идентичности транскультурной личности в условиях учебно-воспитательного процесса.

Намечая основные аспекты характеристики категории национально-культурной идентичности как психического свойства личности, формирующейся в условиях (либо приспособливающейся к условиям) поликультурного пространства, необходимо исходить из понимания транскультурной региональной модели как процесса, характеризующего линвокультурную, социо-экономическую и историко-

политическую ситуацию в поликультурном регионе. Такой подход поможет определить тенденции изменения национально-культурной идентичности в поликультурном регионе современного глобализованного мира, обозначить проблемы и способы их разрешения в рамках актуальной парадигмы образования как специфического социального института формирования национально-культурной идентичности (понятия, трактуемого и с точки зрения классического понимания концепта «нация», и с точки зрения более широкого подхода, появление которого обусловлено современными процессами глобализации).

Часть II.

Социально-коммуникативная система Приднестровья

Социально-коммуникативная система – понятие социолингвистики, которое может быть переосмыслено более широко как объект исследования лингвокультурологии, психолингвистики и даже когнитивной лингвистики. Рассматривая связь между языком и социальными условиями его бытования (социолингвистика), мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью более глубокой трактовки социальной природы языка и речевой деятельности как способа материализации и объективации мысли и речи как целенаправленной индивидуальной человеческой деятельности (психолингвистика) и, в связи с этим, исследования форм взаимодействия отдельных когнитивных способностей индивида и языка (когнитивная лингвистика), отраженных, в частности, в особенностях концептосферы индивида как представителя этноса и носителя того или иного языка и культуры (лингвокультурология).

В такой аспектации тезис о том, что общественная сущность языка неотделима от индивидуального характера речи, выступает основополагающим при описании компонентов социально-коммуникативной системы и отношений между ними.

Распределение функционала компонентов социально-коммуникативной системы по общественным функциям позволяет выделить элементы системы, значимость которых друг относительно друга и по отношению к остальным компонентам варьируется. Можно выделить базовую совокупность коммуникативных сфер, определяющую минимальные требования к языку, а также открытый перечень других коммуникативных сфер и их вариантов, необходимый для определения степени функциональной развитости языка.

Объем базовой совокупности будет определяться содержанием понятия *общество* в его узком понимании в качестве исторически конкретного типа социальной системы как целостного единства, обеспечиваемого совместной деятельностью людей и характеризующего устойчивостью, воспроизводимостью и преемственностью отношений и связей между людьми в процессе взаимодействия.

Глава IV. Языковая ситуация как компонент социально-коммуникативной системы

Сопоставление процессов, смежных с билингвизмом, характеризующих некоторые актуальные аспекты бытования языков и культур в условиях поликультурности и многоязычия, заставляет обратить внимание на *транслингвизм* и *семилингвизм* как явления, в рамках которых взаимодействие первичной, вторичной и последующих языковых личностей в структуре полилингвального субъекта вызывает значимые изменения его тезауруса.

Тезаурус билингвального языкового субъекта выступает как комплексная, пронизывающая все уровни структуры языковой личности, система единиц, посредством которых формализована специфика национально-культурных и духовно-нравственных ценностей поликультурной личности. Базовой результирующей взаимодействия лингвокультур в структуре полилингвальной языковой личности и шире – во взаимодействии разных лингвокультур, можно считать разницу потенциалов соотносимых элементов двух и более лингвокультур, которая оказывается одновременно условием и причиной возникновения в одной из них (как правило, неродной) новых элементов, что оценивается либо как приращение, обогащение, либо как обеднение и деградация картины мира и ее отражения в культурно-языковой среде.

Потенциальная допустимость перенесения системы одних культурных смыслов на другую, возможность успешного функционирования в родной лингвокультуре иноязычных и инокультурных смыслов возможна при соблюдении принципа культуральной избыточности, определяемого как процесс обогащения одной лингвокультуры категориями и смыслами другой, при котором принимающая лингвокультура не просто прирастает качественно, но и вынуждена количественно

увеличивать набор значимых структурных компонентов, что может требовать некоторых системно-структурных изменений.

Эффект культуральной недостаточности, при котором принимающая культура не в состоянии принять проекцию смыслов интерферирующей культуры в силу несоответствия наборов значимых структурных компонентов и систем связей между ними имеет место в условиях семилингвизма, когда перенос в условиях общей деформации тезауруса выступает как языковая, речевая, коммуникативная ошибка.

Таким образом, транслингвизм и семилингвизм оказываются разнонаправленными сущностями, смещение форм материализации которых разрешается вопросом о нормативности функционирования этих форм, когда в рамках нормативного использования перенесенных лингвокультурных элементов правомерно говорить о транслингвизме, а за этими рамками – о семилингвизме.

Языковая ситуация и языковое сознание би- (поли-) лингва

Лингвокультурная идентичность индивида выступает важной составляющей онто-изолята как относительно замкнутой онтологической целостности. В рамках этой целостности может быть представлено отражение нескольких национально специфичных картин мира. Исходя из того, сколько отражений представлено, можно говорить о монолингвах, билингвах, полилингвах как типичных онто-изолятах. Языковое сознание би- и даже монолингва так или иначе будет отражать те особенности и реалии соответствующей национальной культуры, которые актуальны именно на этой территории. Трансформация региональной языковой личности как личности, в первую очередь, поликультурной и при этом не всегда полиязычной, зависит от понимания самоидентичности такой личности. Возникающий новый социоэмерджент – псевдомонолингвизм, предстает таким явлением, при котором индивиды (онто-изоляты, инициировавшие появление феномена), активно использующие в своей когнитивной и коммуникативной деятельности один язык, тем не менее оказываются потенциально готовыми при необходимости к интенсивному освоению другого (других) языков, составляющих специфику их локальной идентичности. Это возможно, в первую очередь, потому что культурные аспекты, лежащие в основании их лингвокультурной идентичности, уже

освоены ими в рамках становления монолингвальной языковой картины мира языковой личности, формирующейся в многоязычном и поликультурном регионе. Можно утверждать, что сущность псевдомонолингвизма – в транскультурной природе этого лингвокультурного социоэмерджента.

Феномен идентичности по своей природе социокультурен и может быть представлен как актуальный результат некоторых, уже произошедших, социокультурных и социоментальных трансформационных процессов, локализованных на определенной территории. Хронотопически ограниченная среда, в рамках которой возникает феномен, как правило, представляет собой более или менее однородное образование, сформированное вокруг первичного источника идентичности, в качестве которого может выступать религиозный, этнический, национальный, территориальный социоэмерджент как более высокий план организации в отношении к индивидуальной субъектности.

И в этом смысле необходимо говорить не только о би-(поли-)лингвальной языковой личности, широко распространенной в полиязычных и поликультурных регионах, но и о одноязычной личности, формирование которой происходило в условиях многоязычия и поликультурности. Индивид, для которого основным и единственным языком остается родной язык, формируясь в поликультурной и многоязычной среде, так или иначе впитывает лингвокультурную специфику соседствующих языков и культур. Возникает вариант той или иной национальной языковой личности, в структуре которой смешение различных лингвокультурных элементов органично и целостно.

Возможность такого смешения, как правило, обусловлена недосформированностью отдельных систем в составе поликультурной личности и реализована набором специфических деформаций языковой картины мира, которая чаще всего проявляется двумя разнонаправленными тенденциями.

Первая характеризуется уверенным использованием мотивационно-прагматических установок в виде национально-специфических стереотипов поведения, фреймов и сценарных структур, понимании образно-символических элементов национальной картины мира при слабом навыке их речевого представления.

Вторая – обратная – проявляется в широком владении единицами вербально-семантического уровня при полной неспособности их правильного отбора и организации в условиях изменения

прагматических установок или использования собеседником элементов культурно-символического кода языка их взаимодействия.

Несформированность национально-культурного компонента в структуре формирующейся личности в какой-то мере и до определенного предела позволяет ей гибко реагировать на проявления изменчивости мира, но лишает такую личность возможности отнести себя к какой-либо национальной или даже социальной группе.

Подобная глобализованная личность становится весьма распространённым феноменом «чужого везде», когда индивид, не принимая своей региональной идентичности, в основе которой лежит та или иная национально-культурная идентичность или ее вариант, стремится обрести иную национально-культурную идентичность, избранную им в качестве «своей». Однако обретая вожаделенную вторичную идентичность, не может подтвердить ее в соответствующем сообществе в силу того, что ядерные или периферийные компоненты его личности, а чаще – и те и другие - оказываются деформированными.

Монолингвизм в мире, где глобальное информационное поле, вбирая в себя этнокультурную специфичность разных народов и причудливо сочетая эти элементы, не только способствует трансформации индивидуальных картин мира, но и оказывает заметное деформирующее влияние на национальные картины мира, оказывается абстрактным феноменом.

Языковая ситуация и речевая способность (когнитивный аспект)

Интерес современной науки к метакогнитивным процессам обусловлен не только теоретико-философским интересом к пониманию структуры и особенностям функционирования когнитивной системы индивида, но и собственно прагматическим заданием, состоящим в выработке рекомендаций по направленному использованию метакогниций в деятельности.

В свете активных на современном этапе процессов гуманизации образования, которое, в свою очередь, мыслится как непрерывающаяся деятельность индивида (образование в течение жизни) и, в связи с этим, важности компетентностного подхода к результатам такой деятельности актуальность обращения к анализу способов

умственной и практической деятельности несомненна. Внимание к качественно-количественным параметрам интеллектуальных актов, их последовательности, структуре и моделям вариабельности обуславливает необходимость выделения особых механизмов контроля и проверки результатов умственной и практической деятельности, развития механизмов метарефлексии.

Познавательная деятельность человека, направленная на качественное и количественное преумножение всех видов человеческого знания (чувственного и рационального; научного, художественного и житейского; паранаучного, религиозного и мифологического), в конечном счете, обуславливается особенностями личностного познания, в свою очередь, определяющего характер материальной и духовной деятельности человека и одновременно являющегося его неотъемлемой частью.

Компетентностный подход позволяет осознавать процесс обучения органичной частью деятельностной сферы человека – образование как средство развития личности в условиях информационного мира обеспечивает индивида навыками существования в этом информационном пространстве, умением поиска и отбора необходимой информации, накопления базовых знаний и постоянного наращивания гносеологического потенциала личности. Рефлексия индивида, таким образом, выступает необходимым компонентом организации и корректировки процесса развития и саморазвития, обучения и самообучения, и развитие рефлексивных способностей индивида требует такого же пристального внимания, как и развитие памяти и интеллекта.

Самопознание как постоянный процесс проверки и контроля своих действий, их цели и результативности – во многом умение интуитивное, сущностно характеризующее человека: самонаблюдение, самоанализ и сравнение призваны привести индивида к осознанию необходимости личностного моделирования. Осознание и принятие характерологических свойств своей личности так или иначе связано с оценкой этих свойств обществом и самой личностью, и именно на этом этапе очень важно развитие метарефлексии как инструмента сдерживания рефлексии. Эта рефлексивная по своей сути процедура наблюдения над личностной рефлексией обеспечивает качество последней и представляет собой своеобразный экзистенциально-феноменологический инструмент самопонимания и самоприятия.

Продуктивное мышление отмечается исследователями как основа обучаемости индивида - его направленность на создание нового на основании выявленных на этапе критического осмысления недостатков, ошибок, т. п. предлагаемой для освоения информации, с одной стороны, позволяет выделить этот вид мышления как более значимый для процесса обучения, а с другой стороны, обнажает его качественную зависимость от степени сформированности репродуктивного мышления: критическое мышление выступает как специфический критерий мышления творческого¹⁶.

Процессы регуляции мышления (или, иными словами, метамышление) индивида сущностно рефлексивны – разворачивая мысль в понятие или суждение, а затем категоризируя свои суждения об этом понятии, индивид проходит сложный рекурсивный путь кристаллизации знания. Континуальность рефлексии, с одной стороны, позволяет реализовать проверку и контроль мыслительных операций, но, с другой стороны, может вызывать патологически рекурсивную рефлексию, когда проверка истинности результата мыслительной операции превращается в отдельный рекурсивный процесс рефлексии со своим собственным уровнем метарефлексии, который в свою очередь также потенциально может осознаваться такой высокорефлексивной личностью как отдельный рекурсивный процесс рефлексии и метарефлексии.

Таким образом рефлексивность (способность к рефлексии, метарефлексии) рассматривается как метапознавательная способность личности, формирующаяся на основании сложного взаимодействия личностных и когнитивных свойств индивида и транслируемая им посредством коммуникации. Эта значимая метакогнитивная характеристика связана с общей характеристикой социально-психологической адаптации личности и включает в себя такие рефлексивные феномены как метапамять и метамышление.

Психические познавательные феномены – память как форма отражения, мышление как процесс отражения, речь средство отражения действительности и регулятивные метапроцессы – метапамять как знание об особенностях функционирования своей памяти, метамышление как механизм регуляции мышления, а также метаречь как своеобразная объективация языка/речи индивида – лежат в основе обучения и развития любого индивида. Однако особый интерес представляет анализ некоторых особенностей уровня развития

---

¹⁶ Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности: Пер. с англ. - М.: КСП+, 1997. 720 с.

метамышления на речевую способность би-(поли-)лингва, понимаемого в самом широком значении этого термина как индивида, в той или иной мере владеющего двумя и более языками.

Языковое сознание билингва представлено совокупностью знаний и представлений о разных языках – так, например, национально-русские билингвы постсоветских территорий, как правило, демонстрируют влияние двуязычия на мышление (проявляющееся в процессах кодового переключения и двойного кодового переключения) и метамышления (в осознании необходимости и причинности такой перекодировки).

Вместе с тем, нельзя рассматривать би-(поли-)лингва в отрыве от той языковой ситуации, в рамках которой он формировался и продолжает функционировать – так, например, русско-национальные или национально-русские билингвы приднестровского региона (русско-национальный и обратный билингвизм, например, украинско-русский и обратный билингвизм, русско-болгарский и обратный билингвизм, и т. д. (возможны варианты сочетания русского языка с гагаузским, польским, др.)) функционируют в условиях фактического полиязычия (русский, украинский, румынский, болгарский, гагаузский, польский, др.) и поликультурности региона (национальные праздники, обряды, традиции, национальная кухня проживающих на данной территории народов органично вплетены в базовую русскую (или иную) культуру в зависимости от региона Приднестровья.

Языковое сознание би-(поли-)лингва (как, впрочем, и монолингва, сформировавшегося в условиях многоязычия и поликультурности как важных характеристик региона) представляет собой совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств - слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей¹⁷ двух (и более) языков.

Соответственно, при сравнении русского языкового сознания (или украинского, болгарского) русско- (украинско-, болгарско-, др.) национальных билингвов можно отметить определенные расхождения, продиктованные влиянием на формирование национального языкового сознания соседствующих языков и культур при условии длительного культурно-исторического и социально-бытового

---

¹⁷ Тарасов Е.Ф. Языковое сознание / Вопросы психолингвистики, №2. 2004.

контактирования указанных лингвокультурных сообществ, как это мы можем наблюдать в полиязычных регионах, в частности в Приднестровье.¹⁸

Авторы исследований проблемы способности и готовности билингва к продуктивному мышлению сходятся во мнении о том, что билингвизм стимулирует творчество, способствует развитию дивергентного мышления, позволяющего рассматривать множество возможных решений одной и той же проблемы и вырабатывать, таким образом, креативные идеи. Знание двух языков расширяет ментальные границы ребенка, который, с культурной и лингвистической точек зрения, будет лучше подготовлен к вступлению в жизнь, чем его ровесники¹⁹. Рефлексивность как важная характеристика социально-психологической адаптации личности материализуется в языковой (речевой рефлексии) в виде метаязыковых высказываний или невербальных реакций (их отсутствии), что, в свою очередь, обусловлено качественными показателями не только и не столько собственно языковой (речевой) компетентности, сколько культурно-коммуникативной компетентности индивида.

Необходимость высокой степени развитости дивергентного мышления очевидна в большей степени при межкультурной коммуникации и би-(поли-)лингв в таком случае оказывается более успешным, нежели монолингв. Однако в реальной коммуникации индивид часто оказывается заложником своих речевых привычек, сложившихся под влиянием места и времени формирования его базовой языковой, речевой и коммуникативной способности. При этом наличие в языковом сознании би-(поли-)лингва нескольких лингвокультурных моделей комфортного коммуникативно-речевого поведения позволяет ему, конечно, выбрать оптимальный вариант поведения, но при этом усложняет процесс мышления и метамышления, как будет показано ниже.

Если монолингв при общении с другим индивидом – будь то монолингв или билингв, говорящие на одном с ним языке, – задается вопросом – будет ли понятно мое высказывание собеседнику, имея ввиду в основном только вариации способа речевого представления суждения или умозаключения, то билингв как обладатель «расширенного» языкового сознания (или разных структур языковых сознаний)

---

¹⁸ Подробнее о языковой ситуации в Приднестровье см.: [Щукина, Кривошапова, Луговская: 2018, С.25-27

¹⁹ Соколова И.В. Влияние билингвизма на социо-когнитивное развитие личности / Образование и наука. 2012

вынужден рефлексировать не только по поводу самих понятий, но и контролировать правильность самих процессов мышления. Метамышление таким образом становится необходимой составляющей в структуре когнитивных процессов и способностей билингвальной личности. Однако оно по-разному будет проявляться в каждом конкретном случае, учитывающем не только индивидуально-психологические и ситуативно-социальные факторы, но и лингвокультурные особенности и виды билингвизма.

Рассмотрим уже упомянутый нами случай национально-русского билингвизма при общении на русском или национальном языке. В этом случае коммуникация потенциально должна иметь в своей структуре этап диагностирования речевой (языковой) компетентности собеседника, результаты которого позволят сделать заключение о том, какой код предпочтительнее использовать (имеется ввиду не только выбор самого языка, но и выбор его подсистем, например, бытовое общение национально-русских билингвов предпочтительно ведется на национальном языке, а академическое в условиях обучения на русском языке (например, в высшей школе) – на русском).

Осмысление фактов действительности и осмысление этого осмысления (регулятивная и проверочная функция метамышления) в процессе коммуникации будет протекать достаточно органично и непринужденно, так как коммуниканты «договорились о коде».

Вместе с тем, если в рамках данного условия общения рассмотреть процесс обучения, важно отметить, что если национально-русский билингв обучается на русском языке, когнитивный процесс осмысления вводной информации, представленной на русском языке, может протекать в рамках русской же языковой способности (опознавание темы или вопросов по ключевым словам, структурам), а вот метамышление, как правило, более тесно связанное с родным языком, будет требовать от индивида сложной рекурсии: осмысление инпута и проверка правильности этого осмысления, осмысление возможных интерпретаций и выбор оптимальной (оптимальных) понятий или суждений по поводу интерпретации, выход на осмысление ответа и контроль адекватности суждения, осмысление способа вербализации, средств вербализации и контроль соответствия результата вербализации суждению.

Как раз именно этот аспект – метамышление (о соответствии результата вербализации мысли о самой мысли) – для билингва и оказывается критическим. В случае плохо отлаженного процесса

метамышления индивид может прибегать к речевым уловкам типа «на моем языке это будет так...», «это сложно объяснить», «это неперево-димо», др. Все это «работает» в случае координативного билингвизма и некоторых случаях субординативного – при использовании тем под-систем вторичной языковой личности, которые представлены в более или менее структурно-системно оформленных лингвокультурных ва-риантах. Несколько иначе могут проявляться дефекты метамышления в условиях учебного билингвизма – при изучении иностранных языков, если при этом иностранный язык изучается национально-русским или русско-национальным билингом, рекурсивность рефлексивных процессов мышления возрастает на порядок.

Рассмотрим метамышление индивида, изучающего второй (и далее) иностранный язык, при условии, что формирующийся билингвизм такого индивида остается в основном учебным – то есть резуль-татом изучения иностранно языка не становится ежедневная практика его использования в повседневной жизни.

Известен феномен актуализации знаний предыдущего усвоен-ного иностранного языка в начале изучения каждого последующего иностранного языка (причем степень актуализации с каждым новым языком все ниже, а актуализируемая система все менее структури-рована средствами одного только языка).

Например, студент вуза, освоивший английский язык на доста-точно высоком уровне в курсе общеобразовательной школы, присту-пая к изучению немецкого (французского или любого иного) языка в вузе окажется заложником отлаженного за время изучения англий-ского языка процесса метамышления в условиях необходимости пе-реходить с родного языка на иностранный в коммуникации – устной или письменной. Индивид столкнется с таким дефектом памяти и мышления, когда когнитивная сфера будет подсказывать ему отрабо-танные пути метамыслительных процессов и предлагать для вспоми-нания и осмысления структурные элементы ранее изученного языка вместо искомых вновь изучаемых.

На определенном этапе обучения, процессы метамышления упорядочиваются и опыт формирования этих процессов как вариа-тивных по отношению к основной схеме, отработанной для мышления в рамках лингвокультурных феноменов и структур родного языка, по-могает выстроить еще один вариант – для другого иностранного языка, хотя смешение вариантных структур и когнитивные «подмены» останутся характерологической особенностью полиязычного

индивида. Однако в том случае, если использование разных языков индивидов разведено по сферам и условиям использования – например, английский язык используется только в научной коммуникации (устной или письменной), немецкий язык используется только для целей художественного чтения, а, например, польский только для учебного общения с учителем – такое разведение способов кодирования коммуникативных и когнитивных процессов с ними связанных может помочь качественно более «чистому» использованию ресурсов соответствующих лингвокультурных систем в зависимости от ситуации.

В общем и целом, каждый последующий изучаемый язык встраивается в структуру языкового сознания его потенциального носителя более органично, чем предыдущий; сложности возникают, в основном, с языками либо слишком разными по структуре и организации (например, японский после любого европейского языка будет даваться куда хуже, чем он же после освоения китайского, а турецкий хорошо встроится на фоне предыдущего изучения гагаузского), либо напротив родственных языков. Это другая крайность – изучение близкого по структуре родному иностранного языка после изучения достаточно отличного от родного языка может вызывать попытки «усложнения» – например, индивиду с родным русским языком, изучавшим в качестве первого иностранного языка английский гораздо легче начинать изучать следующий немецкий или французский, чем польский или украинский, а индивиду с неродным русским после изучения иностранного русского легче изучать болгарский, чем, например, французский.

Отработанные и закрепленные в сознании личности когнитивные механизмы для функционирования в рамках иноязычной лингвокультурной структуры первое время будут проецироваться им на соответствующие механизмы, нарабатываемые в рамках другой лингвокультурной структуры – в этом случае особую важность приобретает не только гибкость мышления индивида, но и его способность к метамышлению.

Способность к продуктивному рекурсивному мышлению является важным условием формирования речевой способности – контролирующая функция метамышления позволяет не только проверять истинность своих суждений и формируемых понятий, осмысляя саму мысль, но и оценивать верность и степень применимости самих схем такого осмысления. Такая своеобразная процедура абстрагирования – осмысление не конкретных мыслей по поводу определенных

фактов окружающей действительности (в данном случае - языка), а осмысление схемы, процедуры самого осмысления, результата мыслительных действий позволяет индивиду сформировать особую ментально-когнитивную структуру, которая будет уточняться и совершенствоваться по мере увеличения количества осмысляемых языковых фактов.

Неразвитость метамышления будет тормозить формирование такой структуры (схемы, формуляра) в контексте максимально абстрактного понимания языка, однако на уровне низкореклексивности как когнитивной особенности личности, но хорошей памяти, индивид может быть весьма успешен в использовании иностранного языка на уровне трансляции заученных речевых и коммуникативно-ситуационных паттернов. В этом случае даже условная однозначность интерпретации таких паттернов (или низкая вариативность смыслов паттернов, используемых понятий) не будет помехой для успешного коммуницирования на иностранном языке в рамках какой-либо его подсистемы или комплекса однотипных ситуаций.

Способность к продуктивному рекурсивному мышлению, однако, может выступать сдерживающим фактором на пути формирования речевой способности билингва – во многом это будет зависеть от индивидуально-психологических особенностей – высокая рефлексивность индивида или, иными словами, рекурсивная перепроверка мышления о мышлении и всех возможных вариантов интерпретации мысли и мысли о мысли, как правило, приводит к тому, что индивиду очень сложно добираться в своей метарефлексии до уровня вербализации.

В случае с высокореклексивным билингвом в условиях координативного типа билингвизма это может приводить к неверному оцениванию успешности использования тех или иных этноспецифичных ассоциатов, лингвокультурем, др. в межкультурном общении (то есть не в условиях коммуникации с таким же билингвом).

При учебном билингвизме или ярко выраженном типе субординативного билингвизма высокореклексивный индивид не только затрачивает слишком много времени на обдумывание ответа собеседнику (его содержания и формы), но и оказывается во власти метамыслительных процессов, имеющих социально-психологический характер – мышление о мышлении (о том, как мое речевое (коммуникативное) поведение соотносится с ситуацией, моим коммуникативным образом, статусом и т. д.)

Высокорerefлексивные типы склонны обдумывать не только саму мысль о мысли, но и предполагаемые мысли о мысли своих собеседников – попытка настроиться на мир собеседника и представить себя на его месте, чтобы выбрать наиболее адекватную форму представления и содержание высказываемой мысли сама по себе не плоха. Однако пытаясь максимально подробно и точно объяснить своему визави что, зачем и по каким причинам индивид пытается до него донести, но, не имея еще достаточно развитой языковой и речевой способности, не может это сделать достаточно хорошо. В результате этап оценивания в структуре метамышления снова и снова возвращает высокорerefлексивного индивида к осмысливанию мысли, попыткам ее упрощения или, напротив, своеобразного ее «облагораживания».

Оптимальным решением видится адекватная оценка своих языковых, речевых и коммуникативных способностей и попытка привести проявление соответствующих компетенций к условному среднему – так, если языковая компетенция в иностранном языке низка, то при трансляции своей речевой компетенции необходимо использовать только те структуры и механизмы, которые полностью обеспечиваются такой языковой способностью.

Высокая коммуникативная компетенция, структурированная средствами родного языка, при плохо сформированной языковой и речевой компетенции иностранного языка также может выступать тормозящим фактором при метамышлении. Осмысление коммуникативной стратегии и выбор тактик, а также способов их речевого воплощения как формальная структура когнитивного поведения индивида, отработанная в рамках одной лингвокультуры, высокорerefлексивным индивидом не отбрасывается сразу как неэффективная в ситуации общения на иностранном языке – такой индивид осмысляет возможности использования или варианты трансформации стратегий коммуникативного поведения, обдумывает адекватность возможных речевых тактик в рамках реализации выбранной стратегии в условиях иной лингвокультуры, затем пробует вербализовать эти тактики наличествующими скудными средствами, убеждается в неэффективности такого подхода и рекурсивно возвращается на первый или в лучшем случае предыдущий уровень осмысления – осмысления не стратегии, но выбора тактик...

Рекурсивное когнитивное поведение может в конечном итоге привести индивида к выводу о неспособности усвоения языка

(говорения на нем, др.) – здесь очень важна роль учителя, его терпение и такт при объяснении ученику очевидного, но психологически, возможно, некомфортного, а потому избегаемого, приема – метамышления не от мысли о содержании высказывания, а от мысли о тех языковых средствах, которыми способен на данном этапе погружения в язык оперировать индивид.

Задавая такой вектор метамышления, можно добиться формирования особого «снизу» формуляра метамышления, эффективность которого положительно коррелирует с уровнем языковой и речевой способностей индивида в иностранном языке, дает возможность повышения этого уровня, а вместе с ним и успешности коммуникации без изменения структур метамыслительных процессов, используемых индивидом в рамках освоения иностранной лингвокультуры. Таким способом может решаться важная задача обучения иностранному языку в современном глобализирующемся мире, совпадающая с основной функцией языка/речи – обеспечивать возможность элементарной коммуникации, передать информацию. Конечно, слабо актуализованными окажутся другие языковые функции – эстетическая, отчасти эмотивная и метаязыковая, однако коммуникация будет обеспечена, контакт будет установлен и индивиды будут способны к совместным действиям и решениям (социальный аспект).

Таким образом, речевая способность би-(поли-)лингва может влиять на скорость протекания процесса метамышления и наоборот – уровень развитости метамышления влияет на речевую способность билингва: низкий уровень развитости метамышления, как правило, способствует быстрому но неглубокому освоению иностранной речи в рамках отдельных подсистем или ситуаций, высокий уровень развитости метамышления может оказаться тормозящим освоение иностранной речи фактором, обеспечивающим, вместе с тем, достаточно глубокое проникновение в структуру иностранного языка.

Для преодоления отрицательных последствий высокого уровня развития метамышления при учебном билингвизме необходим отказ от привычных метакогнитивных программ родной лингвокультуры, что обеспечит высокую скорость их протекания в условиях учебного билингвизма без погружения в языковую и культурную среду.

Языковая ситуация и транслингвальность

Выше мы уже обращали внимание на явления языковой контактологии, сущностно и функционально противопоставленные друг другу, говоря о семилингвизме и транслингвизме как понятиях смежных с билингвизмом, но, по нашему мнению, сущностно противопоставленных друг другу.

Актуальность такого сопоставления обусловлена повышенным интересом современной лингвистики и смежных наук к транслингвизму как основанию существования, прежде всего, феномена контактной литературы²⁰, специфика которого обусловлена формированием трансграничных лингвокультурных моделей в рамках художественного текста и шире – художественно-эстетического дискурса той языковой системы, в которой адаптированы иноязычные и инокультурные элементы.

Вместе с тем, феномен семилингвизма, напротив, характеризуется формированием такой лингвокультурной модели, в рамках которой формируются часто непересекающиеся и функционально специализированные лингвокультурные подсистемы, соотносимые с первичной и вторичной языковыми личностями в структуре билингвального языкового субъекта, что также требует особого рассмотрения.

Транслингвальность как способность двуязычного языкового субъекта трансформировать языковые коды обоих языков в соответствии с целями коммуникации (в самом широком смысле) и успешно встраивать часто нарушающие норму и узус элементы одного кода в другой, выступает и в качестве причины возникновения у языкового субъекта, представленного как объект двух разных лингвокультур, смешанного дискурса при сохранении его базовой лингвокультурной идентичности. В таком понимании транслингвальность обеспечивает не только вербально-невербальное приращение кода, но и может вызвать эффект культуральной избыточности.

Под культуральной избыточностью мы имеем ввиду процесс обогащения одной культуры категориями и смыслами другой, при которой принимающая культура не просто прирастает качественно, но и вынуждена количественно увеличивать набор значимых структурных компонентов, что может требовать некоторых системно-структурных изменений. Ведь культура как информационно-семиотическая

---

²⁰ Kachru B.B. The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English. *Studies in the Linguistic Sciences*. 1983. Vol. 13. No. 2. С. 37-55

система в своей этновариантности представлена специфическим набором значимых элементов и связей между ними. Приращение кода, безусловно, возникает в тех компонентах структуры, раскрытие вариантного потенциала которых не противоречит логике самой структуры.

Исследователи проблемы транслингвальнойности подчеркивают, что транслингвизм обеспечивает возникновение культурной синергии - объединения культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов²¹, национальное воображаемое ищет адекватных способов репрезентации в усвоенном языке, в результате чего этот язык не только в определенной степени трансформируется, но и способствует обновлению «говорящей» через него культуры²²; трансязычие имеет ярко выраженный деятельностный и речетворческий характер, представляя собой новое, творческое, трансформирующее и интегрирующее использование всех имеющихся в распоряжении билингва языковых ресурсов²³, но при этом транслингвальность позволяет успешно использовать языки, порою нарушая нормы²⁴.

Именно на этой особенности транслингвизма необходимо остановиться подробнее и задаться закономерным вопросом: есть ли рамки нарушения норм лингвокультуры, за пределами которых уже нецелесообразно говорить о транслингвизме; как можно охарактеризовать то, что возникает в рамках транслингвальнойности как процесса, но за пределами нормативности?

На первую часть вопроса ответ достаточно очевиден: безусловно, допустимость нарушения нормы будет определяться степенью интерпретируемости новой для данной лингвокультуры семантической единицы – чем понятнее элемент, тем правомернее нарушение (напомним, что нарушения всегда будут контекстуальны, ситуативны).

Вместе с тем, понятность вновь созданного элемента обеспечивается его системно-структурным, ассоциативным и

---

²¹ Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 6-9.

²² Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Выпуск 8, №1. С.57-63

²³ Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 6-9.

²⁴ Canagarajah Suresh. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. New York, NY: Routledge, 2013. URL: http://journal.urmia.ac.ir/article_20408

коммуникативно-когнитивным потенциалом - то есть транслингвальная личность обладает достаточной языковой, речевой и коммуникативной компетенциями, чтобы осознать реализованный в одной лингвокультуре потенциал и, проецируя его на иную лингвокультуру, актуализовать релевантный для передачи нового смысла потенциал, нереализованный в другой лингвокультуре.

Чтобы не выводить вопрос в несколько иную плоскость – плоскость определения границ нормы и ошибки, так как такой вопрос правомерен не только для транслингвальных процессов, но и процессов речетворчества, протекающих внутри одного языка, определим базовым принципом допустимости языкового (речевого, коммуникативного) нарушения *принцип избыточности*.

Принцип избыточности при нарушении нормы заключается в том, что разница потенциалов любых соотносимых элементов двух лингвокультур обуславливает направленность перенесения одних смыслов в другие от реализованных к нереализованным, но потенциально возможным в данной лингвокультуре.

Их потенциальная допустимость, но нереализованность, как правило, свидетельствует о том, что в данной лингвокультуре соответствующие фрагменты реальной действительности, материализуемые в коммуникации, имеют другой набор средств и способов их реализации (или не имеют их вовсе, что также характеризует эти фрагменты картины мира). Внедрение в лингвокультуру иноязычных и инокультурных смыслов, таким образом, возможно только по принципу избыточности и при обязательном наличии разницы потенциалов между соотносимыми элементами этих лингвокультур.

Таким образом, именно разница потенциалов разных лингвокультур при транслингвализме оказывается одновременно условием и причиной, по которой то новое, что возникает в инокультурной коммуникации благодаря транслингвальным процессам оценивается нами как приращение, обогащение, творческий акт.

В противоположность транслингвизму в предложенном выше понимании выступает явление семилингвизма как особый вид билингвизма, при котором происходит частичная утрата родного языка или неполное владение им и одновременно неполное усвоение другого языка²⁵. Хотя традиционное понимание семилингвизма как характеризующее социальные сообщества с низким культурным уровнем требует переосмысления в условиях современных процессов

---

²⁵ Словарь социолингвистических терминов, 2006.

глобализации. Неполное владение родным языком может быть обусловлено не только изначальной деформированностью тезауруса родного языка, как например, это может быть у детей эмигрантов или самих эмигрантов, попавших в ситуацию иноязычия при полной невозможности коммуникации на родном языке: в первом случае – языковой субъект использует родную речь ситуативно, только в избранных сферах своей деятельности, во втором – со временем новый язык вытесняет родной из абсолютного большинства сфер деятельности, а родной язык индивида (тезаурус), не имея возможности функционировать, перестает развиваться и постепенно деградирует.

Похожие процессы имеют место в случае неравновесного расширения тезауруса билингвального языкового субъекта поликультурного и полиязычного региона, когда формирование и развитие той части тезауруса, которая соотносится с родным языком, на определенном этапе останавливается или значимо тормозится в связи с тем, что обогащение картины мира происходит за счет приращения значимой информации на другом языке (например, в случае профессионального обучения, когда новые понятия и слова, их означающие, а также все возможные связи между ними изначально нарабатываются на иностранном языке).

В связи с вышеизложенным можно сформулировать следующее определение: семилингвизм представляет собой такую форму билингвизма, при которой деформация тезауруса языковой личности, условно содержащего две языковые составляющие, проявляется в затруднительности формирования смысловой потенции для продуцирования высказывания на одном из языков (или на обоих) в силу невозможности ее формального выражения (в одних ситуациях это может быть родной язык, в других – иностранный).

Несовпадение частей тезауруса в структуре первичной и вторичной языковой личности в случае семилингвизма на уровне материализации будет характеризоваться неполнотой вербально-семантического уровня вторичной языковой личности. Такая неполнота, являясь результатом несформированности единиц глубинно-семантического уровня билингвальной языковой личности, в свою очередь, исключает возможность оперирования средствами, предназначенными для формализации этих единиц, известных языковому субъекту и существующих как потенциальные в той части тезауруса, которая соотносится с первичной языковой личностью. В результате, невостребованность части единиц приводит к выведению их из активного, а затем

и пассивного запаса, что существенно ухудшает не только языковую и речевую способности языкового субъекта, но и деформирует его коммуникативную и культурные компетенции.

Формально при семилингвизме также имеют место случаи переноса элементов одной лингвокультуры в другую – языковой субъект пытается компенсировать деформированность одной части тезауруса элементами другой части – однако такой перенос, в условиях общей деформации тезауруса, как правило, будет формализован как нарушение нормы – ошибка.

Перенос элемента одной лингвокультуры в другую представляется комплексным процессом: осмысление инокультурного элемента происходит как объемный и многомерный процесс взаимосвязанных и взаимообусловленных когнитивных и аффективных процессов, протекание которых обусловлено сочетанием основных модальностей (визуальной, тактильной, аудиальной и когнитивной). Осмысляя инокультурный элемент, билингв не может просто перенести в другой язык формальное и содержательное отражение тех образов, которые привычны для его родного языка и культуры. Ассоциации фонетические, словообразовательные, типологические, грамматические, лексические и семиотические и т.п., которые характеризовали переносимый образ в его родном языке, могут «не работать» (и почти никогда не работают в том же объеме) в другом языке. Поэтому, осуществляя перенос, билингв вынужден учитывать потенциальные связи переносимого элемента, могущие возникнуть в другом языке – звучание слова, актуальность, привычность словообразовательной или грамматической модели, лексическую сочетаемость, коннотации и ассоциации.

Транслингвальный языковой субъект вполне способен осуществить такой перенос в силу высокого уровня языковой, речевой и коммуникативной компетенции. Семилингвальный языковой субъект не способен к такому переносу из-за деформаций тезауруса своей языковой личности, проявляющихся на всех ее уровнях – то есть говорить о возможности обогащения индивидуального тезауруса или привнесения в иную культуру новых смыслов не приходится. Возникает эффект *культуральной недостаточности*, при котором принимающая культура не в состоянии принять проекцию смыслов интерферирующей культуры в силу несоответствия наборов значимых структурных компонентов и системных связей между ними.

При нарушении нормы в условиях семилингвизма не выдерживается принцип избыточности, он предстаёт в своей противоположности – недостаточность соотносимых средств лингвокультуры, в которую осуществляется перенос делает невозможным возникновение разницы потенциалов между элементами лингвокультур и, как следствие, не представляется возможным обогащение принимающей лингвокультуры и тем более не возникает эффекта обратной связи для лингвокультуры отдающей.

Таким образом транслингвизм и семилингвизм как понятия, смежные с билингвизмом, соотносимы на основании информации об уровне культуры речи индивида, как отражения общей культуры человека в рамках субъективно-нормативного подхода, и на основании исследования качественно-количественных характеристик разницы потенциалов лингвокультур, составляющих специфику той или иной трансграничной лингвокультурной модели, формализованной в тексте или дискурсе.

Глава V. Моделирование социально-коммуникативной системы полиязычного региона

Настоящее исследование реализовано в рамках разработки научно-исследовательской тематики «Языковая среда и ее влияние на формирование языковых особенностей приднестровцев» как лингвистического направления поиска по описанию историко-литературного процесса в Приднестровье.

Исследуя природу и сущность историко-литературного процесса в Приднестровье мы столкнулись с необходимостью создания социального и художественного портрета приднестровца как личности, ценностный дискурс которой воплощается на трех языках в разностилевых и разножанровых текстах приднестровской литературы.

Основаниями рассмотрения социально-коммуникативной системы полиязычного региона в ее целостности выступает лингвоконцептуальное описание транскультурной модели глобализации в региональном контексте Приднестровья, которое и обусловило содержание следующих этапов моделирования исследуемого когнитивно-дискурсивного пространства (*пропозициональный анализ дискурса; формально-содержательный и функциональный анализ языковых и речевых структур, вербализующих локальные концепты, в динамике формирования и развития когнитивно-дискурсивного пространства транскультурной модели; прагматическая оценка реализации данной модели в конкретном региональном контексте по типу эффективности или неэффективности ее функционирования и развития*²⁶). В частности, подчеркивалось, что макроинтенцией транскоммунитивного процесса, характеризующего лингвокультурную, социоэкономическую и историко-политическую ситуацию в приднестровском регионе, исторически являлась русскоцентричность; а отмеченный диффузный характер языковых процессов обуславливает формирование социолингвокультурной ситуации в регионе как ситуации, прежде всего, транскультурной – этим фактором обуславливается

---

²⁶ Луговская Е.Г. Транскультурная лингвоконцептуальная модель глобализации в региональном контексте // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019; 16(2): С.214-225 DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2.

новизна подхода к моделированию социально-коммуникативной системы поликультурного и полиязычного региона.

Рассматривая социально-коммуникативную модель поликультурного региона как специализированную информационную модель, можно говорить о реализации в приднестровском регионе информационной модели ценностного единства.

Набор элементов социальной системы, которые представлены социальными процессами и явлениями, рассматриваемыми как взаимодействия, обеспеченные возможностью использования естественного языка в рамках реализации им своих социальных функций, может быть проанализирован с точки зрения качественной и количественной реализованности. При этом когнитивные (обусловленные включением в рассмотрение и анализ модели когнитивной области мышления человека, то есть воспринимаемость, интерпретируемость, семантическая содержательность) и функциональные (функциональность, целевая определенность, ситуационная определенность, полнота, достоверность, точность, согласованность, надежность) характеристики модели.

Наблюдение функционирования компонентов социально-коммуникативной системы Приднестровья, включающей понятия типов культуры, в рамках которой осуществляется функционирование того или иного языка; статусных характеристик каждого из языков и современных форм их развития, а также специфики отражения русского языка (как моделиобразующего) в региональном тексте и дискурсе потребовало разработки комплексного теоретического описания компонентов системы в их взаимосвязи и взаимообусловленности, моделирования социально-коммуникативной системы как целостной структуры.

Социально-коммуникативная система как модель

Словарь социолингвистических терминов Российской академии лингвистических наук, дефинируя понятие социально-коммуникативной системы, обозначает его отношение к терминосистеме, представленной терминами *общественные функции языка, речевой коллектив, речевой / языковой репертуар, социальная роль, сфера общения, функциональная дополнительность, языковая ситуация,*

языковой коллектив, понятийный объем которой предопределил актуализацию оснований для моделирования социально-коммуникативной системы полиязычного и поликультурного региона.

Во-первых, рассматривая связь между языком и социальными условиями его бытования, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью более глубокой трактовки социальной природы языка и речевой деятельности как способа материализации и объективации мысли (по концепции Выготского Л.С.), а также речи как целенаправленной индивидуальной человеческой деятельности (по концепции Леонтьева А.А. и, в связи с этим, исследования связи с языком некоторых когнитивных способностей индивида, отраженных, в частности, в особенностях концептосферы носителя того или иного языка и культуры. В такой аспектации тезис о том, что общественная сущность языка неотделима от индивидуального характера речи, выступает основополагающим при описании компонентов социально-коммуникативной системы и отношений между ними.

Во-вторых, распределение функционала компонентов социально-коммуникативной системы по общественным функциям позволяет выделить элементы системы, значимость которых друг относительно друга и по отношению к остальным компонентам варьируется. Можно выделить базовую совокупность коммуникативных сфер, определяющую минимальные требования к языку, а также открытый перечень других коммуникативных сфер и их вариантов, необходимый для определения степени функциональной развитости языка. Объем базовой совокупности будет определен содержанием понятия общество в его узком понимании в качестве исторически конкретного типа социальной системы (как целостного единства, обеспечиваемого совместной деятельностью людей и характеризующего устойчивостью, воспроизводимостью и преемственностью отношений и связей между людьми в процессе взаимодействия²⁷).

В этой аспектации базовым основанием моделирования выступает целостность модели как такая характеристика социально-коммуникативной системы, которая позволяет говорить о ее эмерджентности.

Актуальность моделирования социально-культурной системы поликультурного региона с базовой русскоязычностью обусловлена важностью максимально пристального внимания к процессам,

---

²⁷ Луман Н. Общество как социальная система. – М: Издательство "Логос". 2004. – 232 с.

происходящим в языке, региональные особенности которого могут указать на проблемы и перспективы изменения языковой картины мира, а вместе с ней и аксиологических и гносеологических аспектов различных видов дискурса в полиязычных регионах, подобных приднестровскому.

Набор элементов социальной системы, которые представлены социальными процессами и явлениями, рассматриваемыми как взаимодействия, обеспеченные возможностью использования естественного языка в рамках реализации им своих социальных функций, может быть проанализирован с точки зрения качественной и количественной реализованности. В свою очередь, структурная организация общества, предполагающая дифференциацию по профессиональному, гендерному и возрастному, территориальному, этническому, классовому и социально-стратификационному признакам, позволяет выделять этнонациональный; мировоззренческий; религиозно-конфессиональный; образовательный; духовно-культурный; ценностно-ориентационный; экономический; идейно-политический аспекты.

Комплексное моделирование социально-коммуникативной системы

Предлагаем рассматривать социально-коммуникативную систему как комплексную систему или систему систем, базовыми компонентами которой выступают система Человек, система Язык, система Социум. Каждая из этих подсистем реализуется в структурном, концептуальном и функциональном представлениях, что является сущностным свойством любой системы: структурное представление – это схема, модель, каркас системы; концептуальное представление – ее содержательное наполнение, совокупность информационных «пакетов»²⁸ со знаниями о стереотипных ситуациях эпистемического свойства; функциональное представление, в свою очередь, реализовано как система способов упорядочивания входящей и исходящей информации.

В семиотической интерпретации можно говорить, соответственно, о синтактике (области отношений между элементами

---

²⁸ Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25-36.

структуры каркаса), семантике (характеристике отношений между знаковой реализацией элементов структуры и их наполненностью) и прагматике (моделировании отношений между формально-содержательной структурой элементов системы и способами реализации ее потенциалов).

Обратим внимание на то, что структурное представление языка как элемента социально-коммуникативной системы невозможно, – для описания этой системы определены инструментальная (описание языковой, речевой и коммуникативной личности) и функциональная (нормативный аспект бытийности языка, гносеологическая сущность речи и ценностное измерение формализации и ритуализации взаимодействия между людьми в условиях коммуникации) аспектации, которые обеспечивает носитель – человек. Системно-структурное же представление о языке как условии и результат осмысления этого феномена человеком не может быть включено в описание социально-коммуникативной системы, потому что выступает своего рода фоном языкового бытия для социально-коммуникативной системы как фигуры на нем (в терминах когнитологии).

Итак, система Человек – открытая, многоуровневая самоорганизующаяся функциональная система, характеризующаяся высокой активностью при взаимодействии с окружающей средой. Составляющими этой системы можно считать подсистему психической организации или систему внутреннего мира человека (с позиций структурного представления), подсистему его биологической организации, в том числе, органы чувств, обеспечивающие активное взаимодействие с окружающей средой, прием и переработку информации (концептуальное представление), подсистему социальной обусловленности человека или систему внешних связей и отношений человека (функциональное представление).

Подсистема внутреннего мира определяет основные узлы самоидентичности и самореализации человека в социальной подсистеме с помощью языка / речи (структурный аспект); в свою очередь, социальная подсистема посредством языка / речи (функциональный аспект) обеспечивает коррекцию количества и качества этих узлов; а объем и содержание языка / речи (концептуальный аспект) обуславливает, с одной стороны, возможность взаимодействия с социумом, а, с другой, полноту реализации индивида в качестве члена общества.

Значимыми аспектами при таком определении системы выступают психокогнитивный аспект, обеспечивающий самоорганизацию системы Человек и возможность взаимодействия с внешней средой; лингвокультурный, обеспечивающий активное освоение мира и взаимодействие с окружающей средой посредством языка / речи и социолингвистический, обеспечивающий условия функционирования системы Человек.

Психокогнитивная организация человека как системы имеет пространственно-знаковое представление, ограниченное типами расположения и направления знаковых (внутренний мир) движений в пространстве (внешний мир).

В таком виде психокогнитивная аспектация описания человека как базового компонента социально-коммуникативной системы, например, полиязычного региона позволяет представить каркас подсистемы человек в виде особой структуры – схемы мифомышления, представляющего в пространстве мыслимой реальности как производная модель нашего существования, проявленная в плоскости логических связей внутри когнитивного континуума: мысль – предмет (явление) – слово (понятие) – речь²⁹.

Особенности восприятия окружающей действительности, условия выделения ее значимых элементов, способы категоризации и концептуализации действительности – все это образует структурную организацию системы Человек, содержательная реализация которой образована совокупностью эмерджентного свойства элементов разных национально специфичных картин мира.

Структура мифомышления человека поликультурного общества как самоорганизующаяся система представлений о мире содержательно реализована лингвокультурной организацией человека как системы и представляется нам в виде открытого множества лингвокультурных концептов, значимых для системы и обеспечивающих содержательную топологичность всей системы. Именно лингвокультурный аспект, обеспечивающий активное освоение мира и взаимодействие с окружающей средой посредством языка / речи, позволяет сущностно интерпретировать особенности социолингвистической организации системы Человек. Социолингвистическая организация обеспечивает адекватные условиям поликультурного сообщества

---

²⁹ Мамонов М.А. Онтологический статус психокогнитивных структур и предпосылки мифологизации мышления // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 6. – С. 95-99.

способы функционирования системы Человек и имеет временное представление, базовым условием которого является последовательность реализации содержательной топологичности с учетом пространственно-знакового представления системы.

Как видим, взаимообусловленность элементов системы Человек зависит от того, как организована другая система – система Язык как подсистема социально-коммуникативной системы.

Систему Язык мы рассматриваем как иерархически организованную совокупность языковых элементов, находящихся в более или менее жестких структурных связях. Такая совокупность используется для выполнения коммуникативной и когнитивной функций, но реализуется как знаковая в совокупности внутриуровневых, межуровневых и внутривидовых отношений, в речи и коммуникации. Собственно языковая подсистема, таким образом, реализована в обобщённом описании языковой личности (структурно-языковая, вербально-семантическая и коммуникативно-прагматическая аспектации), речевая подсистема представлена в нормативной, коммуникативной и этической аспектации, а коммуникативная подсистема в онтологической, гносеологической и аксиологической аспектациях.

Как было отмечено выше, структурная характеристика языка как системы, требующая описания способов представления операциональной информации, невозможна из-за ее сущностной синергичности: язык как подсистема социально-коммуникативной системы выступает самоорганизующейся системой разнонаправленных информационных потоков, упорядочение которых характеризует эту систему, но не поддается описанию, кроме как в информационно-пакетном³⁰ и динамическом виде. Попытка вычленения самих структур, необходимых для упорядочивания информационных потоков, разрушает системность этой подсистемы социально-коммуникативной системы, позволяя исследовать только разрозненные элементы.

Например, лингвостилистический анализ (на уровне структуры языка) может дать представление о способе реализации операциональной информации, однако это представление не будет иметь пространственно-контурного характера – мыслительный образец стилистической организации языка не схватывается вне его функционального и содержательного описания.

---

³⁰ См. об этом: Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25-36; Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.

Инструментальную характеристику языка как подсистемы социально-коммуникативной системы обеспечивает описание языковой, речевой и коммуникативной личности, функционирование же обеспечивается следующим образом:

– для языка как динамически изменяющегося системно-структурного образования (структурно-языковой уровень языковой личности) важен нормативный аспект его бытийности;

– для речи как исторически сложившейся формы общения (коммуникация) посредством языковых конструкций (вербально-семантический уровень языковой личности), то есть системы сигналов, инструмента мышления, важна ее гносеологическая сущность;

– для коммуникации как механизма обеспечения (коммуникативно-прагматический уровень языковой личности) существования и развития отношений между людьми значимо ценностное измерение формализации и ритуализации взаимодействия между людьми.

И наконец, третья подсистема социально-коммуникативной системы – система *Социум* – общество как открытая, саморазвивающаяся система общения, взаимодействия индивидов, совокупность всех способов и форм взаимодействия и объединения людей. Как видим, данное определение требует соотнесения системы *Социум* с уже описанными выше системами *Человек* и *Язык*.

Значимыми для характеристики системы *Социум* в рамках описания элементов социально-коммуникативной системы с точки зрения *Человека* предлагаем считать следующие аспекты.

Во-первых, это *интенциональность* – потенциальная способность человека вступать во взаимодействие (в том числе с помощью языка – речевая интенция) с другими. В рамках характеристики этой способности можно оперировать категорией, определяющей уровень языковой компетентности и рассматривать, например, элементарное владение, самостоятельное владение, свободное владение языком.

Во-вторых, предлагается к рассмотрению *субъектность* – личностная реализация интенциональности человека как объекта социума. Для ее характеристики и описания удобно использовать сведения о степени владения культурой речи (полнофункциональный тип речевой культуры, неполнофункциональный тип, среднелитературный тип, литературно-жаргонизирующий тип, обиходный тип³¹).

---

³¹ Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. – С. 3-20.

И, наконец, в-третьих, модальность как способ бытия человека или группы (онтологический аспект), способ понимания суждения об объекте, явлении и событии (гносеологический аспект) и характер этих суждений (аксиологический аспект) можно характеризовать по степени развитости метаязыковой способности, что реализуется в рамках нормативной, коммуникативной и этической аспектаций общественной сущности языка.

Именно с позиций Языка значимыми характеристиками социума как подсистемы социально-коммуникативной системы выступают нормативный аспект, который обеспечивается наличием литературного языка (инварианта), коммуникативный аспект, который обеспечивается функционированием социальных разновидностей языка (вариантов) и этикетный аспект, который обеспечивается принятой в данном обществе системой коммуникативных стратегий и тактик (культура).

Все подсистемы (система Язык, система Человек и система Социум) социально-коммуникативной системы и их аспекты реализуют сложную взаимосвязь и взаимодействие своих элементов.

Человек как компонент социально-коммуникативной системы в концептологической аспектации

Как видим, подсистемы социально-коммуникативной системы связаны между собой сложной перекрещивающейся системой связей, которая, тем не менее, может быть организована для анализа в соответствии с аспектами и функциями каждой из подсистем. Скрепляющим элементом во всех случаях выступает культура как система деятельности, поведения и общения, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни в её проявлениях (ценности и нормы, традиции и этикет, эффективное общение и рациональное поведение).

Моделирование как способ описания социально-коммуникативной системы позволит в дальнейшем реализовать прагматическое исследование лингвокогнитивных и культурно-языковых единиц социально-коммуникативной системы.

С этой точки зрения наибольший интерес для исследования представляет собой подсистема Человек как центральная, связанная с другими подсистемами, связывающая их между собой и реализующая психокогнитивной, лингвокультурной и социолингвистической аспектацией, что, в свою очередь, может быть представлено в терминах концептологии и соответственно описано.

Как уже говорилось, психокогнитивная организация человека как системы может иметь пространственно-знаковое представление, ограниченное типами расположения и направления знаковых (внутренний мир) движений в пространстве (внешний мир) – в таком виде система может быть представлена как концепт-схема.

Лингвокультурная организация человека как системы представляется нам в виде открытого множества лингвокультурных концептов, значимых для системы и обеспечивающих содержательную топологичность (результат коэволюции когнитивного, культурного, лингвистического и дискурсивного содержания³² всей системы – в таком виде система может быть представлена как концепт-фрейм.

Социолингвистическая организация человека как системы имеет временное представление, базовым условием которого является последовательность реализации содержательной топологичности с учетом пространственно-знакового представления системы – в таком виде система может быть представлена как концепт-сценарий.

Представление этих типов концептов можно иллюстрировать примерами речевой реализации в нормативной (обеспечивается литературным языком и в терминах концептологии представлен концептом-схемой), коммуникативной (в большей степени, реализуется языковыми подсистемами и при таком понимании может быть описан с помощью фреймовых структур) и этикетной (обеспечивается системой коммуникативных стратегий и тактик и, соответственно, требует сценарных структур) аспектации.

Так, наблюдения показали, что в социальном портрете приднепровца, представленном в социальных сетях в жанре комментария, преобладают следующие характеристики:

- стремление к самореализации (на языковом уровне проявляется в языковом творчестве, использовании разнообразных способов речевого и графического представления своей точки зрения; на

---

³² Дрожжих Н.В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2009. – № 1. – С. 227-234.

уровне прагматики реализуется высокой коммуникативной лабильностью – участник социальной сети легко вступает в коммуникацию, активно предлагает оценочные суждения по любому вопросу);

- самоидентификация (реализуется на языковом уровне спецификой словоупотреблений (элементы суржика, англицизмы, а также сленг и инвектива)

и самоутверждение (сленг и инвектива, а также специальные дискурсивные слова и выражения «могу ошибаться, только ленивый не говорил об этом, могу поспорить, я точно знаю, ну, не знаю» и т.п.).

Из коммуникативных стратегий основными выступают

вопрос (поиск информации, мнения) и оценка (часто в виде навязывания «единственного правильного» мнения), что обусловлено, во-первых, спецификой интернет-дискурса вообще и социальных сетей, в частности, а во-вторых, жанровыми особенностями комментария, который реализуется в тематических постах, а также социально острой тематикой. Кроме того, отмечается общекоммуникативная интенция фатического общения, которая реализуется в виде стратегии комментирования «общими местами» или «троллинга»³³ как противопоставленных друг другу по эмоциональной окраске.

Тематика интернет-общения, обусловленная региональной социально-экономической и политико-экономической спецификой, сводится к топикам поиска работы (а внутри этого топика – поиска высокооплачиваемой работы и (намного меньше, но значимо) поиску работы по специальности, особенно для выпускников профессиональных образовательных учреждений); обсуждения цен (стоимости услуг, товаров, др.), обсуждение качества обслуживания (врачи, госучреждения, т.п.)

Вся эта тематика содержательно укладывается в потребностную пирамиду и результаты анализа средств ее вербализации важно использовать при моделировании компонента социально-коммуникативной системы, имеющего отношение к человеку (человек-язык, человек-социум, язык-человек-культура).

---

³³ от англ. troll 'ловить на блесну'; 'троллить', 'интернет-тролль'; изнач. – 'гулять', 'бродить', 'катать', от ст.-франц. troller 'бродить' (совр. франц. trôler), далее из герм., ср. ср.-в.-нем. trollen; связь с ловлей на блесну возникла, вероятно, под влиянием англ. trawl 'трал' или trail 'тянуть, волочить'; значение 'троллить в Интернете' возникло по аналогии с рыболовной терминологией (ловить на провокацию), но впоследствии также обрело связь с троллями – неприятными существами из скандинавской мифологии (По мат.: Online Etymology Dictionary by Douglas Harper [Online Resource])

Глава VI. Социально-коммуникативная система Приднестровья

В многоязычном обществе социально-коммуникативную систему образуют разные языки, и коммуникативные функции распределяются между ними, при этом каждый из языков также может подразделяться на субкоды.

В ситуации Приднестровья как многоязычного и поликультурного сообщества можно говорить о том, что ядерную часть социально-коммуникативной системы образуют разные языковые системы – русская и национальные. Компоненты социально-коммуникативной системы Приднестровья, находятся друг с другом в достаточно стабильных отношениях на современном этапе существования приднестровского языкового сообщества.

В соответствии с описанной в данном материале теоретической моделью узловыми элементами социально-коммуникативной системы Приднестровья как поликультурного сообщества являются языковая личность, характеризующаяся как транскультурная, речевая личность – как русскоязычная (в базовой аспектации) и коммуникативная личность как региональная (приднестровская).

Понимая транскультурность не как характеристику личности, растворившейся в разнообразии контактирующих культур и языков, а как способ и путь формирования знаний о наиболее распространенных культурных традициях и соответствующих им языках во всем комплексе лингвистических и экстралингвистических факторов их функционирования, считаем важным подчеркнуть способность транскультурной личности к национально-культурному самоопределению, что особенно важно в ситуации полиязычия и мультикультурности региона.

Онтологическая аспектация описания коммуникативной личности приднестровца обусловлена территориально-историческими (базовая топологичность) предпосылками формирования в приднестровском регионе особого лингвокультурного социоэмерджента; гносеологическая аспектация реализована культурной и социально-политической спецификой, проявляющейся в результатах речевой

деятельности (в частности, в родовидовом и тематическом разнообразии текстов), а аксиологический аспект формирования региональной коммуникативной личности обусловлен социально-нравственными и морально-этическими установками коммуникативной реализации индивида (выводы об их специфике можно делать, например, на основании исследования манипулятивного дискурса в публицистике, Интернете, др.³⁴

Характеристики типов речевой культуры и ограничений по сферам использования национального языка коррелируют с базовыми характеристиками транскультурной языковой личности приднестровца: по соотнесенности речевых механизмов между собой естественный приднестровский билингвизм в общем может быть охарактеризован как смешанный национально-русский.

Языком межнационального общения, языком официального общения и делопроизводства в Приднестровье является русский, соответственно, речевая личность национально-русского билингва характеризуется неполнофункциональным типом речевой культуры (сфера использования национального языка ограничена обиходно-бытовым, художественным, частично публицистическим стилем); то же можно сказать и об искусственном учебном билингвизме.

Транскультурность реализуется, в основном, на базе псевдомонолингвизма, когда активное использование в когнитивной и коммуникативной деятельности только одного языка (русского) дополняется потенциальной готовностью освоения других языков, культурная аспектация которых уже встроена в картину мира языковой личности, формирующейся в многоязычном и поликультурном регионе (лингвокультурное влияние) – для псевдомонолингва характерен полнофункциональный тип речевой культуры[.

Таким образом, моделирование социально-коммуникативной системы базируется на результатах описания языковой специфики региона, включающего наблюдение и первичный анализ различных компонентов социокультурной системы Приднестровья, причин и факторов формирования языковой среды Приднестровья как

---

³⁴ См. напр. Луговская Е.Г., Карапунарлы О.П. Когнитивная метафора в современном политическом дискурсе Приднестровья. Helena Lugowska, O.P.Karapunarly, Cognitive metaphor in modern Pridnestrovian political discourse // От истоков к русистике XXI века, международная научно-практическая конференция (2019; Тираспол). От истоков к русистике XXI века: Материалы международной научно-практической конференции, 28-29 ноября 2019 года / редкол.: Погорелая Е.А., Пузов Н.А., Луговская Е.Г. Тираспол: ПГУ, 2020. 260 с. С. 184-190, 244-246 7/10

результата исторического воздействия славянского фактора и влияния феномена русского мира.

Особенности моделирования социально-коммуникативной системы

При исследовании реальной речевой практики транслингвальной личности необходимо понимать, насколько национально-культурная специфика разных сторон такой языковой личности осознаваема им в той мере, которая позволяет оперировать элементами разных языковых картин мира, не смешивая их. В этом случае инвариантная составляющая ее речевого репертуара будет представлена единицами той системы представления, предпочтительное использование которой продиктовано традицией, социальным договором и речевым этикетом, а вариантная составляющая будет включать всевозможное разнообразие средств тех языков, включение которых в практику речевого использования предполагается конкретной ситуацией.

Универсальным условием предпочтительного использования иноязычных элементов в речи, особенно в ситуации разговорно-бытового общения, является более высокая экспрессивность именно иноязычных элементов (даже в деформированном виде). Это явление можно объяснить как с точки зрения психолингвистического подхода к этому вопросу, так и с точки зрения социолингвистического подхода: переключение кода с базового языка на любой из контактных выделяет такой элемент кода в речевой цепи и акцентирует на нем внимание слушающего, помечает его как элемент, конструктивно, логически и эмоционально важный для говорящего, соответственно требующий дополнительной глубины интерпретации.

Кроме того, использование внутри русской речи вставных элементов других языков может быть указанием на стилистическое выделение – как эмоционально-оценочного компонента отрезка высказывания, выполненного в рамках другого кода, так и функционально-стилистического компонента, маркирующего данный отрезок как элемент сельской речи, которая традиционно изобилует подобными вкраплениями или вообще представляет собой суржик.

В связи с этим необходимо отметить наметившуюся в последнее время такую тенденцию, как некритическое отношение к ошибкам в устной речи, а также письменной речи в тех случаях, когда ошибки не затрудняют понимание.

Качественное владение двумя и более языками может быть обеспечено только при наличии условий для речевой и коммуникативной практики, а постоянное обогащение второй языковой системы на всех ее уровнях приводит к тому, что и система первого языка становится более самостоятельной, растет уровень культуры речи.

Напротив, неиспользование или нерегулярное, спорадическое использование неродного языка, использование суржика в разговорно-бытовом общении ведет к тому, что у формирующейся языковой личности еще на этапе закладывания основ языковой системы или ее формирования происходит искажение систем обоих языков – родного и неродного (неродных). В этой ситуации важна работа всех элементов системы образования, а также специализированных СМИ по разъяснению преимуществ владения вторым языком, ведь глубина его освоения качественно отличается от глубины освоения любого другого иностранного языка, изучение которого может быть обеспечено только искусственной средой и зачастую ею и ограничивается. Успех усвоения языковой системы во всех ее структурных проявлениях и формирования коммуникативных умений зависит от правильного подбора лингвистического материала, необходимого для развития речи и доступного для учащихся на определенном этапе обучения.

Нельзя не учитывать и специфику учебного билингвизма в поликультурных регионах, где поддерживается полиязычность, – транслингвальная языковая личность изучает и родной и неродной языки в их нормативном литературном варианте, однако при этом находится если не в собственно языковой среде (в том случае, если в семье и/или ближайшем окружении используют изучаемый язык в общении), то, по крайней мере, в условно языковой среде и вследствие этого присутствие нескольких языков в аудиальной и визуальной формах (радио и телевизионных трансляций, печатных и Интернет-СМИ, номенклатурных надписей, т.п.) достаточно значимо.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и воздействие культурной среды на языковую личность. Многие из того, что языковая личность приднестровца вместе с освоением родного языка (русского) с первых дней рождения принимает как просторечные и разговорные элементы общенародного русского языка (или своего родного), оказывается на поверку элементами фонетики, грамматики, лексики и фразеологии контактирующих языков поликультурного региона.

Для системы образования поликультурного региона важным является понимание того, что обучающийся осваивает нормы неродного

языка, не имея еще устоявшейся нормативной структуры своего родного языка, который он тоже осваивает, последовательно изучая его структурные особенности.

Школьная традиция изучения родного языка предполагает последовательное продвижение учащихся по изучению ярусной структуры языка – вначале фонетика, затем словообразование и морфология, лексика и синтаксис. Изучать второй язык по такой же системе непродуктивно, потому что задачи изучения второго языка должны быть сведены к основной цели – успешная коммуникация на втором языке – говорение и понимание, письмо и чтение. При изучении родного языка такая цель представлена в уточненном виде – красивое говорение, глубокое понимание (в том числе разностилевых текстов), грамотное письмо и продуктивное чтение.

Такая, казалось бы, небольшая, на первый взгляд, разница в целеполагании, на самом деле, представляет собой большую методологическую проблему. В то время как учащиеся, обладая базовыми речевыми и коммуникативными компетенциями в родном языке, последовательно углубляют знания о системе родного языка, постигая его абстрактную сущность – изучая категории, способы формализации и т.п., и в меньшей степени используя знание родного языка для продуцирования речи и отработки коммуникативных навыков, на уроках неродного языка они должны, напротив, задействовать свои речевые знания и умения для продуцирования текстов, а свои когнитивные навыки – для понимания текстов.

Происходит своеобразная подмена – отработка навыка общения происходит на неродном для ребенка языке, в результате чего навык может не закрепиться ни для родного языка, ни для второго, но по разным причинам; так, сложность закрепления коммуникативного навыка при общении на неродном языке часто связана с тем, что не происходит подкрепления первоначальных сведений о мире средствами родного языка.

Предыдущий лингвистический опыт не только помогает при овладении вторым языком, но и служит причиной проявления интерференции, так как между родным и изучаемым вторым языком всегда есть структурные различия. Переноса знания о структуре своего родного языка на второй изучаемый (специфика школьного изучения родного языка располагает именно к накоплению структурных знаний о языке), а коммуникативные навыки, обретенные при изучении второго языка

на свой родной, учащиеся, в какой-то степени, стараются унифицировать обе системы.

Для предупреждения интерференции и искоренения ее последствий мало использовать только комплексы тренировочных упражнений, направленных на наблюдение и анализ языковых явлений, вызывающих наибольшие трудности. В процессе работы следует обращать особое внимание на разъяснение важности соблюдения норм языка, обеспечивающих адекватное понимание и интерпретацию устной и письменной речи. Необходимо показывать учащимся красоту их родного и второго изучаемого языков, объяснять ее специфичность и неповторимость. Важно донести до обучающихся мысль о том, что каждый новый язык, на котором они смогут коммуницировать – это новый удивительный способ познания мира.

Однако даже межъязыковая трансференция может обеспечивать коррекцию соответствующих навыков и умений, основанную на сопоставительном анализе языковых явлений родного и неродного языка. Так, например, при изучении украинского языка русскоязычными учащимися освоение грамматики (общей системы, основных правил) происходит по аналогии с соответствующим материалом русского языка. Вместе с тем, именно аналогичность системы грамматических норм русского и украинского языков приводит к тому, что соответствующие нормы украинского языка остаются незадействованными учащимися при использовании в украинском речепроизводстве из-за некритических расхождений с нормами русского языка. Так, зачастую трансференция становится причиной предпочтительного выбора суржика при использовании украинского языка как средства общения.

Развитие транскультурной личности включает в себя формирование знаний о наиболее распространенных культурных традициях, знания о языках представленных в регионе культур – как на бытовом уровне (языковая или речевая компетенция), так и в виде сформированной коммуникативной компетенции. Целью поликультурного и полиязычного образования, в конечном итоге, должно стать воспитание и развитие толерантного, высококультурного индивида; формирование гармоничной транскультурной личности, структура которой будет маркирована сложным взаимодействием узловых компонентов национальных языковых и культурных личностей в соответствии с лингвокультурными традициями, характеризующими тот или иной национальный язык и его культуру.

Гармоничность такой личности обеспечивается именно комплексностью ее структурной организации, в противном случае несформированность национально-культурной идентичности может повлечь за собой сложности социализации и проблемы самоидентификации, а на языковом уровне – семилингвизм.

Глобализационные процессы в приднестровском регионе обусловили становление особой транскультурной модели этого культурно специфического территориального образования, а его социально-политические институты обусловили возможность безконфликтного контактирования различных языков и культур и способствовали формированию особого транскультурного социоэмерджента.

Обеспечить продуктивную самоидентификацию моно-, би-, полилингва в таком случае призвана развитая образовательная парадигма, обеспечивающая комплексность освоения лингвистических, культурных, исторических и иных аспектов взаимодействия и взаимопроникновения контактирующих на данной территории языков и культур, ведь транскультурная личность не является личностью, растворившейся в разнообразии контактирующих культур и языков – в условиях формирования особого регионального транскультурного социоэмерджента такая личность вполне способна к национально-культурному самоопределению.

Дескриптивная модель социально-коммуникативной системы

Наблюдение функционирования компонентов социально-коммуникативной системы Приднестровья, включающей понятия типов культуры, в рамках которой осуществляется функционирование того или иного официального языка; статусных характеристик каждого из языков и современных форм их развития, а также специфики отражения русского языка (как моделиобразующего) в региональном тексте и дискурсе потребовало разработки комплексного теоретического описания компонентов системы в их взаимосвязи и взаимообусловленности, моделирования социально-коммуникативной системы как целостной структуры.

Социально-коммуникативная система Приднестровья представлена совокупностью языковых систем русского и др., в том числе изучаемых иностранных языков, и подсистем этих языков, функционирующих как формы реализации соответствующих языковых систем в

той или иной сфере или ситуации общения или как элемента формы реализации языковой системы в условиях естественного или учебного билингвизма.

Специфика социально-коммуникативной системы Приднестровья представлена в первую очередь тем, что

- существует в виде инварианта и вариантов, которые отличаются от инварианта периферийной частью;
- периферийная часть более подвижна и достаточно агрессивна в отношении ядра;
- базовая ядерная часть неравновесно представлена;
- социально-коммуникативная система региона может быть рассмотрена только с точки зрения синхронии.

В то время как социально-коммуникативные системы могут варьироваться на временной оси не только по структуре социальной матрицы, но и по заполнению ее клеток теми или иными конкретными формами существования языка или языками, социально-коммуникативная система Приднестровья может быть рассмотрена как условно устойчивая.

Общая характеристика социально-коммуникативной системы Приднестровья

Компоненты социально-коммуникативной системы находятся в отношениях функциональной дополнительности с точки зрения выполняемых общественных функций.

Так, языком науки, культуры, образования и религии может выступать любой национальный язык как базовый, но обеспечение эффективного функционирования соответствующих сфер будет помечено приоритетным или дифференцированным использованием определенных языков и подязыков, которые будут выполнять определяющие данную деятельность сферу функции.

Наука – в основном обеспечена русскоязычным дискурсом и текстами на русском языке, что обусловлено связью науки и образования и вхождением приднестровского образования в российское образовательное пространство. Однако есть компоненты обеспеченные национальными, а также иностранными как изучаемыми (английский, немецкий, французский) языками.

Соотношение языков в сфере культуры также покажет приоритет русского языка, но общая ценность других языков в дискурсивной реализации культуры Приднестровья возрастет, кроме того, увеличится разнообразие иностранных языков – это будут уже не только изучаемые в образовательном сегменте СКС, но и иные иностранные языки – например, языки диаспор или институциональных образований иных лингвокультурных сообществ на территории Приднестровья – гагаузский, болгарский, польский, иврит, белорусский, абхазский, осетинский, др.; шведский (реализованный Днями шведского кино), китайский (онлайн курсы) и т.п.

Ситуация в сфере образования может быть представлена приоритетным использованием русского языка (что, в первую очередь, связано с включенностью приднестровского образования в российское образовательное пространство) и более или менее равновесной представленностью двух других языков. Вместе с тем, если в рамках сферы образования выделить сегмент обучения иностранным языкам, то в нем распределение иностранных языков по выполняемым общественным функциям будет во многом совпадать с ситуацией в культуре.

Наибольший интерес представляет социально детерминированное распределение сосуществующих языковых систем и подсистем *по сферам использования.*

Книжно-письменная речь представлена текстами публицистическими – устными и письменными; текстами художественными – есть своя специфика (литература Приднестровья); текстами научными (тяготеют к русскоязычному научному дискурсу, но имеют некоторую специфику формальной реализации, которая нивелируется во внешнем представлении, но закрепляется во внутреннем научном дискурсе), текстами официально-делового характера (канцелярский дискурс специфичен и является ярким отражением языковой и речевой специфики социокультурной системы Приднестровья, хотя жанровая реализация и стилевые черты универсальны для русского языка в его нормативном варианте, канцелярский подстиль специфичен типичными нарушениями нормативного способа речевой реализации).

Бытовое общение реализовано разговорными вариантами национальных языков и языков диаспор, а также элементами суржика и проявлениями семилингвизма

Для современной ситуации важно выделить еще одну сферу использования языковых систем и подсистем – сферу устно-письменного общения (чаты, комментирование в блогах и социальных сетях, смс-сообщения). По своим характеристикам она является отражением структуры социальной матрицы, в связи с чем важной задачей выступает исследование содержательного наполнения клеток этой матрицы конкретными формами существования языка или языков.

Приднестровская художественная литература в структуре социально-коммуникативной системы

Рассматривая социально детерминированное распределение сосуществующих в рамках структуры социально-коммуникативной системы Приднестровья языковых систем и подсистем по сферам использования, особо обратим внимание на такой значимый компонент представления книжно-письменной язык художественной литературы.

Традиционно (в рамках историко-литературной русскоязычной традиции) к текстам художественной литературы Приднестровья при- мыкают и художественно-публицистические произведения, но их объем невелик, а тематика коррелирует с основными темами гражданской поэзии и прозы.

Необходимость комплексного литературно-языкового научного исследования историко-литературного процесса Приднестровья, направленного на изучение функционирования языков Приднестровья в художественном дискурсе, выявления и описания региональной специфики жанрово-тематического разнообразия творчества приднестровских авторов обусловлена тем, что будучи базовым условием эффективного функционирования языков Приднестровья, культурно-образовательная традиция региона фиксируется и транслируется в текстах, в том числе и художественной литературы как части приднестровского дискурса.

Существование особого феномена Приднестровской литературы, представленного национальными компонентами, подтверждается не только результатами лингвистических исследований особенностей регионального варианта национального русского языка, бытующего на данной территории и получившего отражение в текстах художественных произведений приднестровских авторов.

Факты истории и типологии литературных направлений, стилей, жанров художественных текстов авторов региона, вопросы формирования устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, критически осмысленные в целостности регионального художественно-публицистического дискурса, позволяют не только отметить жанрово-тематическое и языковым своеобразие текстов, но и наметить пути описания современных форм развития каждого из наиболее распространенных языков Приднестровья и специфики их отражения в текстах приднестровской литературы.

Художественный текст выступает как комплексное явление, реализующее лингвокультурные особенности базовой структуры языковой личности приднестровца, и воплощающее особую приднестровскую ментальность, что соотносится с современными положениями о лингвопсихокогнитивной природе содержания и формы текста, основанными на представлениях о связи языковых проявлений с областью социально-психологического бытия человека³⁵.

Такое активное критическое осмысление прозы и поэзии края как региональной литературы актуально именно на настоящем этапе развития в регионе науки, образования, искусства. Значимость исследования специфики текстов приднестровской литературы и публицистики, равно как и изучение лингвистической репрезентации коммуникативного поля ее текстов обусловлена необходимостью максимально пристального внимания к процессам, происходящим в языке, региональные особенности которого могут указать на проблемы и перспективы изменения языковой картины мира, а вместе с ней и аксиологических и гносеологических аспектов различных видов дискурса в регионе.

Региональная специфика текстов и жанров многоязычной художественной литературы Приднестровья исследуется на фоне общерусского духовного наследия, а лингвистическое измерение коммуникативного поля текстов приднестровской литературы осознается как особая сфера опосредованного литературно-критическим и публицистическим творчеством общения автора и читателя, в котором языковая личность автора реализует свою речевую интенцию в соответствии с лингвокультурными особенностями того языкового сообщества, к которому принадлежат и автор, и читатель.

---

³⁵ Ильинова Е.Ю. Художественный вымысел в жанровом пространстве текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Том 7. Выпуск 2: Филология. – С. 27-31

В таких условиях представление модели национальной личности через систему концептов или коммуникативных элементов, специфику категориального членения мира или типологических особенностей языка может считаться вполне успешным именно на уровне модели, то есть в рамках обобщенно-инвариантного представления. Однако при наличии широкого разнообразия вариантов такой модели и степеней ее сложности, зачастую возникают трудности с определением лингвокультурной модели языковой личности – и при построении модели языковой личности возникает необходимость выхода на глобальный уровень обобщения и построения региональной модели языковой личности – необходимость ощущается при попытках описания языковых личностей полиязычных и поликультурных регионов.

Как утверждают исследователи проблем реализации транслингвальности в художественных текстах: *Русскоязычие - широкий канал доступа к национальным литературам для всех, кто владеет языком. Это энергетически незатратный (резистентность здесь не настолько значительна, как в случае с иностранным языком) способ приобщиться к инонациональным образам мира. На этом ординарность заканчивается и начинается собственно «чудо». Мы получаем возможность посмотреть на мир в новом культурном ракурсе. Наше воображаемое трансформируется и обогащается под воздействием ранее не известных форм передачи мысли. Горизонт восприятия расширяется за счет неоднократного - и множественного - приращения смыслов, интенсивной этнокультурной амплификации, которая неизбежна при вхождении в транскультурный текст³⁶.*

Период становления литературы Приднестровья как социокультурного феномена приходится на начало нового века, с которого начинается и новый этап в развитии литературной теории. Настоящий этап развития литературы Приднестровья как этап качественных изменений предмета, критически осмысляемого с помощью научного подхода, не может быть рассмотрен вне глобальных культурных и социальных изменений – на наших глазах происходит процесс деканонизации и деиерархизации постмодернистской эпохи, требующий нового взгляда и на литературные образцы.

Знакомство с литературой родного края в школе не может быть оторвано от исследования истории и культуры родного края, –

---

³⁶ Валикова О.А., Демченко А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия // Полилингвальность и транскультурные практики. 2020.

дидактическая направленность совместной деятельности учителя и ученика в сфере изучения и описания специфики языковой среды родного края очевидна. Пересмотр учебных программ по литературе в школе и вузе, внедрение новых стандартов образования требует четкого понимания того, что литературный канон не только образец художественного творчества, но и опознавательный знак эпохи, что он имеет не только эстетическое, но и социально-политическое измерение. Задача исследователя – вычлнить значимые фрагменты, отраженные в произведениях искусства, введя их в образовательное пространство, где происходит формирование личности.

Разнонаправленность развития литературы родного края, представляющая особенность, характеризующую не только приднестровскую, но и другие транслингвальные литературы постсоветского периода формирования, обусловлена эффектом качественного скачка – историко-литературный процесс Приднестровья проходит этап превращения старого качества в новое. При этом общее количество всех литературно-публицистических, художественных и критических произведений авторов нашего края переходит в иное по составу и объему количество организованных и отобранных как значимые содержательно и типических в формально-языковом представлении региональных особенностей вариантов национальных языков Приднестровья.

Репрезентация культурного феномена триязычия в художественной литературе Приднестровья представлена и в общетеоретическом описании формальной и содержательной реализации родов и видов литературы – жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, – изучение *языкового ландшафта*³⁷ Приднестровья, отраженного в текстах писателей и поэтов нашего края, позволяет выделять культурно значимые для картины мира приднестровца образы.

Изучение истории произведения как часть текстологической и литературно-критической работы, необходимой при отборе и организации текстов и их групп, предваряющая их категоризацию и классификацию, исследование изобразительно-выразительных средств в рамках литературоведческого, лингвостилистического, филологического и герменевтического анализов, позволяет рассматривать поэтическое, публицистическое, прозаическое и литературно-

---

³⁷ Курлат (Гурски) Г.Б. Амплификация термина «приднестровская литература» - актуальность феномена // Интернаука: электрон. научн. журн. 2020. № 36(165).

критическое творчество писателей и поэтов Приднестровья в общем контексте уникального феномена приднестровской литературы.

Приднестровские писатели обращают особое внимание на проблематику исторической памяти, формирующей человека как личность; в патриотической лирике поэты развивают мотив любви к родному краю, воспевают его красоту и величие, страдания и непокоренность приднестровского многонационального народа; в духовной лирике приднестровских писателей доминируют мотивы конечности человеческого существования, осмысление прошлого, настоящего и будущего; авторы разрабатывают образы времени, движения, жизни, смерти – такая глубоко философская проблематика традиционна для русской литературно-художественной традиции, что, безусловно, значимо для сохранения маркеров ценностной шкалы Русского мира в формировании социального и художественного портрета приднестровца.

Творчество украиноязычных авторов Приднестровья представляет собой сложное сочетание влияний украинского языкового сознания, реализованного, в большей степени, в способах речевого представления региональной языковой картины мира и формах реализации творческих потенций украиноязычных авторов. Особая объемность и мягкость украинского языка обуславливает и специфику выбора жанровых форм украиноязычными авторами, и отбор средств речевой организации художественных текстов.

Однако можно выделить отличительные признаки, общие для национальных литератур Приднестровья – доверительная интонация, подлинная любовь к миру и человеку, простота выражения мысли, обращение к народнопоэтической традиции.

Русскоязычный компонент приднестровской литературы, разрабатывающий схожую тематику и базирующийся на тех же морально-нравственных основаниях, в большей степени тяготеет к сдержанности и назидательности, хотя, безусловно, также базируется на народнопоэтической традиции и ее вариациях, представленных творчеством русских классиков.

Перейти от параллельного анализа сложнейших тайн бытия в рамках описания лингвокультурных компонентов приднестровской литературы к комплексным исследованиям в рамках трансдисциплинарности – не просто требование времени, но живая реальность. Подобные эпистемологические проявления метамодернистского этапа в современной научной парадигме, в частности лингвистической,

обусловлены трансформацией субъективности как всего того, что относится к субъекту и представляет его уникальность.

Осознание себя как части фона бытия (коммуникативной ситуации) в ипостаси носителя языковой системы и одновременно части самой воплощенной коммуникации в ипостаси человека говорящего, обеспечивающего функционирование системы языка, переосмысление уникальности и неизбежной пресуппозитивности каждого коммуникативного акта, заложенной самой языковой системой, обратит человека не к миру, а в мир, частью которого он и является. И эта простая истина откроется человеку невероятными открытиями во всех сферах знания и чувствования в их метафизической онтологичности.

Объективирование сознания в языковом знаке, которое в результате творческой, преобразовательной деятельности создает социокультурную традицию, исторические и социальные особенности значимостей различных объектов, позволяет подходить к анализу особенностей региональной языковой личности и специфики социально-коммуникативной системы региона не только с собственно лингвистической, но и с аксиологической точки зрения.

Лучшие образцы художественных произведений приднестровских авторов, имеющих познавательное и воспитательное значение, открывающих новые возможности для формирования духовных и нравственно-этических ценностей, а также способствующих активному личностному росту и становлению мировоззрения учащихся, должны изучаться в школах и вузах региона. Ведь глубокое изучение национальной литературы – это не только приобщение подрастающего поколения к традициям, ценностям культуры многонационального региона и необходимое условие минимизации межнациональной напряженности, профилактики конфликтных ситуаций, способствующее формированию толерантности и уважения к различным формам проявления национального характера и этнических особенностей, но и необходимое условие формирования лингвистически компетентной языковой личности, способной к самоидентификации речевой личности и ценностно-ориентированной коммуникативной личности.

Узнавая свою транслингвальность в транслингвальности автора регионального текста, обучающийся легко вычленил в тексте значимые элементы, а затем под руководством педагога аспектирует их друг по отношению к другу и к реальной действительности,

превращая эти связи в гиперссылки. В результате сам текст, его анализ и вербализованная рефлексия обучающегося становятся гипертекстом, целостность которого обеспечивается его системностью и иерархичностью, с одной стороны, наличием актуальных связей с другими текстами и самой реальной действительностью (понимаемой в её социокультурной аспекти как текст), с другой, что благотворно сказывается на социализации обучающегося.

Включая изучение литературы Приднестровья в образовательный процесс, необходимо использовать не только традиционные методы интерпретации художественного текста, но и новейшие подходы к прочтению регионального художественного текста в рамках синергетического направления развития современной лингвистики. Филологический, герменевтический анализ текстов художественных произведений приднестровских авторов позволяет отслеживать специфические способы отражения процессов русско-национального и национально-русского двуязычия в текстовой культуре Приднестровья.

Язык, фиксируя различные ценностные отношения к действительности, к социальной жизни, которые неизбежно вытекают из различного социального положения, жизненного опыта, выступает особым системно-структурным феноменом, содержащим в себе объективацию познавательно-оценочно-преобразовательной деятельности. И в этом смысле литература, художественные произведения представляют собой как раз то уникальное пространство, в пределах которого осуществляется межкультурное взаимодействие всех народов, проживающих в рамках полиэтничного сообщества.

Коммуникативное поле текстов приднестровской литературы представляет собой особую сферу опосредованного литературно-критическим и публицистическим творчеством общения автора и читателя, в котором языковая личность автора реализует свою речевую интенцию в соответствии с лингвокультурными особенностями того языкового сообщества, к которому принадлежат и автор, и читатель. При этом читатель осознается как обобщенный образ, включающий в себя такое авторское понимание читателя, которое в базовой своей части лингвокультурно специфично. Другими словами, в структуре образа коммуниканта как коммуниканта русскоязычного, актуализуются периферийные компоненты, в первую очередь, имеющие идентичностное содержание концептуального поля «приднестровскости», а во вторую очередь, относящиеся к концептосфере «русскости».

Экстралингвистические и собственно языковые маркеры «приднестровскости» обеспечивают специфику базовой части образа коммуниканта (автора и читателя), являющегося субъектом художественной коммуникации, по сравнению с обобщенным образом русскоязычного коммуниканта, реализованного в современной (и классической) литературе, написанной на русском языке.

Региональная транскультурная языковая личность автора, пишущего на русском языке, аксиологически обусловлена стержневой для ее модели «русскостью», представляющей собой макроинтенцию всей совокупности дискурсивных процессов, в которых реализована языковая личность автора.

При этом определение объема и содержания концептов «русскость, российскость, русский мир» в художественном дискурсе языковой личности Приднестровья дает очень интересные результаты – с одной стороны, собственно лингвистическое содержание лексико-семантического поля вербализации концепта русскость содержит в себе значимый объем, если можно так выразиться, внешне символических элементов, которые маркируют поле русскости для инофона, а с другой стороны, в структуре поля концепта есть внутрикультурно-специфичные знаки, которые могут быть понятны только русской национальной языковой личности.

Поясним на примере концептуальной модели, ядро и периферия которой имеют лексико-семантическую репрезентацию.

Ядро художественного концепта *русскость, российскость* в художественном творчестве приднестровских авторов может быть репрезентировано топонимом *Россия*, однокоренными словами и его контекстуальными синонимами *родина, отчизна, держава*.

В ближайшее окружение ядра входят слова, синтагматически тесно связанные с указанными лексемами, дополнения, приложения и эпитеты, репрезентирующие оценочные когнитивные признаки ядерного компонента. Важной особенностью приядерной зоны для приднестровского художественного дискурса выступает то, что составляющие ее элементы могут функционировать самостоятельно при нулевой вербализации ядерного компонента, то есть репрезентации оценочных когнитивных признаков ядерного компонента может быть достаточно для реализации концепта в художественном дискурсе. Так может быть только в том случае, если макроинтенция всех дискурсивных процессов, в том числе и в художественной сфере, априорна и определена как *русскость, российскость*.

Ближайшая периферия концепта *русскость* в художественном творчестве приднестровских авторов представлена именами собственными и перифрастическими обозначениями аксиологически значимых объектов с дифференциальным признаком *русскости*. Это и имена собственные реальных исторических деятелей, и общие, описательные обозначения исторических персонажей (А.В.Суворов, Пётр Первый, маршал Жуков, Ломоносов, Пушкин, Герои исторических баталий, славяне, др.), топонимы и урбанонимы (Тирасполь СССР, Днестр, Санкт-Петербург, Нева, Москва, Волга-матушка – река, Сибирь, Кремль, Обь, Ока, др.), значимые культурные объекты (Всадник медный, главная площадь Москвы, на днестровском берегу, Царь-Колокол, др.), т.п.

Дальняя периферия представлена лексемами, выступающими в роли имен символов, семантика которых реализует субъектно-модальные смыслы, включенные в концептуальное поле *русскости*. Она представлена как отдельными лексемами, так и словосочетаниями, при этом, как правило, определительный компонент сочетания усиливает или конкретизирует модальную семантику главного слова словосочетания (белоснежные березы, мороз, зимняя стужа, грусть на душе, румяный каравай из печки блины, пельмени, водка, щи, баня, медведи, белки, крещенские морозы, "тройка", честь и жизнь, соборы, церкви, русская душа).

Дальнюю периферию образуют лексемы, семемы которых содержат слабую дифференциальную сему имени поля, наличие которой обусловлено тем, что указанные словосочетания относятся к уникальным именно для русского языка идиомам. То есть в данном случае *русскость* реализуется за счет компонента значения «относящийся к русскому языку»: *говорить на русском языке* осознается как аксиологически значимый субконцепт. В его поле входят русские поговорки, крылатые фразы и пословицы, прецедентные высказывания, устойчивые сочетания (в том числе штампы и клише, а также сленгизмы и специфическая для любого языка бранная лексика).

Крайняя периферия представлена языковыми единицами, в которых находим скрытые семы, указывающие на отношение к имени поля, – это, как правило, лингвокультурно специфические номинации объектов советской (как правило, для авторов 40+) и российской действительности.

Онимно-прецедентное пространство может быть представлено еще более широко. Так, например, историческая память

тематически выражается по отношению к значимым событиям, таким как *основание г. Тирасполя, пребывание А.С. Пушкина в Кишиневе, Великая Отечественная война 1941-1945 гг.*, а также репрезентацией особых сценарных конструкций смыслового поля «память об СССР».

Наличие подобных концептуальных конструктов, репрезентирующих феноменальность исторической памяти, сохраняет и оберегает национальную идентичность носителей русского языка и русской культуры. Вербализация феномена побуждает читателя помнить свои корни, традиции, уважать и любить историю своей страны. Часто обращаются приднестровские авторы к прославлению России, со словами благодарности к ней за помощь и защиту Приднестровья.

Сравнение объема и содержания концепта *русскость* в художественном дискурсе приднестровских авторов и *результатов анализа языковой объективации указанного концепта по данным лексикографических источников, фразеологии и паремиологии, а также парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей лексем - репрезентантов концепта «русскость»* по Глебовой Н.Г.³⁸, показало, что *концептосфера русскости* в художественном творчестве приднестровских авторов аспектируется соотносимым с национально русским представлением о русскости, хотя значимость выделяемых когнитивных признаков и объем лексико-семантического поля вербализации концепта по этим признакам различаются.

Таким образом, в художественном дискурсе приднестровских авторов отмечена как аксиологически определяющая установка на идеи патриотизма и в связи с ней значимыми выступают аспекты «русского мира» - русская история, образ жизни и традиции и связь этноса с Россией. Признаки, в своем прямом, номинативном содержании отражающие этническую самоидентификацию русских людей и признаки, характеризующие исторически сложившуюся связь этнического самосознания с православной религией, реализуются, в основном на фоне или посредством выражения неразрывной связи народа и его родного языка, что призвано обеспечить сохранение маркеров ценностной шкалы Русского мира в формировании социального и художественного портрета приднестровца.

Учитывая базовую русскоязычность (и одновременно сущностную полиязычность) нашего региона, важной задачей науки и

---

³⁸ Глебова Н.Г. Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Нижний Новгород. - 2018. - 224 с.

образования выступает необходимость грамотного отбора и адекватного описания лингвокультурного материала, содержащего маркеры специфичности языка и культуры региона, а также организация систематического и последовательного воспитательного воздействия на обучающегося с помощью текстов художественной и критической литературы края.

Историко-литературный процесс в Приднестровье представляет собой уникальный феномен, включающий в себя полиэтническую языковую модель, в которой взаимодействуют культурные традиции народов, населяющих Приднестровский регион.

Воспитательное значение и дидактический потенциал литературы родного края обуславливают огромную значимость и актуальность исследований в этой сфере, такая работа призвана сформировать общее представление о региональной специфике русскоязычной языковой личности приднестровца и дать описание языковой среды Приднестровья, важным элементом которой выступает культурно-образовательная традиция.

Литература Приднестровья новейшего периода (XX -XXI вв.) имеет фундаментальное значение для понимания специфики поликультурности Приднестровья. Изучение ее региональной специфики, реализованной в жанрово-тематическом своеобразии и в концептуально-содержательной реализации, тяготеющей к экспликации общерусских смыслов и общерусского духовного наследия, позволяет рассматривать приднестровский историко-литературный процесс в его динамике и логике без отрыва от тенденций развития культурного поля современной России как совокупности разнообразных культурных текстов, созданных в рамках многочисленных направлений и стилей искусства, а также его форм - живописи, архитектуры, кино и литературы.

Литература

1. Агеева, Е. С. Институт образования как фактор модернизации российского общества: социально-философский анализ / Е. С. Агеева. – Текст : непосредственный. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Москва. – 2011.
2. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Семиотика и информатика: Сб. научн. статей. – М.: Наука, 1986. Вып.28.
3. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексикофразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Текст : непосредственный. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1996. – 220 с.
4. Баскакова, В. П. Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора в тексте / В. П. Баскакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-vyrazheniya-regionalnoy-samoidentifikatsii-avtora-v-tekste> (дата обращения 11.10.2022). – Текст : электронный.
5. Бахтикиреева, У. М. Проект «Современные тенденции билингвального образования в России и мире»: вместо послесловия / У. М. Бахтикиреева. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Полилингвальность и транскультурные практики. – 2015. – С. 366–373
6. Бахтикиреева У. М., Валикова О. А. Транслингвизм и ревитализация культуры / У. М. Бахтикиреева и др. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Выпуск 8, №1. – С.57-63.
7. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. – Текст : непосредственный. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25-36.
8. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. – Текст : непосредственный.

9. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев, 1979. – 265 с. – Текст : непосредственный.

10. Валикова, О.А., Демченко, А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия / О. С. Валикова и др. // Вестник РУДН. Полилингвильность и транскультурные практики. – 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvalnyy-hudozhestvennyy-tekst-problemy-voispriyatiya> (дата обращения 11.10.2022). – Текст : электронный.

11. Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие / Г. М. Вишневская. – Иваново, 1997. – 98 с. – Текст : непосредственный.

12. Галимьянова, В. Р. Взаимодействие языков как одна из характеристик языкового пространства (среднестатистическая динамика компонентов гетерогенных социально-коммуникативных систем) / В. Р. Галимьянова // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-yazykov-kak-odna-iz-harakteristik-yazykovogo-prostranstva-srednestatisticheskaya-dinamika-komponentov-geterogennyh> (дата обращения 11.10.2022). – Текст : электронный.

13. Гальченко, И. Е. Северокавказские регионализмы в лексике современного русского языка / И. Е. Гальченко. – Текст : непосредственный / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1980.

14. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. – СПб., 2001. – 457 с. – Текст : непосредственный

15. Глебова, Н. Г. Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке / Н. Г. Глебова. – Текст : непосредственный / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нижний Новгород. – 2018. – 224 с.

16. Голикова, Т. А. Сущность регионального языка (этнопсихолингвистический аспект) / Т. А. Голикова. – Текст : непосредственный // Наука, культура, образование. Горно-Алтайск. – 2000. – № 4/5. – С. 117-120.

17. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. – М. – 2009. – 478 с. – Текст : непосредственный.

18. Грушевицкая, Т. Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе / Т. Г. Грушевицкая. – Текст :

непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 12 (54) Часть 2. – С. 137-139. DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.008

19. Гюльмагомедов, Г. А. Дагестанские регионализмы в русскоязычной художественной литературе и их лексикографическая практика / Г. А. Гюльмагомедов. – Текст : непосредственный / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 1995. – 186 с.

20. Деррида, Ж. Глобализация, мир и космополитизм / Ж. Деррида. – Текст : непосредственный // Космополис. – 2004. – №2(8). – С. 125-140.

21. Дианова, Л. П. Культура в транспозиции: отзыв на статью У. М. Бахтикиреевой, О. А. Валиковой, Ж. Кинг «Транслингвизм: коммуникативный мост или "культурная бомба?"» / Л. П. Дианова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 521-525.

22. Дрожаших, Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы / Н. В. Дрожаших. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2009. – № 1. – С. 227-234.

23. Дружинин, А. М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиапрактик / А. М. Дружинин. – Текст : непосредственный // Философская мысль. – 2017. – № 1. – С.1-16. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.18534.

24. Жангожа, Р. Мультикультуралізм: pro et contra / Р. Жангожа. – Текст : непосредственный. – ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України». – Київ, 2016. – 208 с.

25. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Текст : непосредственный. – Назрань, 2011. – 280 с.

26. Ильинова, Е. Ю. Художественный вымысел в жанровом пространстве текста / Е. Ю. Ильинова. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2008. – Том 7. – Выпуск 2: Филология. – С. 27-31.

27. Карасик, В. И. Язык послеписьменной эры / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. – Волгоград: РИО, 1997. – С. 141–154.

28. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78–86.
29. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Текст : непосредственный. – Изд. 7-е. Москва. Издательство ЛКИ. – 2010. – 264 с.
30. Карпов, А. В. Специфика взаимосвязи мышления и метамышления / А. В. Карпов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 2 (32) URL: <https://www.uniyar.ac.ru/science/scientific-journals/series-the-humanities/archive/2015-2-32/> (дата обращения 11.10.2022). – Текст : электронный.
31. Карпушина, Л. П. Этнокультурный подход как фактор социализации учащихся общеобразовательных учреждений в процессе музыкального образования: монография / Л. П. Карпушина. – Текст : непосредственный. – Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2013. – 256 с.
32. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика. Учебное пособие для вузов / Н. Б. Кириллова. – Текст : непосредственный. – М.: Академический Проект; Культура, 2008. – 496 с.
33. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – Текст : непосредственный. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
34. Коротеева, В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? / В. В. Коротеева. – Текст : непосредственный // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 3. – С. 26-39.
35. Коротин, В. О. Национальная идентичность и устойчивая государственность / В. О. Коротин. – Текст : непосредственный // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 2(47). – С. 109-113.
36. Кубрякова, Е. С. Категоризация мира: пространство и время: вступительное слово // Категоризация мира: пространство и время: мат-лы науч. конф / Под ред. Е. С. Кубряковой, О. В. Александровой. – Текст : непосредственный. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 3-14.
37. Курлат (Гурски) Г. Б. Амплификация термина «приднестровская литература» – аспектуальность феномена / Г. Б. Курлат // Интернаука: электрон. научн. журн. – 2020. – № 36(165). – Текст : электронный.
38. Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности / В. В. Лапкин. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 40–47.

39. Лебедев, М. Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер / М. Г. Лебедев. – Текст : непосредственный. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – 2012. – Томск. – 364 с.
40. Левин, З. И. Менталитет диаспоры (Системный и социокультурный анализ) / З. И. Левин. – М: Ин-т востоковедения. – 2001. – 170 с. – Текст : непосредственный
41. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – М., 1997. – 365 с. – Текст : непосредственный.
42. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М., Просвещение», 1969. – 214 с. – Текст : непосредственный.
43. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии, т. 1 / А. Ф. Лосев. – М., 1930. – 962 с. – Текст : непосредственный.
44. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман – М: Издательство "Логос". 2004. – 232 с. – Текст : непосредственный
45. Любимова, Т. М., Данилова А. А. Лингвистическая безопасность личности, общества и государства в модусе лингвоконфликтологии / Т. М. Любимова и др. – Текст : непосредственный // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – № 2. – С. 328-337. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.10937.
46. Малыгина, И. В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика / И. В. Малыгина. – Текст : непосредственный / Диссертация на соискание степени доктора философских наук. – М.: МГУКИ, 2005. – 305 с.
47. Мамонов, М. А. Онтологический статус психокогнитивных структур и предпосылки мифологизации мышления / М. А. Мамонов. – Текст : непосредственный // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 6. – С. 95-99.
48. Марков, Б. В. Л. Витгенштейн: язык - это «форма жизни» / Б. В. Марков. – Текст : непосредственный // Серия «Мыслители», История философии, культура и мировоззрение. Выпуск 3 / К 60-летию профессора А.С. Колесникова Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.85-102.
49. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, – 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.

50. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. М.: Издательский центр «Академия», – 2001. – 208с.

51. Миллер, А. М. Вместо введения. Национализм как теоретическая проблема // Национализм и формирование наций. М., 1994.

52. Миллер, А. М. Теория национализма Эрнеста Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций. М., 1994.

53. Михеева Л.Н. Лингвокультурная ситуация в современной России : речевая культура студенчества: монография / Л. Н. Михеева, И. В. Долинина, Ю. Н. Здорикова. – Текст : непосредственный ; под ред. д-ра филол. наук Л. Н. Михеевой. – 3., – М. : ФЛИНТА, 2016. – 216 с.

54. Моисеев, В. И. Образы онто-социологии: онто-изоляты и социо-эмердженты / В. И. Моисеев. – Текст : непосредственный // Credo New. – № 3(83), 2015.

55. Моисеев, В. И. Философия неовсеединства: квантовая метафизика Абсолютного / В. И. Моисеев. – Текст : непосредственный // Соловьевские исследования. – 2016. №3(51)– С. 99-107.

56. Молчанова, М. М. Дагестанские регионализмы в РР русских жителей города Махачкалы и местной периодике / М. М. Молчанова. – Текст : непосредственный / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1984.

57. Нагорная, А. В. Грани и границы лингвокреативности: Языковые эксперименты Стивена Кинга / А. В. Нагорная. – Текст : непосредственный. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 312 с.

58. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.

59. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Текст : непосредственный. – М.: Издательство ИКАР. – 2009.

60. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / Составитель: В.С. Безрукова. – Текст : непосредственный. – Екатеринбург. – 2000. – 937 с.

61. Осокина, С. А. Индивидуальный тезаурус как система знаний: соотношение понятий «индивидуальный тезаурус» и «языковая личность» / С. А. Осокина. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – №4, 2011. – С. 178-183.

62. Пантин, В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России / В. И. Пантин. – Текст : непосредственный // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т.7. – № 2. – С. 42–51.

63. Парасуцкая, М. И. Манипуляция и «манипулятивный дискурс» в лингвистике: принципы исследования / М. И. Парасуцкая. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – №2. – С. 124-129.

64. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2002. – 191 с. – Текст : непосредственный.

65. Прошина, З. Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов / З. Г. Прошина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 6-9.

66. Прошина, З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение / З. Г. Прошина. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Выпуск 14. – № 2. – С. 155-170.

67. Рудяков, А. Н. Георусистика – русистика XXI века / А. Н. Рудяков. – Текст : непосредственный // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь: Антиква, 2010. – С. 8-21.

68. Сахарова, А. В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект / А. В. Сахарова. – Текст : непосредственный / Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Иваново. – 2017. – 180 с.

69. Семенов, И. С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе / И. С. Семенов. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70-87. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.07.

70. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – Текст : непосредственный

71. Синельникова, Л. Н. Контрадикторные аномалии сквозь призму процесса вербализации / Л. Н. Синельникова // URL: <http://www.experts.in.ua/baza/analitic> (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

72. Синельникова, Л. Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» / Л. Н. Синельникова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Таврического национального университета

им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). – 2011 г. – №2. Часть 1. – С. 454-463.

73. Сиротинина, О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка / О. Б. Сиротинина. – Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 3-20.

74. Скворцов, Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н. Г. Скворцов. – Текст : непосредственный. – СПб.: Издательство С.Петербургского университета, 1997.

75. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Текст : непосредственный. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во "Пилигрим". – 2010.

76. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова [и др.]. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2006. – 312 с. – Текст : непосредственный.

77. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. – 2006. URL: <https://sociolinguistics.academic.ru/> (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

78. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – 464 с. – (Серия «Новая наука политики») – Текст : непосредственный.

79. Смокотин, В. М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации / В. М. Смокотин. – Текст : непосредственный. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – 2012: Томск. – 365 с.

80. Соколова, И. В. Влияние билингвизма на социо-когнитивное развитие личности / И. В. Соколова // Образование и наука. – 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bilingvizma-na-sotsio-kognitivnoe-razvitie-lichnosti> (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

81. Соколянская, Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект) / Н.Н. Соколянская. - Магадан: Изд-во СМУ, 2006. –85 с. – Текст : непосредственный.

82. Соколянская Н.Н. Региональная лексика в литературе о Крайнем Северо-Востоке Сибири XVIII – начала XX веков. / Н.Н.

Соколянская. – Текст : непосредственный / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. М., 1998.

83. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. – В кн.: Ф. Соссюр Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 66. – Текст : непосредственный.

84. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с. – Текст : непосредственный.

85. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики, №2. – 2004. URL: <http://iling-ran.ru/library/voprosy/2.pdf> (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

86. Теркулов, В. И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы / В.И. Теркулов. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – Казань, 2012. № 2(28). – С. 117–120.

87. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – Текст : непосредственный.

88. Торохова, Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект) / Е. А. Торохова. – Текст : непосредственный / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 2005.

89. Трубинский, В. И. Современные русские региолекты: примеры становления / В. И. Трубинский. – Текст : непосредственный // Псковские говоры в их окружении. – Псков, 1991. – С. 156-162.

90. Урсул, А. Д. Природа информации: философский очерк / А. Д. Урсул. Челябин. гос. акад. культуры и искусств; Науч.-образоват. центр «Информационное общество»; Рос. гос. торгово-эконом. ун-т; Центр исслед. глоб. процессов и устойчивого развития. – 2-е изд. – Челябинск, 2010. – 231 с. – Текст : непосредственный.

91. Философская Энциклопедия: Советская энциклопедия / Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960-1970. Электронный ресурс: <https://dic.academic.ru/>

92. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с. – Текст : непосредственный.

93. Хабермас, Ю. Производительная сила коммуникации / Ю. Хабермас. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: ACADEMIA, 1995. – Текст : непосредственный.

94. Холл, К. С., Линдсей, Г. Теории личности / К. С. Холл, Г. Линдсей: Пер. с англ. – М.: КСП+, 1997. – 720 с. – Текст : непосредственный.

95. Шабалова, О. А. Формирование подходов к изучению феномена «Региональная идентичность» в российском дискурсе / О. А. Шабалова. – Текст : непосредственный // «Magister Dixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири, №2 (14). – С.139-145

96. Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации / В. М. Шаклеин. – Текст : непосредственный. – Москва : Флинта, 2012. – 301 с.

97. Шамне, Н. Л., Шовгенин А. Н. Теоретические основы изучения языковых контактов / Н. Л. Шамне, А. Н. Шовгенин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-izucheniya-yazykovyh-kontaktov> (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

98. Шкловский, В. О теории прозы / В. О. Шкловский. – Издательство «Федерация» Москва-1929. URL:https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

99. Шовгенин, А. Н. Лингвокультурная напряженность как атрибутивное свойство социолингвистического пространства многоязычного региона / А. Н. Шкловский // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-napryazhennost-kak-atributivnoe-svoystvo-sotsiolingvisticheskogo-prostranstva-mnogoyazychnogo-regiona> (дата обращения 22.10.2022) – Текст : электронный.

100. Щукина, О. В., Фонетическая и грамматическая интерференция при обучении русскому и иностранному языкам билингвов в Приднестровье: Монография. / Щукина О.В., Кривошапова Н.В., Луговская Е.Г. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 116 с. – Текст : непосредственный.

101. Эльбекьян, К. С., Пажитнева, Е. В., Маркарова, Е. В., Муравьева А. Б. Особенности клипового мышления современного студента / К. С. Эльбекьян и др. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2017. – № 4-1. – С. 289-292.

102. Юдина, В. И. Региональный текст в контексте художественной корреляции / В. И. Юдина. – Текст : непосредственный // Вестник

Томского государственного университета // Культурология и искусствоведение. - 2013. – №3 (11)

103. Якобсон, Р. О. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности / Р. О. Якобсон // Бессознательное: Природа. Функционирование. Методы исследования. Т. 3. Тбилиси, 1978. – С. 156–167. – Текст : непосредственный.

104. Brennan, T. The National Longing for Form // Nation and Narration. London; New York, 1990.

105. Canagarajah, Suresh. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. New York, NY: Routledge, 2013. URL: http://journal.urmia.ac.ir/article_20408_463037192a059b7dc3ac5eb3af49720b.pdf

106. Carnine, Julia. « The impact on national identity of transnational relationships during international student mobility », Journal of International Mobility, vol. 3, no. 1, 2015, pp. 11-30. <https://doi.org/10.3917/jim.001.0011>

107. Kachru, B.B. The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English. Studies in the Linguistic Sciences. 1983. Vol. 13. No. 2. С. 37-55 URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/annual-review-of-applied-linguistics/article/bilinguals-creativity/9B6AAC2964020910B43058A4EDF3B147>

108. Lödén, Hans (2010) National identity, inclusion and exclusion An empirical investigation // Cultural diversity, Multilingualism and Ethnic minorities in Sweden. In Sens Public. Retrieved from <http://www.sens-public.org/article769.html>

109. Miscevic, Nenad. Chapter fourteen. Is national identity essential for the identity of persons? In: Nationalism and Beyond: Introducing Moral Debate about Values [en ligne]. Budapest: Central European University Press, 2001 (généré le 12 septembre 2019). Disponible sur Internet: <http://books.openedition.org/ceup/474>. ISBN: 9789633860083, p.217-237

110. Moore, M. Mill's Ode to National Homogeneity // Symposium on David Miller's «On Nationality». Nations and Nationalism, v. 2, pt. 3, 1996.

111. Pederson, Eric, Nuyts, Jan. Overview: On the Relationship between Language and Conceptualization. // Language and Conceptualization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 1-12. E. Pederson, Y. Nuyts 1997.

112. Varun, Uberoi (2018) National Identity – A Multiculturalist's Approach, Critical Review of International Social and Political Philosophy, 21, 1, p.46-64, DOI: 10.1080/13698230.2017.1398475

113. Warvik, B. What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding // Approaches to Cognition through Text and Discourse / Ed. by T. Virtanen. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 99-122.

Публикации автора

1. Луговская, Е. Г. «Остранение языка» как поэтический стиль / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет: Бабенко О.А., Жаравина Л.В. [et al.]; отв. ред. Сирота Е.В.; пер. на англ. яз.: Плешко А.И.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. К.: Славян. ун-т, 2021. – 2021. – 224 р. – С. 86-102.
2. Луговская, Е. Г. Введение в мирологию художественного образа / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Интегральная философия, № 11, 2021 г. – 135 с. – С.79-86
3. Луговская, Е. Г. Взгляд на социопротокод с точки зрения диаспоризации мира как глобального процесса современности / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Образы постнеклассической интегральной философии. Вып. 2: Материалы 2-й летней школы по интегральной философии и философии неовсеединства: сборник статей. М. : ИД «Навигатор», 2015. – 104 с.
4. Луговская, Е. Г. Виртуальная коммуникация как способ реализации парадоксальных интенций / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29–30 марта 2018 г.: в 2 т./ под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – Москва: РУДН, 2018. – Т.2. 470 с. – С.52-61.
5. Луговская, Е. Г. Виртуальная коммуникация как способ реализации парадоксальных интенций / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29–30 марта 2018а г.: в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. – Москва: РУДН, 2018. – Т.2. – 470 с. – С. 52-61.
6. Луговская, Е. Г. Влияние национально-русского билингвизма студентов на их речевую компетентность при обучении на русском языке / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – Том 15 № 2 (2018). – С. 263-267. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-2

7. Луговская, Е. Г. Влияние уровня развития метамышления на речевую способность билингва / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Интеллект. Культура. Образование: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения академика РАО И.С. Ладенко, с элементами научной школы для молодежи (Новосибирск, 16-18 сентября 2018 г.) / М-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед.ун-т, Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Сиб. ин-т управления – филиал РАНХиГС, Обр. комплекс школа-сад «Наша Школа». – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 156 с. – С.117-124
8. Луговская, Е. Г. Игровые способы актуализации метаязыковой рефлексии студентов нефилологических специальностей / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Инновационные технологии в современном образовании: Материалы конф., г.Тирасполь, 23 ноября 2018 г. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 236 с.
9. Луговская, Е. Г. Интенция и антиинтенция как сущностные характеристики субъект-субъектной модели коммуникации / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Образы постнеклассической интегральной философии: Материалы 3-й летней школы по интегральной философии и философии неовсеединства. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2016. – 140 с. – С.126-135
10. Луговская, Е. Г. Информационный факт и речевая манипуляция в лингвистическом и юридическом аспектах / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Литература и журналистика в иерархии культурного пространства современной личности: Материалы научно-практической конференции с международным участием / Ред.кол.: В. В. Тулупов, С. А. Распопова, Н. В. Кривошапова, С. В. Олейников, Ю. В. Ткаченко. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. Ун-та, 2017. – 184 с. – С.111-118.
11. Луговская, Е. Г. К вопросу о влиянии билингвизма на формирование языковой компетентности в отношении родного (русского) языка в Приднестровье / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференций молодых ученых с международным участием. РУДН, 22 апреля 2016 года. М.: Изд-во РУДН, 2016. – 317 с. – С.43-51.

12. Луговская, Е. Г. К вопросу о влиянии билингвизма на формирование языковой компетентности в отношении родного (русского) языка в Приднестровье / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. РУДН, 22 апреля 2016 года. М.: Изд-во РУДН, 2016. – С. 43-50.
13. Луговская, Е. Г. К вопросу о соотношении устной и письменной речи в условиях виртуальной коммуникации / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017 г. / под общ. ред. А.В.Должиковой, В.В.Барабаша; ред.кол. Г.Н.Трофимова, С.С.Микова, С.А.Дерябина. – Москва: РУДН, 2017. – 544 с. ил. – С.292-302.
14. Луговская, Е. Г. К вопросу об изучении литературы родного края и анализе художественного текста / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Функциональная грамматика: теория и практика : сб. научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л. Н. Оркиной / отв. ред. А. Д. Ахвандерова, О. А. Димитриева, З. Н. Якушкина. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – 664 с. – С.498-504.
15. Луговская, Е. Г. К вопросу об особенностях формирования тезауруса языкового субъекта при субординативном билингвизме взрослых // Многоязычие в образовательном пространстве / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Научный журнал. – Выпуск 10. – ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». – Ижевск: 2018. – С. 17-28.
16. Луговская, Е. Г. К вопросу об отражении действительности в естественном языке и коммуникации с точки зрения логики и философии мироподобия / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // XX всероссийская научно-практическая конференция «Дни науки - 2020». 75-летию атомной отрасли: Материалы конференции. Озерск, 20-23 апреля 2020 г. – Озерск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2020. – 266 с. – С.221-225.
17. Луговская, Е. Г. Коммуникация как способ воплощения. К вопросу об истинности и ложности в языке и философии / Е. Г. Луговская. –

Текст : непосредственный // От всеединства к неовсеединству. Размышления о...: Философский альманах. – Озерск: Изд-во ОТИ НИЯУ МИФИ, 2011. – Вып. 12 – 118 с. – С.66-77

18. Луговская, Е. Г. Коммуникация как способ воплощения: квантовая природа понимания / Е. Г. Луговская // Журнал «Интегральная философия» № 6, 2016 г. <http://allunity.ru/journals/J6.pdf>. – Текст : электронный.
19. Луговская, Е. Г. Коммуникация как субъект / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // XVIII всероссийская научно-практическая конференция «Дни науки - 2018». 70 лет ФГУП «ПО «МАЯК»: Том 2. Материалы конференции. – Озерск, 18 -22 апреля 2018 г. Озерск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2018 г. – 164 с. – С.112-116.
20. Луговская, Е. Г. Культура anthropo – язык / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – №9. – 2019. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 158 с. – С. 125-129.
21. Луговская, Е. Г. Место традиционализма в формировании социозэмерджента / Е. Г. Луговская // Журнал «Интегральная философия» № 6, 2016 г. <http://allunity.ru/journals/J6.pdf>– Текст : электронный.
22. Луговская, Е. Г. Механизм формирования социозэмерджента: лингвокультурные основания и коммуникативный потенциал. Раздел монографии / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Теория собственных форм: образы социального протокола: [монография] / [В. И. Моисеев, В. Г. Буданов, В. Э. Войцехович и др.; редколлегия: Моисеев В. И., д. филос. н., профессор (главный редактор), Луговская Е. Г., к. филол. н.; Российский гуманитарный научный фонд. – Москва : Навигатор, 2016. – 187 с.
23. Луговская, Е. Г. Некоторые когнитивные и психоэмоциональные аспекты информационной безопасности в условиях дистанционного обучения / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Информационная безопасность личности субъектов образовательного процесса в цифровой информационно-образовательной среде: сб. науч. тр. / Авторы-составители: В. Г. Мартынов, И. В. Роберт, И. Г. Алехина. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021. – 406 с. – С. 87-98 10.
24. Луговская Е.Г. Нет ни рек, ни пути в том, кто растворился в других. / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный / Один, но рядом с кем-то: сборник номинантов на Премию имени Сергея Довлатова.

- Выпуск 1/ Составитель О. Якк. Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. – 440 с. (Отражение. XXI век). – С.327-331
25. Луговская, Е. Г. Образование как социальный институт формирования национально-культурной идентичности / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах: сборник статей Международной научно-практической конференции молодых ученых. Москва, РУДН, 23-24 сентября 2019 года / Под общ.ред. В.М.Шаклеина. – Москва: РУДН, 2019. – 684 с. – С.419-437.
26. Луговская, Е. Г. Образование как социальный институт формирования национально-культурной идентичности / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах: сборник статей Международной научно-практической конференции молодых ученых. Москва, 2019б. – 684 с. – С. 419-437
27. Луговская, Е. Г. Особенности рефлексии в виртуальной коммуникации // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. – Москва, РУДН, 17 апреля 2020 г. – Москва: РУДН, 2020. – 256 с. – С. 136-142 7.
28. Луговская, Е. Г. От постмодерна к метамодерну: к вопросу о смене парадигм / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Медиапространство и литературный процесс Приднестровья и стран СНГ в новых геополитических условиях. Материалы круглого стола (с международным участием) / Отв.ред. С.А. Распопова, С.В. Олейников. Тирасполь: Изд-во Приднестр. Ун-та, 2019. – 108 с.
29. Луговская, Е. Г., Полежаева, С. С. Особенности нейминговой экспертизы патронимов в условиях национально-русской интерференции / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах» // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. Международная научно-практическая конференция. – СПб.: Первый класс, 2021. – 544 с. – С.389-405.
30. Луговская Е.Г., Проблема понимания при коммуникации / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Образы постнеклассической интегральной философии. Вып. 1: Материалы 1-й летней

школы по интегральной философии и философии неовсеединства: сборник статей. М.: ИД «Навигатор», 2014. – 98 с.

31. Луговская, Е. Г. Психолингвистические и социолингвистические аспекты двуязычного переключения кодов / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Вестник Приднестровского государственного университета / Приднестровский гос. ун-т. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2017. – Сер.: Гуманитарные науки: № 1 (55), 2017. – 228 с. – С.19-23.
32. Луговская, Е. Г. Пунктуационно-графическое оформление речи vs эффективность чат-коммуникации / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29 апреля 2020 г.: в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – Москва: РУДН, 2020. – Т. 2. 374 с.: ил. – С.120-126.
33. Луговская, Е. Г. Репрезентация когнитивно-коммуникативной категории Друговости в структуре сознания как мироподобной системы / Е. Г. Луговская // Интегральная философия, № 10, 2020 г. – С.78-88 <https://allunity.ru/journals/J10.pdf> – Текст : электронный
34. Луговская, Е. Г. Транскультурация и псевдомонолингвизм в аспекте этнической и территориальной идентичностей / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // От билингвизма к транслингвизму: про и контра = From Bilingualism to Translingua: Pro and Contra: материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. – Москва, 1-2 декабря 2017 г. /сост. У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитриук. – Москва: РУДН, 2017. – 562 с.:ил. – С. 227-236.
35. Луговская, Е. Г. Транскультурная лингвоконцептуальная модель глобализации в региональном контексте / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2019; 16(2): – С.214-225 DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2.
36. Луговская, Е. Г. Транслингвизм и семилингвизм как разнонаправленные сущности / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: посвящается нашим Учителям. Материалы IV Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. Российский университет дружбы народов. – 2018. – С.178-184.

37. Луговская, Е.Г. Теоретические основания моделирования социально-коммуникативной системы полиязычного сообщества //
38. Луговская, Е.Г. Теоретические основания моделирования социально-коммуникативной системы полиязычного сообщества // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 2 (54). С. 205-222.
39. Луговская, Е. Г., Берман, А. В. Коммуникация как основная форма существования / Е. Г. Луговская // Интегральная философия. Журнал Интегрального сообщества Выпуск №1, 2012 <http://allunity.ru/journals/J1.pdf> – Текст : электронный
40. Луговская, Е. Г., Берман, А. В. Мифотворчество как акт познания реальности / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Метафизика и история философии в свете неовсеединства. Размышления о...: Философский альманах. – Озерск: Изд-во ОТИ НИЯУ МИФИ, 2013. – Вып.13 – 148 с.
41. Луговская, Е. Г., Карапунарлы, О. П. Когнитивная метафора в современном политическом дискурсе Приднестровья. / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // От истоков к русистике XXI века, международная научно-практическая конференция (2019; Тираспол). От истоков к русистике XXI века: Материалы международной научно-практической конференции, 28-29 ноября 2019 года / редкол.: Погорелая Е. А., Пузов Н. А., Луговская Е. Г. – Тираспол: ПГУ, 2020. – 260 с. – С. 184-190, 244-246.
42. Луговская, Е. Г., Орлова, А. С. Трансформация субъективности в метамодернистском дискурсе как основа трансдисциплинарности современной лингвистики / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // От истоков к русистике XXI века, международная научно-практическая конференция (2019; Тираспол). От истоков к русистике XXI века: Материалы международной научно-практической конференции, 28-29 ноября 2019 года / редкол.: Погорелая Е. А., Пузов Н. А., Луговская Е. Г. – Тираспол: ПГУ, 2020. – 260 с. – С. 159-163, 239-240.
43. Луговская, Е. Г., Полежаева, С. С. Особенности нейминговой экспертизы патронимов в условиях национально-русской интерференции / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах» // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.

Международная научно-практическая конференция. – СПб.: Первый класс, 2021. – 544 с. – С.389-405.

44. Луговская Е. Г., Ухова М. О. Теоретические основания изучения способов формирования транскультурной компетентности / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста: Материалы I Международной студенческой научно-практической конференции (17-21 мая 2021 г.) – Донецк: ДонНТУ, 2021. – 216 с. – С.107-110.
45. Луговская Е. Г., Харитоненко Д. В. Виды коммуникативных помех в условиях полиязычного общения / Е. Г. Луговская. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко по итогам НИР 2017 года / отв. редактор Н.В. Кривошапова. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 548 с.
46. Lugowska, Helena (Луговская Е.Г.) Региональная (локальная) идентичность как форма сохранения культурно символического кода единства личности и этноса, 2018, 11 с. // URL: https://www.academia.edu/s/7bc52ed9fa/тезисы_региональная-локальная-идентичность-как-форма-сохранения-культурно-символического-кода-единства-личности-и-этноса – Текст : электронный
47. Lugowska, Helena, Revisiting human's place and role in humanitarian anthropocentric research of language and communication // 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities - Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020): Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – P. 39-43. DOI <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200901.009>

Научное издание

**Языковая среда
полиязычного региона:
теоретические основания описания**

МОНОГРАФИЯ

Автор: Е.Г. Луговская, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, к. филол. н., доцент